

Эрих Кестнер

Эрих Кестнер

Мальчик и девочка из спичечной коробки

Перевод Елены Леенсон
Иллюстрации Марии Кузнецовой

УДК 821.112.2-053.5

ББК 84(4Гем)-44

К36

Перевод данной книги был поддержан грантом Немецкого культурного центра имени Гёте (Института им. Гёте), финансируемого Министерством иностранных дел Германии

Кестнер, Эрих.

К36 Мальчик и девочка из спичечной коробки : [для ср. шк. возраста : 6+]/ Эрих Кестнер ; пер. с нем. Е. Леенсон ; ил. М. Кузнецовой. — М. : КомпасГид, 2021. — 184 с. : ил.
ISBN 978-5-00083-661-3

Его по-прежнему называют Маленьким Человеком, и он всё так же спит в спичечной коробке. Хотя вы-то уже знаете, что его настоящее имя — Макс Пихельштейнер, или просто Максик, и что он — настоящая звезда цирка. В один прекрасный день великий фокусник Йокус фон Покус разглядел в мальчишке недюжинный талант — и вместе они прославились, пройдя через множество испытаний! История их успеха оказалась достойной фильма. И съёмки вот-вот начнутся, а в главной роли — сам Максик.

У известности есть своя оборотная сторона. Даже если в тебе всего пять сантиметров роста — ты всегда на виду! Поклонники и ненавистники, назойливые журналисты и вдохновлённые кино-режиссёры, благодетели и негодяи — со всеми ними Максику и его друзьям предстоит познакомиться в этой книге. А ещё — вы, конечно же, прочитали название? — они встретятся с девочкой, так похожей на самого Максика...

Эрих Кестнер (1899—1974) — немецкий писатель, без которого не было бы ни Джеймса Крюса с «Тимом Талером», ни Джанни Родари с «Джельсомино». Прославившись книгой «Эмиль и сыщики», Кестнер до наступления нацистской эпохи был самым читаемым и любимым детским автором Германии — и вернул себе этот статус уже после войны. Тогда он прославился по всему свету — существует даже астероид, названный в его честь.

Мало кто умеет говорить с детьми на одном языке столь же легко, открыто и не назидательно, как Эрих Кестнер. Возможно, именно потому писателя и наградили в 1960-м Золотой медалью премии имени Ханса Кристиана Андерсена. «Мальчик и девочка из спичечной коробки» — продолжение чудесной истории про Максика, которое так популярно за рубежом, наконец выходит в России в переводе Елены Леенсон. Полюбившихся читателям героев вновь мастерски изобразила художница Мария Кузнецова.

УДК 821.112.2-053.5

ББК 84(4Гем)-44

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения издательства «КомпасГид».

Original title «DER KLEINE MANN
UND DIE KLEINE MISS» by Erich Kästner
© Atrium Verlag, Zürich, 1967
© Леенсон Е. И., перевод, 2021
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательский дом «КомпасГид», 2021

ISBN 978-5-00083-661-3

Дорогие дети,

вчера у меня был неожиданный гость. В дверь позвонили, я открыл — и кто бы вы думали стоял на пороге? Эрих Шустрик собственной персоной — школьник живёт по адресу дом номер семнадцать по Петушиной улице, первый этаж налево.

— Сюрприз! — крикнул он весело. — Не ждали?

— Что ж, входите, господин Сюрприз, — пригласил я, и мы сразу прошли с ним на кухню, поближе к холодильнику. — Ты здорово вырос, — заметил я.

— А что ещё нам, мальчикам, делать? Из школы вернёшься, уроки приготовишь, куда мама попросит, сбегаешь, английский выучишь, физкультурой позанимаешься... И что дальше? Зубы и башмаки почистишь, ноги вымоешь, ну, высморкаешься как следует, ну, ногти подстрижёшь, ну, причешешься... Вот больше делать-то и нечего. Остаётся только расти.

— Согласен, — кивнул я. — Особенно после всяких треволнений. Но ведь когда с такой силой растёшь, всё время хочется есть. Как на счёт свиной отбивной на косточке? Или ты не голоден?

Эрих покосился на холодильник. Потом посмотрел мне прямо в глаза:

— Не буду врать...

После чего одним махом проглотил отбивную и выдохнул:

— Пальчики оближешь!

Вытер рот, а косточку завернул в салфетку.

— Вдруг на обратном пути встречу собаку, — пояснил он.

— Добавки хочешь? — предложил я. — У меня ещё одна отбивная в холодильнике.

— Нет, спасибо, — сказал Эрих. — Больше не поместится. К тому же я тут по делу. Меня просили передать вам огромный привет и поцеловать в кончик носа.

Он сунул косточку в карман брюк и смущённо заёрзал на стуле.

— Или обойдёмся без поцелуев? — спросил он наконец. — Если честно, мне не очень хочется целоваться.

— Мне тоже, — признался я. — Но кто же тебя обо всём этом просил?

— Максик, конечно, кто же ещё! Он прислал мне длиннющее письмо, аж на десять страниц величиной с почтовую марку. Я чуть глаза не сломал.

— Но почему он не мог продиктовать письмо Розе Марципан, и она бы напечатала на машинке?

— Не мог!

— Это почему же?

— Потому что она ещё не встаёт. Она ведь только что ребёнка родила, мальчика.

— Вот так новости! — закричал я. — И как назвали?

— Пока никак. Роза хотела Даниэлем, а Йокус — Фердинандом. Ну а Максик вообще тако-о-ое предложил!

И Эрих расхохотался.

— Хм, боюсь даже подумать.

— Папашу зовут Йокус фон Покус, вот Максик и посоветовал называть сына Йоксик фон Поксик.

— Ну и Максик, ну и шалопай, — улыбнулся я. — От него всего можно ждать.

Эрих прямо покатывался со смеху. И успокоился, только когда я ему строго сказал:

— А кто будет хохотать, останется без лимонада.

Лимонад Эрих пил у меня в кабинете. Он расхаживал вдоль полок и изучал названия книг. Как вдруг остановился и со всей силы хлопнул себя по лбу.

— Эх, старость не радость, — пробормотал он с досадой.

— Не опережай события, — заметил я. — Сначала идёт юность.

— Нет-нет, у меня старческий склероз, это точно. Опять забыл самое главное!

— Ну, ну, не горюй, подростки-старички — тоже люди, — утешил его я. — Впрочем, интересно: о чём ты забыл на этот раз?

Эрих допил лимонад, поставил стакан на подоконник, набрал побольше воздуха, словно собирался декламировать Шиллера, и произнёс:

— Максик пишет, что в прошлом году вы ему обещали продолжить историю о Маленьком Человеке...

— Было дело, — сказал я. — В Швейцарии, в городке Лугано. На летней террасе. Рядом со мной сидели Йокус и Роза Марципан. А ещё миссис и мисс Симпсон. Мы пили персиковый крюшон. Светила полная луна. Внизу над морем пускали фейерверк, вокруг всё шипело и трещало. Небо и вода переливались всеми цветами радуги.

Зрелище было чудесное. Когда фейерверк потух, Йокус включил свет, и тут мы обнаружили, что Максик исчез. Оказывается, в темноте он забрался на край моего стакана, но не удержался и свалился внутрь. Он промок до нитки, слегка опьянел, и от него ещё три дня несло персиковым крюшоном.

Эрих Шустрик в изумлении смотрел на меня.

— Ну и память, вот это да! — проговорил он почтительно. — Я думал, такая бывает только у слонов.

— Ты мне льстишь, — сказал я. — В тот вечер я действительно обещал ему написать вторую книгу. Неужели он думает, что я не сдержу слова? Хорош!

— Ну... я, конечно, не знаю, — промямлил Эрих. От смущения у него покраснели уши. — Вдруг он вообразил, что вы только и любите, что глазеть в окошко или прохладиться в кафе... или бродить по городу и изучать витрины и чужие заборы...

— Неужто он считает меня лодырем? — перебил я Эриха.

— Слово «лодырь» в его письме ни разу не встретилось, — заверил Эрих. — Слово «лентяй» тоже. Клянусь своим ранцем.

— Верю, но словечко «лениться» туда всё же затесалось, а?

— Может, и так. — Эрих пожал плечами. — Правда, Максик выразился очень изящно: «Боюсь, наш любимец муз слегка разленился».

Тут я не выдержал и рассмеялся. Эрих с облегчением последовал моему примеру.

— Когда думаете начать? — спросил он чуть погодя.

— А я уже начал, — гордо заявил я и так выпятил грудь, что аж рёбра захрустели. — Первая глава уже готова, вон лежит на столе. Да и пишущая машинка ещё не остыла.

Глаза Эриха засветились любопытством.

— Можно глянуть одним глазком?

— Ни в коем случае. Никогда не даю читать незаконченные вещи.

— Жалко! Ох, как жалко! — запричитал Эрих и так и впился глазами в мой стол. — Ведь теперь Максик может подумать, что вы мне её не показали, потому что у вас там не первая глава, а неизвестно что!

— Эрих Шустрик, — произнёс я с достоинством. — Ты просто не выносим. Теперь я понял, что пригрел змею на груди. Да ещё угощал её свиной отбивной и холодным лимонадом.

— Может, мне уйти? — спросил Шустрик уныло.

Я покачал седой головой.

— Уходить не надо. Но в наказание тебе придётся прямо сейчас прочесть первую главу из второй книги о Маленьком Человеке.

И тут — раз! — Эрих подлетел к столу, схватил лежащую там стопку бумаги и громко, с выражением, начал: «Глава первая. Полицейский комиссар Штейнбайс бьётся о стену. Навязчивая идея Бернгарда...»

— Можно потише? — прервал я его с раздражением. — Я и так знаю эту главу почти наизусть.

Пока Эрих читал, я курил и смотрел в окно.

Наконец он дошёл до конца и бережно положил рукопись на место.

— Как вы точно всё описали, — сказал он довольно. — Даже обо мне вспомнили. Приятно.

— Ты заслужил. Кто знает, что случилось бы с Маленьким Человеком, не выгляни ты из окошка?

— Ну, выглянуть может каждый.

— Всё дело в том, чтобы выглянуть в нужный момент. Это искусство.

— Искусство! Скажете тоже. — Эрих соорудил кислую мину. — Посмотрели бы вы на мои рисунки и мои оценки по пению, вы бы не стали так говорить. Ну всё, я пошёл.

С этими словами он встал.

— Завтра же напишу Максику, что вы уже начали.

— А где он сейчас?

— На гастролях в Копенгагене. Они с Йокусом выступают в цирке Шумана. Публика, конечно, в восторге. Максик бы с радостью пожил там подольше. Во-первых, из-за парка Тиволи. Он говорит, что это лучший в мире парк развлечений. Во-вторых, из-за кондитерских — они там на каждом углу. Кроме леденцов и шоколада в них продаётся лакрица — сортов десять, не меньше. И все кондитерские открыты допоздна. Вы вот любите лакричные конфеты?

— Ещё как!

— Я не очень.

— Ах да, ты предпочитаешь ананасный торт.

Эрих поморщился.

— А вы шутник, господин писатель. Так о чём же я? Ах да, Максик и Йокус остановились в гостинице «Эресунн» на берегу моря. Там тоже есть парк развлечений. Кстати очень известный, называется Баккен. Ему почти 150 лет. Рядом живут косули, олени и белки и растут старые дубы. Многим лет по шестьсот, а одному вообще восемьсот! А каменных курганов — просто не счесть, они там ещё со времён викингов. В парке можно прокатиться в повозке с лошадкой и встретить косулю — они там так осмелели, что совсем не боятся людей. Когда их видят, только поводят ушами. К сожалению, директор Грозоветтер никак не может продлить контракт в Копенгагене, потому что в следующем месяце цирк должен выступать в Осло. Хотя наверняка там тоже очень красиво.

— Скорей всего, — сказал я. — Ну а где же мамаша Марципан с безымянным младенцем?

— В Копенгагене, где же ещё! Наверное, они там задержатся на пару недель, пока малыш не окрепнет, и только потом вылетят в Осло. Им-то некуда торопиться. У них всё есть, кроме... — Тут Эрих прикусил губу. — Кроме имени.

Он уже был на лестнице, как вдруг ему ещё что-то пришло в голову.

— А вдруг детям, которые не читали первую книгу, сразу подарят вторую? — спросил он. — Такое ведь тоже может быть?

— Конечно, — сказал я. — Этого нельзя исключить.

— И как же быть? — забеспокоился Эрих. — Если они начнут со второй, то ничего не поймут! Они ведь не знают, что Максика похитили, а потом освободили, и весь город из-за этого стоял на ушах! Они понятия не имеют, кто такие Бернгард, лысый Отто и сеньор Лопес. Страшно подумать, но они даже могут не знать, что в Максике всего пять сантиметров роста и что...

— Прекрати! — вспыхнул я. Мне сделалось так жутко, что ноги задрожали, и я был вынужден опереться о дверь.

Но Эрих не унимался.

— А что, если продавать вторую книгу только тем детям, которые читали первую?

— Вот ещё глупости! — буркнул я. — Да и как это проверить? Кто скажет продавцам, что дети читали, а что нет? Может быть, тётя Фрида, которая второй раз в жизни переступает порог книжной лавки? Или дядя Феликс, который покупает книги только потому, что они дешевле, чем паровая машина?

— Это так грустно, — произнёс Эрих и сел прямо на лестницу.

— Невероятно грустно, мой юный друг.

Я присел с ним рядом. После небольшой паузы Эрих сказал:

— А знаете что? Вы должны в начале второй книги кратко пересказать содержание первой. Ну, здорово я придумал? — И он просиял так, как будто только что открыл Америку.

Но я понуро покачал головой.

— На это уйдёт страниц тридцать или даже сорок. И что скажут те дети, которые читали первую книгу? Думаешь, они обрадуются?

— Ох, нет. Они будут ругаться.

— Это верно.

— Страшными словами. Например: «Чтобы этому Кестнеру трижды землю есть!» Или: «Чтоб ему волосы на пробор томагавком зачёсывали!» Или: «Давайте подсыплем ему кнопок в пиво!» Или вот ещё: «Пусть его Мохаммед Али взгреет!..»

— Не будь таким кровожадным! — взмолился я. — Лучше придумай что-нибудь!

Но Эриху, как назло, ничего не шло в голову. Мне тоже. И вполне может статься, что мы бы до сих пор сидели с ним на лестнице, если бы внезапный порыв ветра не захлопнул с грохотом дверь, а мои ключи не остались на письменном столе.

— Вот не везёт! — ахнул Эрих. — Нашему писателю нужен спасатель. Где тут найти слесаря?

На моё счастье, я знал одного. Эрих пообещал зайти к нему на обратном пути, попрощался и что было духу припустил по дорожке.

Но слесарь бегал вовсе не так быстро, как Шустрик, если бегал вообще. Когда он наконец появился, был глубокий вечер. А пока я сидел в потёмках на лестнице и ждал слесаря, мне пришла в голову спасительная мысль. Быть может, этим озарением я обязан как раз темноте? (Если дело и впрямь в ней, то мне следовало бы почаще забывать дома ключи и торчать перед дверью на тёмной лестнице.)

Как бы то ни было, когда слесарь открыл дверь, я на радостях заплатил ему на две марки больше (за то, что так долго шёл) и немедленно принялся писать господину Лемке*, который иллюстрировал первую книгу. Вот что я ему написал:

Очень Вас прошу нарисовать десять картинок к первой книге, мы их поместим в начале второй. Тогда дети, которым ещё

* Немецкий художник Хорст Лемке (1922–1985) — автор иллюстраций ко многим произведениям Эриха Кестнера, в том числе к обоим книгам о Маленьком Человеке. Современное русскоязычное издание проиллюстрировано Марией Кузнецовой. (Здесь и далее — примеч. пер.)

ничего не известно о Максике, смогут узнать, что же с ними произошло. А те дети, которые уже читали первую книгу, всё равно скучать не будут, потому что эти картинки они ещё не видели. И кстати, если у Вас возникнут затруднения, можете поступить так же, как я, — посидеть в потёмках на лестнице!

Через несколько дней пришёл ответ:

Я последовал Вашему совету, — писал господин Лемке. — Когда стемнело, я уселся на лестнице. К сожалению, этот совет мне дорого обошёлся, потому что лестница оказалась свежеекрашенной, но я заметил это только тогда, когда кто-то зажёл в подъезде свет. Серые брюки с красными полосами сзади смотрятся просто ужасно. Несмотря на это, отправляю вам десять рисунков. С лучшими пожеланиями от лестницы к лестнице,

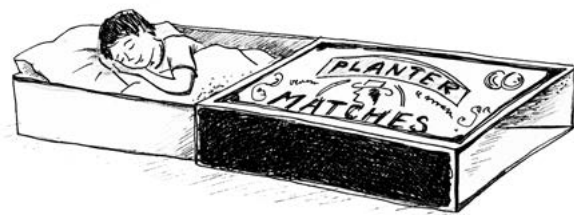
ваш Хорст Лемке

Он прислал рисунки, а я сделал подписи. Мы с Лемке надеемся, что следующие страницы будут полезны тем детям, которые ещё не знакомы с Маленьким Человеком, и что они позабавят всех наших читателей, впрочем, как и вся книга.

Эти крошечные мужчина и женщина — самые маленькие артисты в китайской акробатической труппе «Семья Бамбусов» из цирка «Стильке». Они женаты, называют себя Ву Фу и Чин Чин, и оба не выше пятидесяти сантиметров. На самом деле они вовсе не китайцы, носят фамилию Пихельштейнер и происходят из деревни Пихельштейн в Богемском лесу. Деревня эта прославилась благодаря трём вещам: все её жители необыкновенно малого роста, все носят фамилию Пихельштейнер и все — изумительные гимнасты.

А это — Максик Пихельштейнер, сын Ву Фу и Чин Чин. За его низкий рост (меньше пяти сантиметров) его прозвали Маленьким Человеком, и он спал в спичечной коробке. В шесть лет Максик лишился родителей. Их сдуло сильным ветром с Эйфелевой башни, а через две недели португальский пароход выловил в Атлантическом океане пару чёрных китайских косичек. Косички торжественно хоронили всем цирком в маленькой шкатулке из слоновой кости. Максик был безутешен.

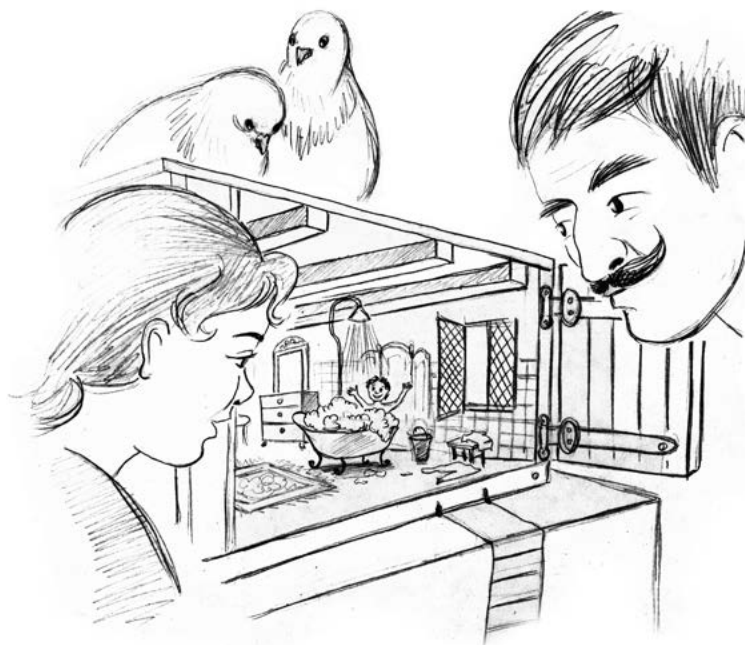
Это профессор Йокус фон Покус, фокусник в цирке. Он заботится о Максиме, учит его читать, писать и считать. А поскольку рост мальчика меньше пяти сантиметров, учить его очень непросто. Ночью спичечная коробка с Максимом лежит на ночном столике профессора. Эмма и Минна спят на шкафу, а белая крольчиха Альба — в корзинке. Эмма и Минна — не горничные, а голубки из породы хохотуний. Как и Альба, они помогают профессору показывать фокусы.

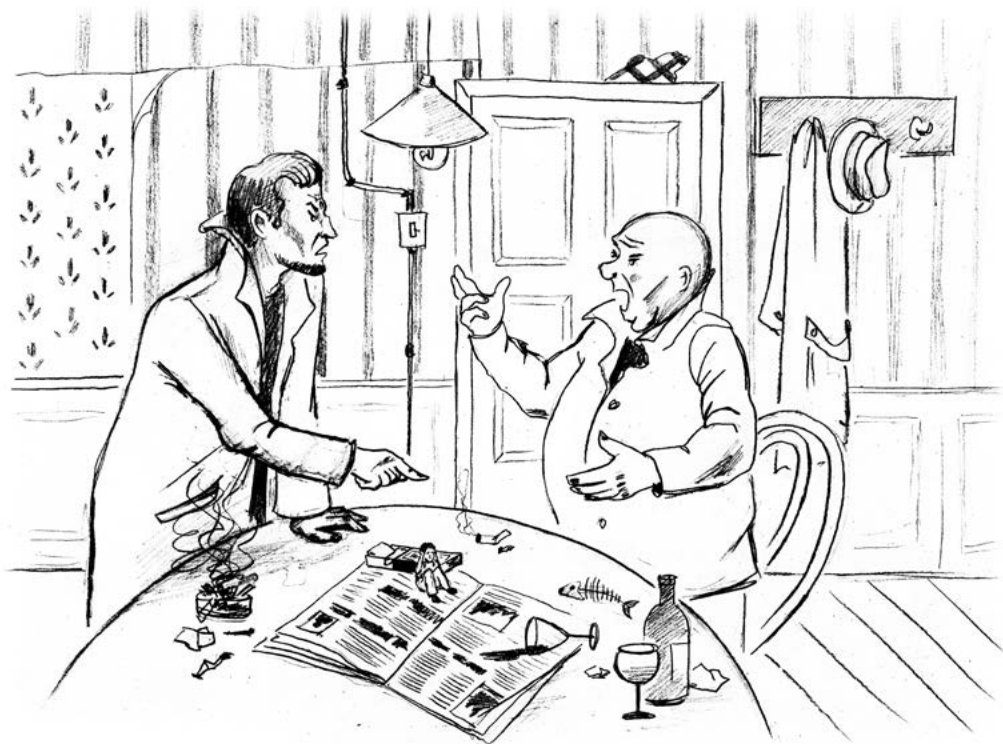
А это красавец Вольдемар. Он был манекеном в витрине магазина, пока его не купил Йокус. Всё дело в том, что, несмотря на свой мизерный рост, Максик мечтал стать артистом. И Йокусу пришла в голову прекрасная мысль: он сделает из Максика первого в мире невидимого артиста! Малыш тренировался несколько месяцев: лазил по Вольдемару вверх-вниз, пока не овладел всеми трюками, необходимыми для сенсационного номера Йокуса и Максика. Название для него они придумали сразу: «Большой вор и Маленький Человек».

Этот толстый господин носит фамилию Тонки, а рядом с ним — доктор Горнбостель, адвокат. Оба стоят в центре манежа без галстуков, шнурков и подтяжек, потому что их дочиста обобрали Йокус и Максик. Причём господа Тонки и Горнбостель даже не заметили, как это произошло. Разумеется, они получили назад все тридцать украденных предметов, а зрители показывались со смеху. Когда же профессор предъявил публике Маленького Человека, восторгам не было предела. Йокус и его чудесный помощник прославились.

Эта игрушечная квартира сделана специально для Максика. Её подарил король Билеам из Бреганзоны. Теперь Максик купается в собственной ванне, а не в мыльнице профессора, как прежде. Всё-таки в славе есть свои преимущества. Гимнастический союз Пихельштейна (Г.С. 1872) избрал Максика своим почётным членом. А одна игрушечная фабрика стала выпускать спичечные коробки с куклами, как две капли воды похожими на Маленького Человека. Однажды, когда профессор зашёл в свой номер, вместо Максика он обнаружил в старой спичечной коробке куклу в полосатой пижаме. Максика похитили!

Это Бернгард и лысый Отто — члены международной банды и те ещё негодяи. Они похитили Максика, прячут его в пустом доме, по очереди стерегут и ждут дальнейших указаний. А ещё злятся, что приходится разыгрывать из себя няньку. Максик даже не знает, где он находится. Правда, одно преимущество в сравнении с Йокусом, Розой Марципан, полицией и всеми остальными у него есть: он-то уверен, что всё ещё жив и здоров. Йокус объявил за него награду в пятьдесят тысяч марок. Но и это не помогло.

Это Роза Марципан и Йокус в ресторане «Золотой окорок». Профессор уже больше суток не ел и не спал. И даже красавица Роза, циркачка и прыгунья на батуте, не могла его утешить. «Помочь делу может только сам Максик», — сказала Роза и оказалась права. Однажды мальчик принялся охать и стонать, как будто у него страшно разболелся живот. Лысый Отто побежал за валерьяновыми каплями (а уж заодно и за водкой). Дверь он, конечно, запер, но Максику это ничуть не помешало, потому что он покинул комнату у Отто на спине. На улице Максик перепрыгнул на чугунную калитку и стал думать, кто ему может помочь.

А это Эрих Шустрик из дома напротив. Он плевался на мостовую вишневыми косточками, как вдруг кто-то начал его звать и дразнить, хотя никого не было видно! И только когда Эрих в бешенстве выбежал на улицу, он нашёл там Маленького Человека, которого уже несколько дней все разыскивали. Максик и Эрих позвонили полицейскому комиссару Штейнбайсу, и, когда лысый Отто с валериановыми каплями (а заодно и с водкой) вернулся, его арестовали, и Бернгарда тоже. За обедом Йокус на радостях съел целых два шницеля, а Максик рассказывал о своих приключениях. Вход в гостиницу, где остановились Йокус и Максик, пришлось перекрыть. Весь город праздновал спасение Маленького Человека.

Итак, мои дорогие читатели,

с помощью этих десяти картинок мы попытались ввести в курс дела тех, кто ещё не знаком с Маленьким Человеком. А кто хочет узнать больше, пусть попросит купить ему первую книгу. В конце концов, у каждого ребёнка есть день рождения, да и любимое всеми Рождество случается каждый год.

А кстати, вы заметили, что картинок вовсе не десять? Ну-ка сосчитайте! Их всего девять! Мы с господином Лемке решили проверить, насколько вы внимательны. Никому нельзя слепо верить, даже таким симпатичным господам, как Лемке и Кестнер. Но с этого момента с выдумками покончено, это я вам обещаю.

И чтобы больше не тянуть время, я прямо сейчас расскажу, что же приключилось с Бернгардом и Отто после того, как их задержали. Обоих бандитов доставили в тюрьму и посадили в одиночные камеры (причём эти камеры находились довольно далеко друг от друга). Бернгард только презрительно таращился на голую стену, а лысый Отто принялся изо всех сил колотить кулаком в дверь. «Верните мне мою водку! — вопил он. — У меня выбили из рук бутылку! Это нарушение прав человека!»

Окошко на двери камеры приоткрылось, и в нём показался тюремный надзиратель.

— Чего надо? — спросил он угрюмо.

— Дайте водку! — проорал Отто.

— Ты в своём уме? — вытаращил глаза надзиратель. — Это тюрьма, а не трактир.

От мучительной жажды Отто окосел.

— Я буду жаловаться! — кричал он дурным голосом. — Тебя выкинут на улицу!

— Вряд ли, — сказал надзиратель. — Зато тебя точно не выкинут. Можешь не сомневаться.

И окошко закрылось.

На следующее утро обоих преступников под строжайшей охраной доставили в управление полиции. Полицейский комиссар Штейнбайс собирался допросить их в присутствии Максика, который был не только жертвой, но и главным свидетелем. Йокус посадил Маленького Человека в нагрудный карман, и они покатали в полицию.

Школьника Эриха Шустрика тоже пригласили как свидетеля. Когда полицейская машина забирала его прямо из школы, весь класс чуть не умер от зависти. Ведь они как раз писали контрольную по математике.

Итак, Максик, Йокус и Эрих прибыли в полицейский участок, и сейчас начнётся...

Глава 1

ПОЛИЦЕЙСКИЙ КОМИССАР ШТЕЙНБАЙС БЬЁТСЯ О СТЕНУ.
НАВЯЗЧИВАЯ ИДЕЯ БЕРНГАРДА. ЛЫСОГО ОТТО МУЧАЕТ
ЖАЖДА. В АЭРОПОРТУ ТЕМПЕЛЬХОФ ПРИЗЕМЛЯЕТСЯ
САМОЛЁТ ИЗ ПАРИЖА. МИСТЕР ДЖОН Ф. МИНЕРАЛЬВОТЕР
ПРИБЫВАЕТ ИЗ ГОЛЛИВУДА. ЕГО РОСТ —
1 МЕТР 90 САНТИМЕТРОВ, И ОН ВЕЧНО СПЕШИТ

— **М**ы до сих пор почти ничего не знаем об обоих бандитах, — сказал комиссар Штейнбайс. — У нас есть их паспорта, билеты на самолёт и отпечатки пальцев. Паспорта поддельные. Билеты до Мадрида, но лично я очень сомневаюсь, что они собирались остаться в Мадриде.

— Но ведь отпечатки пальцев подделать нельзя, — заметил Максик, сидя в центре стола на краю пепельницы и болтая ногами. — Они всегда настоящие.

— Правильно! — кивнул Шустрик. — И у всех разные, даже у близнецов. Если человек попадает в тюрьму, то у него берут отпечатки пальцев и сравнивают с другими отпечатками.

— Думаешь, мы этого не сделали? — не выдержал комиссар. — Мы работали день и ночь, без сна! — И он широко зевнул. — Мы сотрудничаем с Интерполом в Париже, со Скотленд-Ярдом в Лондоне, с ФБР в Вашингтоне и с уголовной полицией в Висбадене.

На лице профессора Йокуса фон Покуса отразилось недоумение.

— К чему все эти подробности? — спросил он. — Два отпетых мерзавца похитили Максика, чтобы переправить его за границу. Им самое место в тюрьме, тут двух мнений быть не может. И какая разница, как их на самом деле зовут и чем они раньше промышляли!

— Для вас, может, разницы и нет, — снисходительно заметил Штейнбайс. — Но, во-первых, преступления в прошлом отягчают наказание в будущем. А во-вторых, мы хотим наконец-то вывести на чистую воду этого неуловимого сеньора Лопеса. Лысый Отто сообщил Максику много всего интересного. Может, мне тоже удастся его разговорить.

— Вы будете его пытаться? — ужаснулся Максик.

— Вот ещё! — буркнул Штейнбайс.

— Для бандита он неплохо со мной обращался, — сказал Максик. — Он совсем не злой, просто глуповат.

— Дураки тоже бывают опасны, — заметил комиссар.

Но тут Максик потерял равновесие и свалился прямо в пепельницу, а когда поднялся, то был весь чумазый и то и дело чихал.

Йокус осторожно взял его двумя пальцами, выудил из пепельницы и кое-как отряхнул.

— Запомни, Максик, — произнёс профессор. — Кто не курит, тому не место в пепельнице.

В приёмной перед кабинетом комиссара стояли две деревянные скамьи. На одной из них сидел лысый Отто, а на другой — Бернгард. По обе руки от каждого разместились охранники в форме.

— Осточертело уже тут сидеть, — прорычал Отто. — Ждём, как у зубного.

— Только не вздумай разевать пасть! — прошипел Бернгард. — Ты не у врача.

— Тихо! — рявкнул один охранник.

— Помалкивайте тут! — прикрикнул второй.

— Слышал? — хмыкнул Бернгард. — Прикуси язык!

— Тебя это тоже касается! — гаркнул третий охранник. — Ни слова больше!

— Ладно, — согласился Бернгард.

— Ладно, — повторил Отто, с опаской поглядывая на Бернгарда.

И оба стали молча ждать, когда их позовут.

Первым вызвали Бернгарда. Он уселся напротив комиссара Штейнбайса, закинул ногу на ногу и быстро огляделся. Казалось, ему совершенно не было дела до Максика, который устроился в открытой пачке сигарет. Скользнув ледяным взглядом по уродливой обстановке, Бернгард изрёк:

— Ну и красотища...

Эрих Шустрик захихикал. Но комиссару было не до смеха. Он слишком устал.

— Шутки в сторону! — прикрикнул он на Бернгарда. — Итак, вы со своим сообщником похитили из берлинской гостиницы несовершеннолетнего артиста Макса Пихельштейнера, держали его взаперти в пустующем доме и собирались увезти за границу.

— Позвольте кое-что уточнить, — сказал Бернгард. — Несовершеннолетнего артиста Макса Пихельштейнера похитил я один, без помощи Отто, переодевшись официантом. А то, что мы якобы собирались увезти его за границу, ещё надо доказать.

— Значит, у вас не было планов переправить его в Южную Америку?

— Ещё чего! Везти с собой это маленькое орущее чудовище! — Бернгард поморщился — Да ещё в Южную Америку! С какой это стати? Да и где она, эта Америка? Я видел её только в школьном атласе по географии.

Тут Максик вскочил и принялся грозить ему кулаком.

— Враньё! — крикнул он. — Вы собирались везти меня к Лопесу!

— К какому ещё Лопесу? — Бернгард изобразил удивление. — Понятия не имею, кто это.

— Тогда зачем вы вообще его выкрали? — спросил Штейнбайс.

— О, это длинная история.

— А вы перескажите её покороче.

— Понимаете, у меня навязчивая идея, — начал Бернгард. — Это с самого детства. Стоит мне увидеть пустую спичечную коробку, как я немедленно засовываю внутрь какую-то живность и кладу коробку в брючный карман. Кого только я не ловил! Майского жука, шмеля, бабочку, муху, навозного жука... Они там жужжат и бьются в коробочке, а та — у меня в кармане. Я прямо обожал эти ощущения. С тех пор как я прочёл в газете о Маленьком Человеке, он не давал мне покоя.

— Но я не навозный жук! — возмутился Максик.

— Навязчивые идеи — это болезнь, — вздохнул Бернгард.

— Нужно зашить ему все карманы, — предложил Эрих.

Полицейский комиссар нажал на кнопку звонка.

— Большое спасибо за вашу навязчивую идею, господин... А кстати, как вас зовут? Точнее, как вас звали в те времена, когда вы ещё стряхивали с деревьев майских жуков?

— Видите ли, господин комиссар, я бы очень хотел вам помочь, — проговорил Бернгард. — Но совсем позабыл, когда и где я родился. С тех пор столько лет прошло.

Тут в комнату вошёл один из охранников, которые сторожили Отто и Бернгарда.

— Увести его! — распорядился Штейнбайс. — И привести второго.

Лысый Отто устроился на том же стуле, где только что сидел Бернгард, и ословелыми глазами уставился на стол.

— Привет! — крикнул Максик.

— С такими, как ты, не разговариваю, — проворчал Отто. — Я носился с тобой, как родная мать, и чем ты мне отплатил? Липовые колики! А я, дурень, помчался в аптеку! Эх, никому верить нельзя. — Он печально покачал лысой головой. — Куда катится этот мир, если даже дети такие веролобные!

— Вероломные, — поправил его Шустрик.

Отто махнул рукой.

— Это всё одно — что в лоб, что по лбу. Я добрейшей души человек, а он мне такую свинью подложил. Пусть он и коротышка, а поступать так подло.

— Мне кажется, для похитителя детей вы слишком нескромны, — тихо сказал Йокус и сделал едва уловимое движение вперёд.

— А я вообще больше рта не раскрою, — пообещал Отто. — Я ведь не у зубного.

— И очень зря, — сказал комиссар.

Он извлёк из левого ящика стола бутылку водки и стакан, поставил оба предмета на письменный стол и так улыбнулся, словно Отто был его любимым племянником.

— Вы не похищали Маленького Человека, — сказал Штейнбайс. — Это дело рук вашего сообщника Бернгарда. Но вас можно обвинить в пособничестве, а это тяжкое преступление. Впрочем, пособничество — понятие растяжимое.

Всё это время лысый Отто как загипнотизированный смотрел на пустой стакан и бутылку.

— Суд решит, насколько строго вас наказывать.

Господин Штейнбайс налил полстакана и со словами «Ваше здоровье!» придвинул его к Отто. Тот схватил стакан и, прежде чем остальные сосчитали до трёх, осушил его. Отто прихрюкнул от удовольствия, поставил стакан на стол, набрал побольше воздуха и произнёс:

— Ну, валяйте ваши вопросы.

— Пока вы сторожили Маленького Человека, вы наговорили ему кучу всего. В том числе о некоем сеньоре Лопесе. Якобы это самый богатый в мире человек, который живёт в секретной крепости где-то между Сантьяго и Вальпараисо, коллекционирует картины и балерин, и его охраняет сотня стрелков. И что два года назад вы с Бернгардом украли для него цыганку в Лиссабоне и теперь она каждый день ему гадает на картах. А что вы ещё о нём знаете? Кто ему помогает? Он сам приказал украсть Маленького Человека? Где и когда это было? Или передал приказ через кого-то? Тогда через кого же?

Отто пялился на бутылку, облизывался и молчал.

— Услуга за услугу, — предложил комиссар. — Вы поможете мне, а я — вам.

Он снова налил полстакана и снова придвинул его к Отто.

На этот раз Отто не торопился. Он пил маленькими глоточками и то и дело встряхивался, как будто хотел лучше протолкнуть водку внутрь.

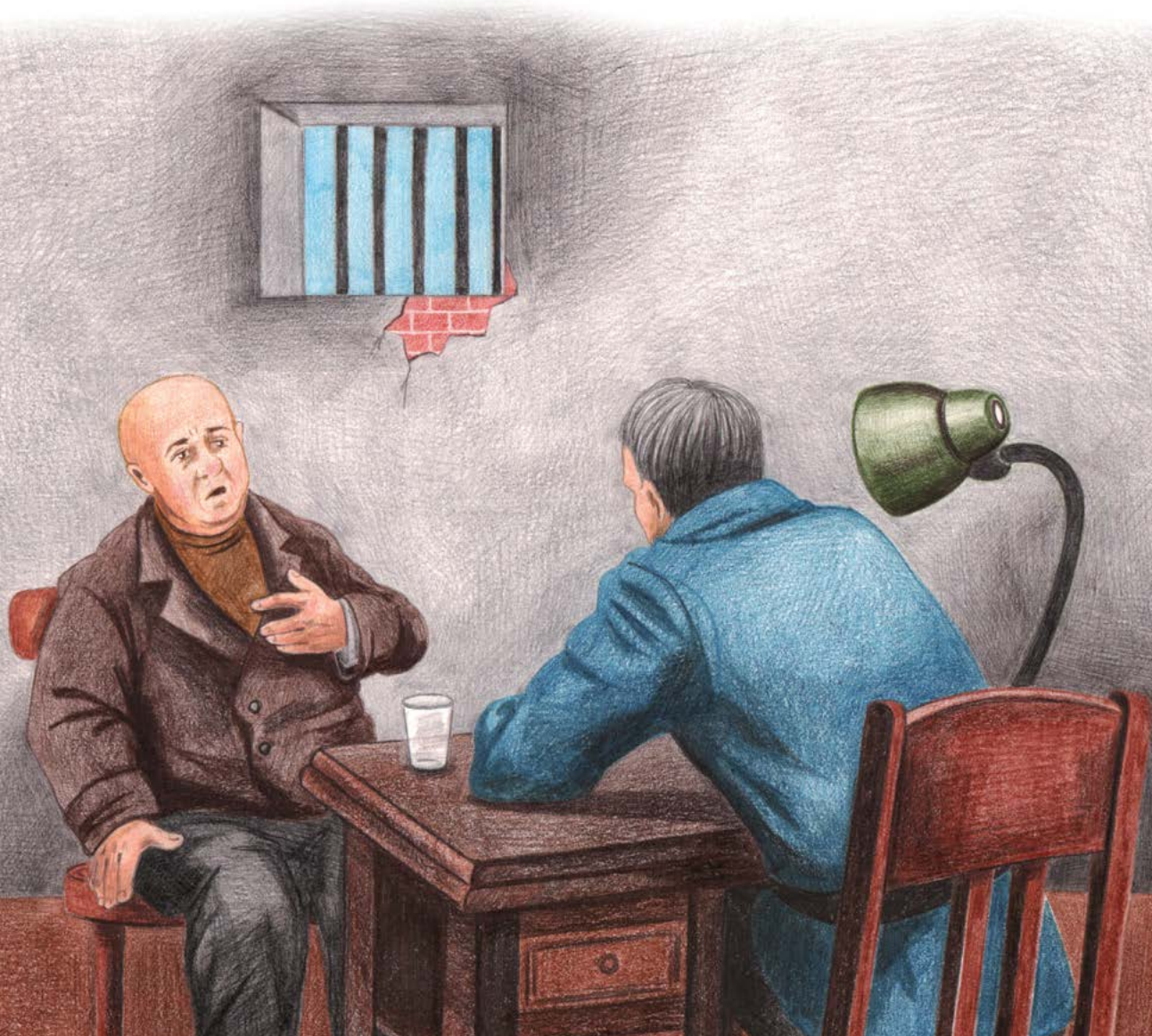
— В жизни не слыхал такой небывальщины! — сказал он наконец. — Просто уши вянут это слушать.

Все удивлённо смотрели на Отто.

— Но он сам это говорил! — закричал Максик, отчаянно жестикулируя.

— Глупости, — буркнул Отто. — Такой, как ты, соврёт — недорого возьмёт. Какую басню сочинил — просто диву даёшься!

— Я не вру! — завопил Максик. — Это свинство!
Профессор Йокус фон Покус нервно тербил свои элегантные усы.
— Обычно я не драчлив, — сказал он. — Но сейчас у меня руки чешутся.
И он медленно поднялся со стула.
— Bravo! — крикнул Шустрик. — Отчебучьте его хорошенько!
Щёки у школьника стали ярко-красные.
Тут полицейский комиссар с такой силой треснул кулаком по столу, что Максик сам собою подпрыгнул на месте.
— Тишина! — рявкнул Штейнбайс.

Он убрал бутылку в ящик стола и снова позвонил.

— Последний вопрос, — бросил он Отто. — Если никакого Лопеса нет, то зачем ты, баранья башка, то есть башковитая лысина, то есть лысая башка, вообще украл мальчика?

Отто сделал большие глаза.

— Вы сами не знаете, что несёте, — сказал он. — Сперва говорите, что я тут ни при чём, а это всё Бернгард. И вдруг спрашиваете, зачем я это сделал. Чёрта с два, я только пособник, а пособничество — ужасно растяжимая штука. Спросите-ка лучше Бернгарда!

В комнату вошёл охранник.

— Увести его! — скомандовал Штейнбайс.

Только Отто вышел из комнаты, как комиссар, пошатываясь, побрёл к дивану в углу кабинета, уселся на него и принялся стягивать сапоги.

— Конечно, до вечера ещё далеко, — сказал он. — Но я не спал целые сутки. Спокойной ночи!

И он плюхнулся на диван. Пружины под ним взвизгнули, как дюжина поросят перед кормёжкой. Но Штейнбайс этого уже не слышал — он спал.

В тот же вечер произошли ещё два события, которые имеют самое непосредственное отношение к нашей истории. В Берлин прибыл мистер Минеральвотер. А в аэропорту Орли (что рядом с Парижем) началась операция «Спящая красавица». Правда, это диковинное название появилось, когда было уже слишком поздно. Задним-то умом все крепки.

Позднее установили, что ровно в 16:25 из Орли в Берлин charterным рейсом вылетел самолёт, на котором летели тридцать восемь пассажиров. Конечно, в наши дни charterные рейсы не редкость. И даже в том, что на его борту летели одни мужчины, не было ничего необычного.

Быть может, это были члены кегельного клуба* или певцы мужского хора, кто знает.

Самолёт благополучно приземлился в Берлине и встал на стоянку в ангар. Его арендовали на три дня и обратный рейс заранее оплатили. Руководитель группы месье Буало попросил пилотов порекомендовать ему такую гостиницу, чтобы с ним можно было в любой момент связаться по телефону. Ведь есть вероятность, что им придётся вылететь в Париж раньше срока. Затем он попрощался и стал искать свою группу, которая как раз ожидала багаж в зале прилёта.

В тот момент никто ещё не знал, что эти мужчины собираются делать в Берлине. Но если бы вы видели, как они тягают свои тяжеленные чемоданы, то сразу бы поняли: никакие они не члены кегельного клуба и уж тем более не певцы. Но, к сожалению, вас там не было. Что ж, везде не поспеешь...

Как я уже говорил, в тот же самый вечер в Берлин прибыл мистер Минеральвотер. Полное имя — Джон Фостер Минеральвотер, один из крупнейших американских кинопродюсеров. Кстати, роста он был тоже немало: 1 метр 90 сантиметров в носках. Такое не каждому под силу.

Поначалу он хотел послать в Германию начальника европейского отдела, который первым обратил внимание на сенсационный успех Маленького Человека. Но потом решил отправиться в Берлин собственной персоной. Голливуд — Нью-Йорк — Лондон — Берлин — время в пути пролетело незаметно. Он просто обязан был снять фильм о Маленьком Человеке, чего бы это ни стоило. Оставалось только надеяться, что борьба за Максика ещё не развернулась и другие продюсеры пока не поняли, какой великолепный материал они упускают. В общем, теперь или никогда!

* Мы бы скорее сказали «клуб любителей боулинга». А в Германии такие клубы называют кегельными. Раньше туда почти не принимали женщин.

Когда к гостинице «Хилтон» на Будапештской улице подкатило такси и в дверях машины во весь свой рост вытянулся Минеральвотер, у главного входа его уже поджидали управляющие отеля. Завидев важного гостя, они учтиво поклонились.

— Что вы там ищете? — спросил Минеральвотер, потому что управляющие уж слишком низко нагнулись. Но прежде чем они успели учтиво посмеяться над его шуткой, он скрылся в лифте. А пока руководство гостиницы бежало к лифту, Минеральвотер уже сидел в своём номере и звонил по телефону. Тут-то и начнётся...

Глава 2

ДИРЕКТОР ГРОЗОВЕТТЕР МЕНЯЕТ ЦВЕТ ПЕРЧАТОК.
РОЗА МАРЦИПАН ОДАЛЖИВАЕТ МИСТЕРУ
МИНЕРАЛЬВОТЕРУ БИНОКЛЬ. СОВЕЩАНИЕ В ГОЛУБОМ
САЛОНЕ. ОДНИМ СПАТЬ НЕ РАЗРЕШАЮТ,
ДРУГИМ НЕ СПИТСЯ, А ТРЕТЬИ НЕ ХОТЯТ

Мистер Минеральвотер не знал усталости. «Я сплю всего дважды в году, — говаривал он. — Первый раз — в июле и второй — в декабре. Но тут уж мне приходится проспать целый месяц, день за днём. Без вариантов».

Поражённые репортёры обыкновенно спрашивали: «Может, вы хоть изредка просыпаетесь, чтоб подкрепиться?»

Но Минеральвотер был неумолим. «Это ни к чему, — отвечал он. — Не люблю половинчатых решений. Сонные месяцы я провожу на своей яхте „Слипвелл!“^{*}. Кроме капитана и команды со мной ещё два надёжных сотрудника. Один за меня ест, а другой — моется».

Правду ли говорил Минеральвотер, понять было нельзя, поскольку выражение лица у него оставалось совершенно серьёзным.

Как бы то ни было, но в Берлине этому большому боссу было явно не до сна. Сначала он позвонил Йокусу фон Покусу. Потом — директору цирка Грозоветтеру. Потом — полицейскому комиссару

^{*} Sleep well (англ.) — «спокойной ночи!».

Штейнбайсу (комиссар разговаривал безо всякой охоты, поскольку всё ещё лежал на диване). Потом — американскому генеральному консулу. Потом — в «Дойче банк». Потом — в филиал своей кинокомпании во Франкфурте. Потом принял душ (на этот раз — самостоятельно, ведь дело было не в июле и не в декабре). А потом направился в «Золотой сити-бар», где съел запечённое с сыром рагу (кстати, ел он тоже сам).

К началу представления Минеральвотер уже сидел в цирке, в специально зарезервированной ложе.

Директор цирка Грозоветтер в белоснежных перчатках горячо его приветствовал. И попросил разрешения «представить важного гостя многочисленной публике» (между прочим, все билеты были проданы).

— А почему вы меня об этом спрашиваете? — удивился Минеральвотер. — Спросите лучше вашего важного гостя!

Директор Грозоветтер только всплеснул перчатками.

— Вы меня не поняли! — воскликнул он. — Важный гость — это вы и есть.

— Да как вы смеете?! — рассердился Минеральвотер. — Я здесь как бизнесмен. Поспешная реклама только вредит делу! Сделаете мне одолжение?

— Охотно.

— Зажмите себе рот своими перчатками и помалкивайте, пока контракт не будет готов.

— Надеюсь, вы это не всерьёз, — надулся директор. — Ну, я, пожалуй, пойду.

— А я думал, вы уже ушли, — словно вскользь проговорил мистер Минеральвотер, листая программку.

Когда Грозоветтер пересказывал этот разговор в гримёрке профессора, он был вне себя.

— Что за грубиян! — кричал директор. — Я, видите ли, должен помалкивать!

— Конечно, это не очень-то вежливо, — согласился Йокус. — Но по большому счёту он прав. Он боится разбудить конкурентов, которые предложат нам больше денег.

— А нам какое дело! — воскликнул директор, закручивая кончики усов. — Мы заключим контракт с тем, кто лучше заплатит.

Но Йокус только покачал головой.

— Мы заключим контракт с тем, кто лучше, то есть с Минеральвотером, — сказал он. — Мой дорогой Грозоветтер, разрешите кое о чем вам напомнить. Не так давно, а точнее совсем недавно, номер «Большой вор и Маленький Человек» имел сенсационный успех. После этого обоим артистам предлагали баснословные суммы. И что же они сделали? Кинулись сломя голову за деньгами?

Директор Грозоветтер со страдальческим выражением лица устался на носки своих лаковых ботинок.

— Нет, не кинулись, — признался он. — Но деньги, которые я вам плачу по контракту, тоже ведь не фунт изюму.

— Ещё бы! — согласился Йокус. — Мой девиз — «Лучший контракт с лучшим человеком». Согласны?

— Как вам будет угодно, господин профессор. — Грозоветтер щёлкнул каблуками и направился к двери, где столкнулся с Розой Марципан.

Она была в трико и полупрозрачной юбочке, поскольку тоже собиралась участвовать в представлении с прыжками на батуте.

— Ну что, заглянуть мне к нашему киномагнату в антракте? — спросила она.

— Будьте осторожны, — предупредил Грозоветтер. — Киномагнат кусается.

— Меня не укусит. — Роза улыбнулась и сделала пируэт.

— Дорогая, иди и ни о чём не думай, — сказал Йокус. — А если он тебя укусит, то я укушу его.

— Я ему передам, — сказала Роза и, сделав глубокий реверанс, побежала в конюшню.

Программа, как и положено программе, шла в полном соответствии с программой. Артисты, клоуны, лошади и даже тигры старались всю. Все зрители были в восторге, и Минеральвотер не исключение. Время от времени он что-то записывал, как будто ставил артистам отметки. Хотя не исключено, что он что-то считал. У бизнесменов так бывает. Они даже во сне считают. Может, и не зря.

В начале антракта многие зрители встали, а Минеральвотер остался на своём месте. Но когда в его ложу вошла белокурая Роза Марципан в серебряном платье, он тотчас поднялся.

— У вас чудесный номер, — сказал он. — И вообще вы очень красивы.

Роза, улыбаясь, подала ему руку.

— Приятно, когда тебя оценивают по достоинству, — проговорила она.

Когда они сели, Роза достала из вечерней сумочки театральный бинокль и протянула его Минеральвотеру.

Тот взял бинокль и принялся рассматривать в него Розу.

— Просто необычайно красивы, — кивнул он.

— А вы настоящий ловелас, мистер Минеральвотер, — сказала Роза. — Но пожалуйста, не смотрите в бинокль, пока на арене не появятся Йокус и Максик.

— Очень жаль, — произнёс Минеральвотер.

Вторая половина представления прошла даже лучше, чем первая. Это и неудивительно, ведь все с нетерпением ждали сенсации под названием «Большой вор и Маленький Человек». И когда под бурные овации на арене появился профессор Йокус фон Покус, мистер

Минеральвотер схватил принесённый Розой бинокль и стал смотреть во все глаза. Он оторвался от бинокля, лишь когда голубка Эмма, покружив под куполом вместе с Максиком, благополучно опустилась на руку профессора.

На целых двадцать восемь минут мистер Минеральвотер из знаменитого кинопродюсера превратился в обыкновенного зрителя. Вместе с двумя тысячами таких же зрителей он заворожённо следил за происходящим на арене. Он так же смеялся, так же вздрагивал от неожиданности, так же волновался и так же неистово аплодировал.

И когда вокруг манежа внезапно поднялась круговая решётка, Минеральвотер вместе с остальными ринулся вперёд, чтобы наконец-то увидеть Маленького Человека, который махал публике рукой. Ведь, как ни таращился американец в бинокль, увидеть Максика во время представления ему так и не удалось.

Девушка Марципан не спускала глаз с господина из Голливуда и ничегошеньки не упустила. О, теперь она точно знала, что Минеральвотер не только расчётливый делец, для которого нет ничего, кроме цифр, и который вместо людей видит их зарплаты, а вместо цветов — ценники в магазинах.

Но когда, протиснувшись сквозь бурлящий поток зрителей, Минеральвотер вернулся в ложу, он снова стал дельцом.

— Купол под шатром плохо освещён, — сказал он недовольно. — Голубку с Макси́ком совсем не видно, а их нужно показать крупным планом. У вас что, нет постоянных цирков? С каменными стенами, прожекторами и рампой, где будут висеть мои камеры. К тому же если снимать в этом шатре, то придётся чертовски много заплатить за страховку.

— У страховщиков просто выбора нет, — засмеялась Роза. — Если б они так не заламывали цены, то им пришлось бы самим работать в цирке.

— Отличная мысль! — воскликнул Минеральвотер и от удовольствия зажмурил глаза. — Хотел бы я посмотреть на них в цирке!

Тут Роза перешла на серьёзный тон.

— Конечно, у нас есть постоянные цирки, — сказала она. — Например, цирк «Кроне» в Мюнхене, на Марсштрассе, недалеко от центрального вокзала. Кстати, его недавно отремонтировали.

— А можно его арендовать? — поинтересовался Минеральвотер.

— Зачем? — удивилась Роза. — У нас и так там скоро гастроли. Ещё до конца года.

— Надеюсь, не в декабре, когда я сплю?

— Директор Грозоветтер договорился на октябрь и ноябрь.

— Олл райт*, — кивнул Минеральвотер. — Мюнхен меня устроит. И два месяца нам вполне хватит. Цирк будем снимать в цирке,

* All right (англ.) — «отлично».

а всё остальное — на киностудии «Бавария» в Грюнвальде. Кстати, Пихельштейн там тоже недалеко.

— А зачем вам Пихельштейн?

— Так ведь там и начнётся наш фильм! Родители Максика происходят из маленькой деревеньки с крошечными домиками и такими же крошечными жителями. Со своими крохотными чемоданчиками они отправляются на крохотный вокзал, чтобы попытаться счастья в большом мире. Или вы хотите предложить что-то получше?

Но Роза покачала головой.

— Ах, мистер Минеральвотер, лучше и не придумаешь.

— Называйте меня просто Джон, — предложил Минеральвотер польщённо.

Тем временем зрители вокруг них стали всячески проявлять недовольство. Со всех сторон слышалось «Тс-с-с» и «Ш-ш-ш-ш». Кто-то даже прикрикнул: «Да заткнётесь вы, наконец?!»

После представления была назначена встреча в Голубом салоне гостиницы, где снимали номер Йокус и Максик. Заранее скажу, что на этой встрече должны были присутствовать пять человек: Роза Марципан, Джон Ф. Минеральвотер, Маленький Человек, Йокус фон Покус и директор Грозоветтер, который с совершенно потерянным видом забился в самый дальний угол. На Грозоветтере были перчатки мышиного цвета (намёк на неважное расположение духа). Напомаженные кончики усов слегка приспущены. Грозоветтер боялся, что американец всё ещё на него злится.

— Ой, какая каланча! — восхищённо шепнул Максик, когда в комнату вошёл Минеральвотер. — Он как будто для меня создан! Просто идеальный снаряд для лазания!

— Веди себя прилично! — строго сказал Йокус.

— Слушаюсь, господин профессор, — прошептал Маленький Человек. Он сидел на столе и пил из ложечки горячий шоколад.

Минеральвотер закурил большую чёрную сигару и объявил:

— Я хочу снять фильм о жизни Макса Пихельштейнера. Конечно же, Максика должен играть он сам. Надеюсь, на роль других главных персонажей тоже не придётся никого приглашать — вы их сами исполните. Хорошие циркачи — почти всегда отличные артисты.

— А кто будет играть директора цирка? — осторожно спросил директор Грозоветтер.

Минеральвотер расплылся в улыбке:

— Разумеется, вы! Или вы хотите предложить кого-то получше? Нет? Я тоже.

Поникшие кончики усов Грозоветтера снова воспряли. Он незаметно стянул под столом серые перчатки и спрятал их подальше от глаз. Через секунду на его руках красовались перчатки белые как снег! Никакого волшебства в этом не было, просто господин Грозоветтер всегда имел при себе три пары перчаток: белые, серые и чёрные. И менял их в зависимости от настроения. Без этого он никак не мог. Ну и что тут такого? Бывают привычки и похуже. А многие ещё и дороже обходятся.

Мистер Минеральвотер подробно рассказал, о чём будет фильм, а также где и когда он его будет снимать (ведь роль режиссёра он возьмёт на себя). Сообщил, что у него уже есть на примете артисты, которые могли бы сыграть похитителей Максика. Поскольку, как пошутил Минеральвотер, крайне маловероятно, что настоящих прохиндеев Бернгарда и лысого Отто отпустят из тюрьмы на время съёмок.

— Как видите, в общих чертах замысел готов, — сказал он. — Не хватает только любовной интриги. Но это штука важная, без неё никак нельзя. Придётся что-то придумать.

Тут Максик так расхохотался, что чуть не поперхнулся горячим шоколадом.

— Вероятно, мы вам сможем помочь, — заметила Роза. — Что, если одна из трёх воздушных гимнасток влюбится в фокусника? А фокусник полюбит её?

Минеральвотер затянулся своей кубинской сигарой и задумался.

— В общем-то неплохо, — сказал он наконец. — Но нет драматизма. Зрители только и ждут всяких стычек. Когда всё хорошо, это никому не интересно.

— Ну, за стычками дело не станет, — вмешался директор Грозоветтер, нежно поглаживая левой лайковой перчаткой правую. — Скажем, один клоун из ревности поменяет местами два фрака — фокусника и наездника?

— А что, интересно! — оживился Минеральвотер.

— И когда ни о чём не подозревающий наездник покажется на манеже в волшебном фраке фокусника... И из этого чужого фрака вдруг вывалится букет бумажных цветов, выпорхнут две дрессированные голубки, а из подкладки цилиндра выпрыгнет белоснежная крольчиха... Испуганный жеребец встанет на дыбы, а прославленный наездник вылетит из седла и шлёпнется на песок...

— Браво! — крикнул Минеральвотер. — Вот оно! Любовь, ревность, страсти, перепутанные фраки, комическая сцена, наездник кидается с кулаками на клоуна, фокусник целует прелестную блондинку — великолепно! Но согласится ли такой серьёзный господин, как профессор Йокус фон Покус, играть страстного любовника?

Он посмотрел на «серьёзного господина профессора» и не поверил собственным глазам. Девушка Марципан, по профессии воздушная гимнастка, нежно прильнула к Йокусу фон Покусу!

— А он уже согласен, — проворковала она.

— Придётся, пожалуй, — смущённо вставил профессор.

— Ого! — только и сказал Минеральвотер. — Кажется, я начинаю понимать. Жизнь превосходит все наши фантазии.

— Именно! — Директор Грозоветтер радовался как ребёнок. — Я ведь ничего не придумал! Клоун, перепутанные фраки, наездник в песке — всё это произошло в моём собственном цирке!

— Да здравствуют факты! — восторженно провозгласил Минеральвотер. — Порой жизнь выписывает такие кульбиты — не хуже, чем в кино.

Тут все дружно рассмеялись, в том числе Минеральвотер.

Вдруг он сделался чрезвычайно серьёзным, выпрямился и произнёс:

— Что касается так называемой творческой составляющей, мы более или менее всё обсудили. Конечно, это тоже существенно. Но теперь перейдём к самому главному, а именно к коммерческой стороне дела.

— Обсудим это в другой раз, — сказал Йокус. — Мальчику давно пора спать.

— Так положите его в спичечную коробку, — предложил американец.

Но Йокус энергично замотал головой.

— Исключено. Мы с ним партнёры. Ой, а где же он? — вздрогнул профессор.

Это было как удар молнии. Все уставились на стол, где только что сидел Маленький Человек, но он бесследно исчез!

— Максик! — позвал Йокус.

— Милый! — позвала Роза Марципан.

— Маленький мой! — позвал директор Грозоветтер.

Ни звука.

— Макси! — позвал мистер Минеральвотер.

Все, кто был в комнате, затаили дыхание и боялись шелохнуться.

Но ничего не произошло. Тишина стояла мёртвая. Только перед комнатой кто-то медленно ходил: туда-сюда.

В мгновение ока Йокус подлетел к двери и её распахнул.

— Кто тут? — выдохнул он.

— Господин профессор, вы же меня знаете, — удивился стоявший за дверью человек. — Я детектив и слежу за Максиком.

— Ну и где он?

— То есть как это — где? — Детектив был явно озадачен. — Он там, с вами. Всё это время я охранял дверь, чтобы его опять не украли.

— Но его тут нет! — крикнул Грозоветтер, быстрым движением стягивая белые перчатки.

— Этого никак не может быть! — заявил детектив. — В Голубом салоне только одна дверь, и я не спускал с неё глаз с тех пор, как вы туда вошли.

— Почему же он тогда не отвечает, хотя мы его очень громко зовём? — раздражённо спросил Минеральвотер. — Он пропал, да и всё!

Но детектива не так-то просто было вывести из равновесия.

— Это исключено, — объявил он. — Ваш галстук, например, тоже пропал. Но он наверняка в этой комнате.

И действительно, разноцветный галстук Минеральвотера исчез. И никто этого даже не заметил.

— Он где-то здесь, — уверенно воскликнула Роза Марципан. — На колени, господа! Приступаем к поискам!

И четверо мужчин принялись ползать на четвереньках по Голубому салону. Жаль, что некому их было сфотографировать. Получился бы отличный кадр.

Роза Марципан не ползала вместе со всеми — ей мешала слишком узкая юбка. Кроме того, у её ног было четверо мужчин, а этого вполне достаточно. Поэтому она стала осматривать всё, что выше пола: маленькие угловые столики, книжный шкаф, буфет со старинным фарфором и изящный письменный стол в стиле бидермейер. Один из ящичков стола был приоткрыт, и из него торчал кончик разноцветного галстука из мягкого фуляра*.

* Так называется тонкая шёлковая ткань.

Роза осторожно приподняла край галстука и произнесла с удивлением:

— Ах, вот ты где, маленький проказник!

Четверо мужчин как по команде вскочили и устремились к столу, на ходу отряхивая брюки. Все взгляды обратились к открытому ящику. Максик спал. Спал как младенец. Он не проснулся, даже когда Йокус бережно положил его на ладонь и на цыпочках вышел из салона.

Лишь когда он перекладывал Максика в старую спичечную коробку у себя в номере, тот приоткрыл глаза и пробормотал:

— Я о-о-очень устал.

И снова уснул.

А в коридоре, перед дверью в комнату профессора, сидел детектив и пил чёрный кофе. Он по-прежнему сторожил Максика. Спать ему не разрешалось.

Мистер Минеральвотер уехал в свой «Хилтон» и продолжил считать. Так что ему тоже было не до сна.

А где-то в огромном Берлине сидел месье Буало со своей диковинной группой туристов. Никому из них спать не хотелось. Им ещё нужно было обсудить свои тёмные делишки, намеченные на следующий день. С этого самого дня, хоть и не со странных французов, начнётся...

Глава 3

БИЗНЕС, ТОЛЬКО БИЗНЕС. СЧИТАТЬ ТОЖЕ НАДО УМЕЮЧИ.
ЗАГАДОЧНЫЙ КОНВЕРТ. ГОСПОДИН ГЁТЕ В РОЛИ УЧИТЕЛЯ.
ВТОРОЙ ЗАПЕЧАТАННЫЙ КОНВЕРТ. УДАЧНАЯ СДЕЛКА

Деловые переговоры продолжились сразу после завтрака. Дверь в Голубой салон снова охранял детектив — правда, теперь это был другой человек. Всё-таки вчерашний детектив, который сторожил Максика вечером и ночью, порядком притомился и пошёл спать. Детективы сменяли друг друга каждые двенадцать часов.

Что же касается переговоров, то я не буду их подробно описывать, скажу лишь о самом главном. Насколько мне известно, дети не очень-то интересуются подобными вещами. Вот если бы полицейские поймали одноглазого бандита с помощью лассо или подвыпивший бургомистр дирижировал оркестром пожарных и упал бы прямо на сцене — тогда дело другое. В сравнении с такими событиями деловые переговоры — та ещё скучотища.

И всё-таки я никак не могу о них не сказать. Во-первых, эти переговоры имеют большое значение для нашей истории. Ну а во-вторых, вам будет полезно узнать, как они проходили. Вы ведь наверняка учитесь складывать, вычитать, делить и умножать и делаете это не ради учителя или, там, директора. Кто плохо считает, того рано или поздно могут обмануть, а это очень обидно. К сожалению, хорошие математики далеко не всегда хорошие люди.

— Итак, предмет нашего торга известен, — сказал мистер Минеральвотер. — Сначала ваше слово, господин профессор. Назовите мне вашу цену.

— Покажи ему конверт! — крикнул Максик.

Он опять сидел на большом столе за маленьким столиком и ел ананасный торт.

— Что ещё за конверт? — удивился Минеральвотер.

Роза Марципан лукаво улыбнулась.

— Нас, циркачей, так просто не возьмёшь, — заметила она.

— Цена написана на листочке, а листочек — в конверте, — сообщил Максик. — Конверт запечатан и лежит в нагрудном кармане моего опекуна и партнёра Йокуса фон Покуса.

— А я об этом ничего и не знал! — с обидой в голосе воскликнул директор Грозоветтер.

Он стянул серые перчатки и против обыкновения ещё около получаса просидел с голыми руками, поскольку никак не мог решить, какие перчатки надевать в этот раз — белые или чёрные.

— Дорогой Грозоветтер, — сказал Йокус. — Наш договор с Минеральвотером — особая статья, на отношения с вами он никак не повлияет. На листочке указана сумма, которую мы с Максиком и Розой просим у мистера Минеральвотера.

— Да что вы заладили про этот конверт! — занервничал Минеральвотер. — Я собираюсь выпустить цветной широкоэкранный фильм о Максике и шесть телепередач. Это дорогое удовольствие. Чтобы возместить все расходы, мне нужны права на показ фильма в течение десяти лет. А ещё — чтобы в октябре и ноябре в мюнхенском цирке «Кроне» вы с Максиком и ваша невеста сыграли самих себя. Это же ясно как день.

— А почему вы решили, что этот фильм такой дорогой? — крикнул Максик.

— Мой компаньон прав, — заметил Йокус любезно. — Фильм о Максике выйдет не дороже, чем любой фильм о цирке. А вот выручите

вы за него раз в десять больше. Потому что это первый случай в истории человечества, когда знаменитым артистом стал мальчик не выше пяти сантиметров. Это же неслыханно! В кинотеатры выстроятся очереди.

— Вы будете загребать деньги лопатой! — вскричал Максик восторженно.

Все, кто был в комнате, с укоризной посмотрели на Минеральвотера.

— Ладно уж, — проворчал он. — Может, этот фильм и впрямь принесёт много денег. Но зачем вам этот конверт? Да и где он вообще?

Йокус достал конверт из кармана и положил на стол.

— Вот он.

Минеральвотер протянул было руку к конверту, но Йокус его остановил.

— Сперва напишите, сколько вы заплатите, а потом мы его откроем, — сказал Йокус.

— Мы только тянем время, — заметил Минеральвотер. — Сами посудите: мы откроем конверт, сравним две цифры и уж потом начнём торговаться. Не пойму, к чему этот спектакль?

— Это ещё не всё! — воскликнул Максик. — Сейчас мы расскажем самое главное.

От нетерпения он потирал руки.

— Торговаться мы не станем, — пояснил Йокус. — Суммы, которые будут написаны, окончательные и обсуждению не подлежат. Если ваша окажется больше нашей, то мы ударим по рукам.

— А если я предложу меньше, чем вы в этом вашем дурацком конверте?

— Тогда... — проговорила Роза с улыбкой, — к сожалению, сделка провалится.

Мистер Минеральвотер выглядел растерянным, а это с ним крайне редко случалось. Он молчал. А господин Грозоветтер на одну руку натянул чёрную перчатку, а на другую — белую, ведь теперь могло произойти всё что угодно.

Немного погодя американец закурил ещё одну чёрную сигару. Посмотрел вслед поднимавшемуся облачку дыма и снова уставился на непонятный конверт.

— М-да, это вы ловко придумали, — сказал он наконец. — Хитрый план, нечего сказать.

— Вы ошибаетесь, — возразил Йокус. — Во-первых, мы ничего не понимаем в бизнесе. А во-вторых, это придумали задолго до нас, лет так сто пятьдесят тому назад.

— Это Гёте придумал, — объяснил Максик. — Великий немецкий поэт.

— Да знаю я, — огрызнулся Минеральвотер. — Ну и что, этот Гёте проделал тот же фокус с конвертом? Но в его время ещё не было кино-продюсеров!

Роза рассмеялась.

— Вы забыли об издателях, — сказала она. — Они тоже были не лыком шиты.

— Деловые люди для того и существуют, чтобы заниматься делами, — заметил Минеральвотер. — А не для того, чтобы всякие поэты и фокусники выкладывали перед ними свои конверты.

— Ну, что было, то было, — примирительно произнёс Йокус. — Один издатель (кажется, его звали Гёшен) решил напечатать новую книгу Гёте и осведомился, какую цену тот запросит. В ответ Гёте отправил к издателю знакомого, чтобы тот вручил Гёшену конверт с запиской от Гёте. Если бы Гёшен предложил меньше, чем было написано в записке, то сделка бы...

— ...провалилась, — вставил Максик.

— И что в итоге? — спросил Минеральвотер.

— Издатель довольно долго раздумывал.

— Ещё бы, — кивнул американец и промокнул лоб салфеткой. Ему вдруг сделалось жарко. — И чем всё кончилось?

— Гёшен написал очень приличную сумму — самую большую, какую мог заплатить. После чего они вскрыли конверт и сравнили

обе цифры. Оказалось, что издатель предложил больше, чем просил Гёте, и сделка состоялась.

— Ваш великий Гёте был тот ещё фрукт, — заметил Минеральвотер. — Жаль, что вы так много о нём знаете.

— Мы не настаиваем, — сказал Йокус. — Можете отказаться.

— В том-то и дело, что не могу. Если уж я решил снять фильм о Маленьком Человеке, то добьюсь своего.

— В таком случае, — продолжал профессор, — мы ждём вашего предложения. И если оно окажется больше, чем цифра в конверте, то всё в порядке. Вы можете спокойно подумать. Мы никуда не торопимся.

— Очень мне надо думать, — проворчал Минеральвотер. — Я и так знаю, сколько самое большее могу заплатить и не разориться.

Он встал, быстрыми шагами подошёл к письменному столу у стены и решительно нацарапал что-то на листочке. Затем вернулся и протянул Йокусу листок.

— Вот, — произнёс он и опустился на стул.

Йокус кинул взгляд на записку и промолчал. Затем на листок взглянула Роза.

— О! — только и сказала она.

— Разрази меня гром! — вскричал Грозоветтер, заглядывая через плечо Йокусу.

А Максик добежал до записки, увидел цифру, которую написал Минеральвотер, помчался обратно к краю стола, оттуда перепрыгнул на Йокуса, как белка, вскарабкался по нему, поцеловал в кончик носа и, проворно скатившись вниз, очутился в старом добром нагрудном кармане профессора.

— Поздравляем вас! — торжественно объявил Йокус фон Покус. — Вы выиграли.

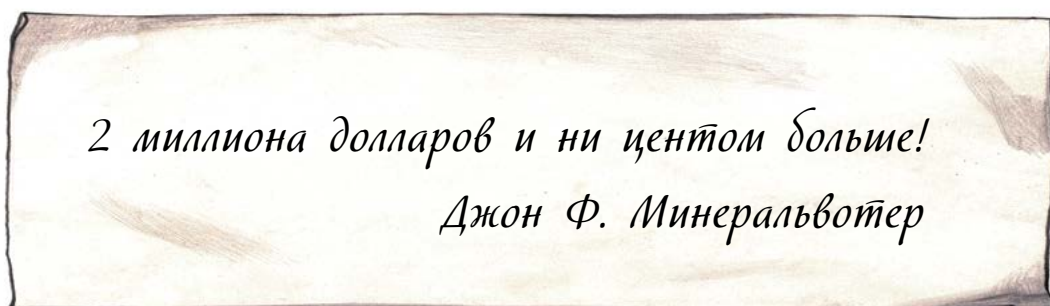
Минеральвотер облегчённо вздохнул.

— Обещаем, что будем очень стараться на съёмках! — крикнул Максик. — А когда фильм будет готов, отправимся на заслуженный отдых.

— Неужели вы меня бросите? — директор Грозоветтер так перепугался, что весь задрожал до кончиков усов.

— Максик, конечно, преувеличил, — заметил Йокус. — Но передохнуть пару месяцев не помешает.

Наверное, вам тоже хочется узнать, что было написано на этом листке. Я видел его собственными глазами. Профессор показал мне его в Лугано, когда мы пили на террасе крюшон и ждали фейерверка. Вот он:

Только подумайте: 2000 000 долларов! Если перевести это на наши деньги, то получится... Но это вы и без меня сосчитаете. Впрочем, и так понятно: такая куча денег на дороге не валяется. Ни Йокус, ни Максик столько не зарабатывают. А уж о прыгунье на батуте нечего и говорить.

— Что ж, — проговорил мистер Минеральвотер. — Вопрос с фильмом решён. Сколько вы за него получите, мне, к сожалению, тоже известно. Но я по-прежнему понятия не имею, что находится в этом проклятом конверте! Можно взглянуть?

— Само собой, — ответил Йокус.

— Мапочки! — пискнул Максик.

А Роза Марципан загадочно улыбнулась улыбкой белокурого сфинкса. Директор Грозоветтер вскочил, подлетел к Минеральвотеру

и встал прямо за ним. Он опять дрожал всем телом — но не от ужаса, а от любопытства. Директор вообще любил подрожать.

Тем временем знаменитый кинопродюсер разорвал конверт, извлёк оттуда листок, развернул его и остолбенел.

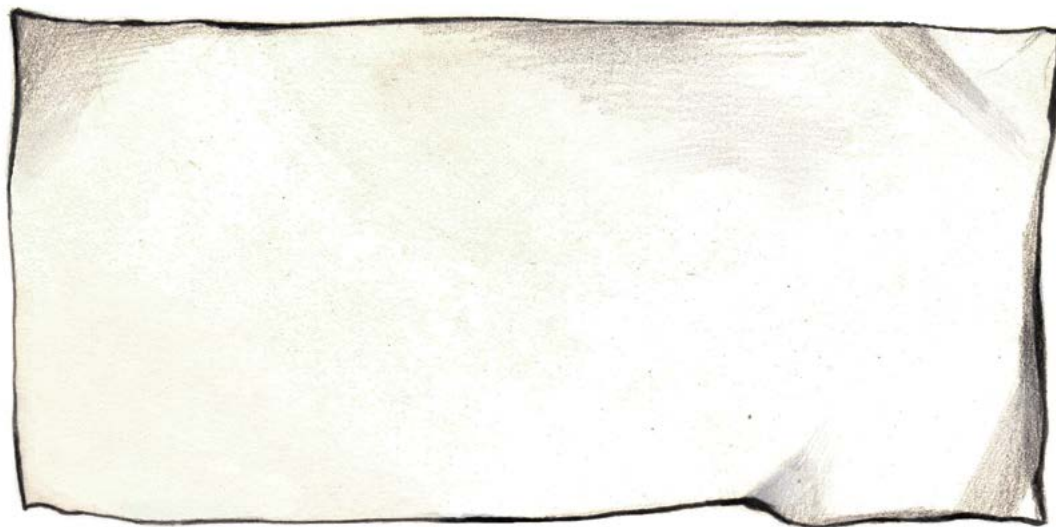
А Грозоветтер за его спиной закатил глаза и шепнул:

— Сейчас упаду.

Но всё-таки не упал, потому что вовремя схватился за спинку Минеральвотера, вернее за спинку его кресла, и лишь немножко присел.

Впрочем, американцу было не до него. Он по-прежнему оцепенело сидел на стуле, словно восковая кукла в музее восковых фигур.

Наверно, и вам не терпится узнать, что же такого было написано на этом листке. Кстати, Йокус мне его тоже показал. Мистер Минеральвотер не захотел оставить его у себя. Как он выразился: «Чтобы ничего не напоминало ему о таком ужасном позоре». Что ж, его можно понять, потому что листок, который он вытащил из запечатанного конверта, выглядел вот так:

Иными словами, на нём ничего не было. Ни цифр, ни подписей. Ничего. Совершенно чистый лист бумаги — чище не бывает.

Потребовалось минут пять, прежде чем восковая кукла по имени Минеральвотер начала шевелиться. Перво-наперво она принялась хлопать глазами.

— Он оклемается, — констатировал Максик.

Ещё через две минуты к американцу вернулся дар речи.

— Ну я и осёл, — проговорил он со злостью. — Пообещай я миллион, вы бы всё равно внакладе не остались, а я бы потратил вдвое меньше! Ну надо же, чистый лист! Этот ваш мистер Гёте был сущим дьяволом, не хуже Мефистофеля из его «Фауста».

— Отдаю должное Гёте, но тут не только его заслуга, — улыбнулся Йокус. — Идея с запечатанным конвертом, конечно, его, а вот положить туда чистый лист придумал я.

— Поздравляю вас, — сказал Минеральвотер с досадой. — А что, если бы я предложил какие-нибудь жалкие десять или двадцать тысяч?

— Не предложили бы, — возразила Роза. — Вы слишком хотите снять этот фильм.

Минеральвотер кивнул.

— Так-то оно так. И всё-таки, допустим, я бы рискнул — я недурно играю в покер.

— А я недурно показываю фокусы, — ответил Йокус. — Конечно, мы не знали, сколько вы там напишете. Мы же профаны в бизнесе. И если б там оказалась совсем мелочь, мы бы просто подменили конверт.

— Как это подменили? А где бы вы взяли другой?

— Вы шутите? — засмеялся Максик. От радости он сам себя дёргал за волосы. — Другой конверт давно у вас под носом!

Мистер Минеральвотер покосился на стол. И действительно, прямо перед ним лежал второй запечатанный конверт. И, несмотря на свой внушительный рост (1 метр 90 сантиметров), Минеральвотер посмотрел на него, как кролик на удава.

— Открывайте, не стесняйтесь, — предложил Йокус.

Мистер Минеральвотер разорвал и этот конверт, вытащил оттуда листок и сделался бледен как полотно.

— Но... — начал он. — Это невозможно! Где бы я взял столько денег?!

Профессор кивнул.

— Предложи вы нам слишком мало, мы бы, наоборот, попросили слишком много, чтобы сделка...

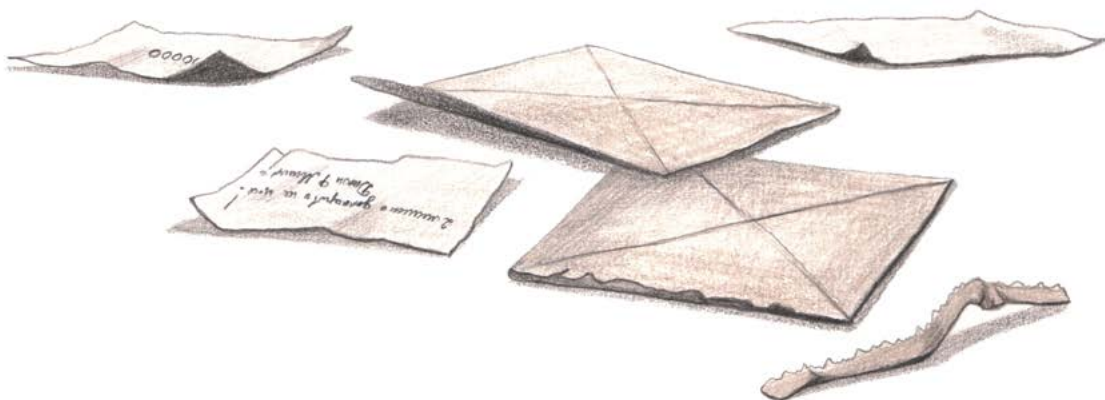
— ...провалилась! — выкрикнул Максик.

— Мы бы обратились к более серьёзному продюсеру, — добавила Роза.

— Ну и троица! — воскликнул Минеральвотер. — Если во время съёмок вы проявите хотя бы половину той изобретательности, что сегодня, получится настоящий шедевр!

— Так оно и будет! — сказал Максик. — Спорим?

Но Минеральвотер поднял обе руки.

— Спорить с таким ловкачом, как ты? Нет уж, спасибо. Я не так богат.

— Зато я теперь точно не беден, — гордо заявил Максик. — Можно пригласить вас на ананасный торт?

— Ну что за гадость! — возмутился Минеральвотер. — Вот от двойного виски я бы не отказался!

— Идёт! — сказал Максик. — Одного я не пойму: почему вы предпочитаете виски, а зовётесь Минеральвотером?

Честно говоря, в третьей главе я ещё хотел рассказать об операции «Спящая красавица», но трюк с тремя листками и двумя конвертами отнял у меня больше времени, чем я предполагал, а слишком длинных глав я не люблю. Поэтому сейчас начнётся...

Глава 4

ОПЕРАЦИЯ «СПЯЩАЯ КРАСАВИЦА». Начальник охраны

Мюленшульте смутно припоминает.

Лысого Отто снова мучает жажда.

Пианино в воздухе. Полицейский комиссар

Штейнбайс пакует чемоданы. Гастроли цирка

«Стильке» в Глазго и Лондоне

Следующей ночью было совершенно дерзкое ограбление. Причём совершенно беззвучно. Грабителям удалось скрыться незаметно. О краже золота, мехов или драгоценностей речи не шло. Ни один банк и ни одна ювелирная лавка не пострадали. Преступники атаковали здание тюрьмы и похитили двух заключённых.

По своей наглости нападение было просто возмутительным. Оно тут же стало новостью номер один, которую кинулись обсуждать все газеты, радио и телевидение. Но всё это случилось намного позднее, честно говоря, даже слишком поздно, когда уже ничего нельзя было сделать. Разве что смеяться или ругаться.

Начальник полиции ругался. Начальник тюрьмы оставил свой пост. Комиссара Штейнбайса временно отстранили от должности. Но разве ж это помогло? Полицейские и сами понимали, что сели в глубокую лужу.

Первым пропажу обнаружил начальник тюрьмы, когда с момента похищения прошло уже часов шесть или семь. Но его вины в этом

промедлении не было, потому что господин Тюфякер, а именно так звали начальника, жил не в тюрьме, а в пригороде.

Но лучше я расскажу вам обо всём по порядку. Это будет самое правильное. Хотя, конечно, оригинального в этом мало. А зачем мне быть оригинальным? Не всё оригинальное правильно, и не всё, что правильно, оригинально.

Короче говоря, ровно в восемь часов утра, как обычно, господин Тюфякер подъехал к воротам тюрьмы и трижды нажал на клаксон. Но никто ему не открыл. Он немного подождал и снова посигналил. Тишина. Такого с ним ещё не бывало.

Господин Тюфякер в раздражении вылез из машины, встал на цыпочки и заглянул в маленькое решётчатое окошко караульного помещения. То, что он увидел, так его потрясло, что в первый момент начальник тюрьмы лишился дара речи. А когда снова смог говорить, то сказал сам себе:

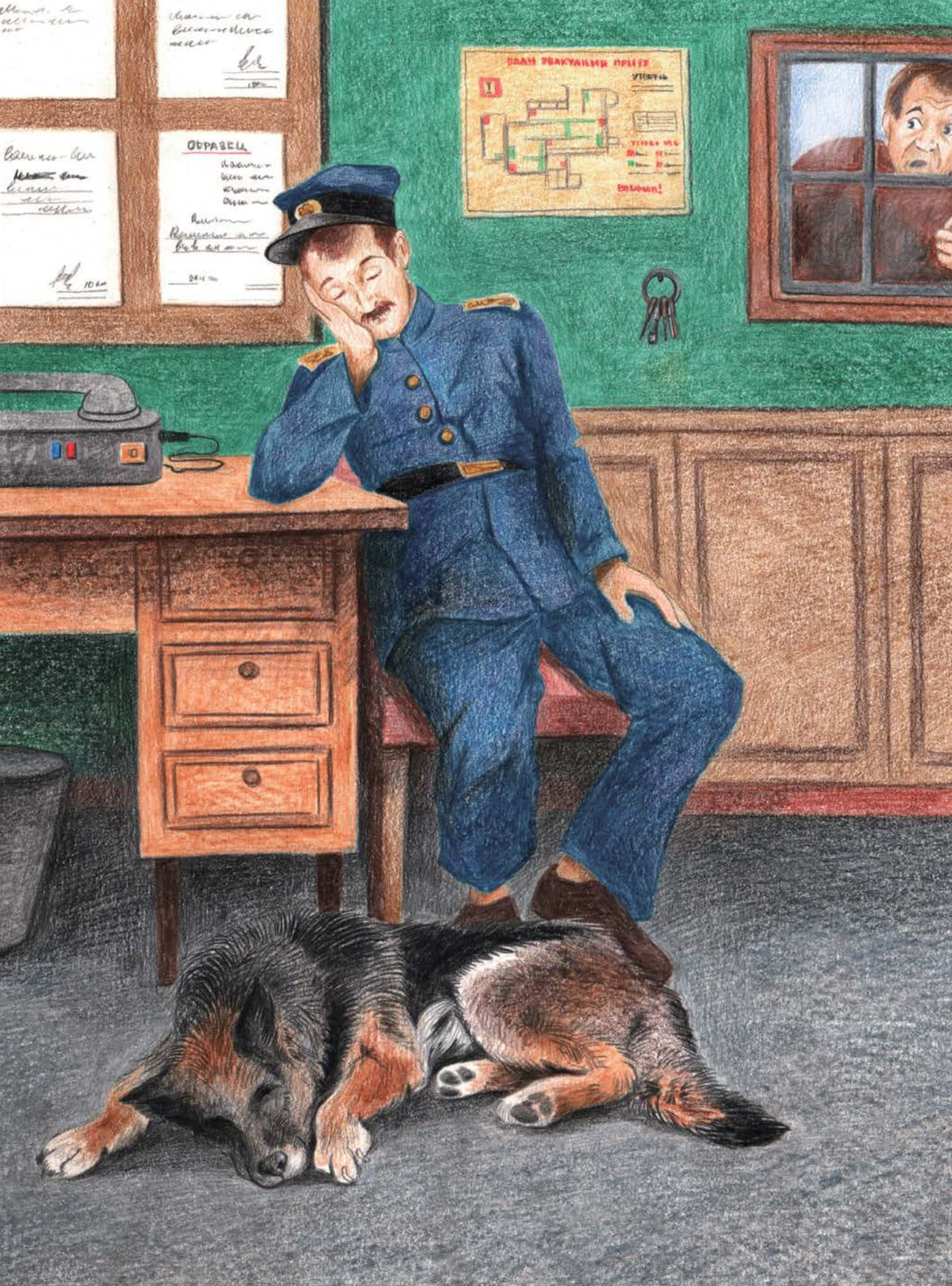
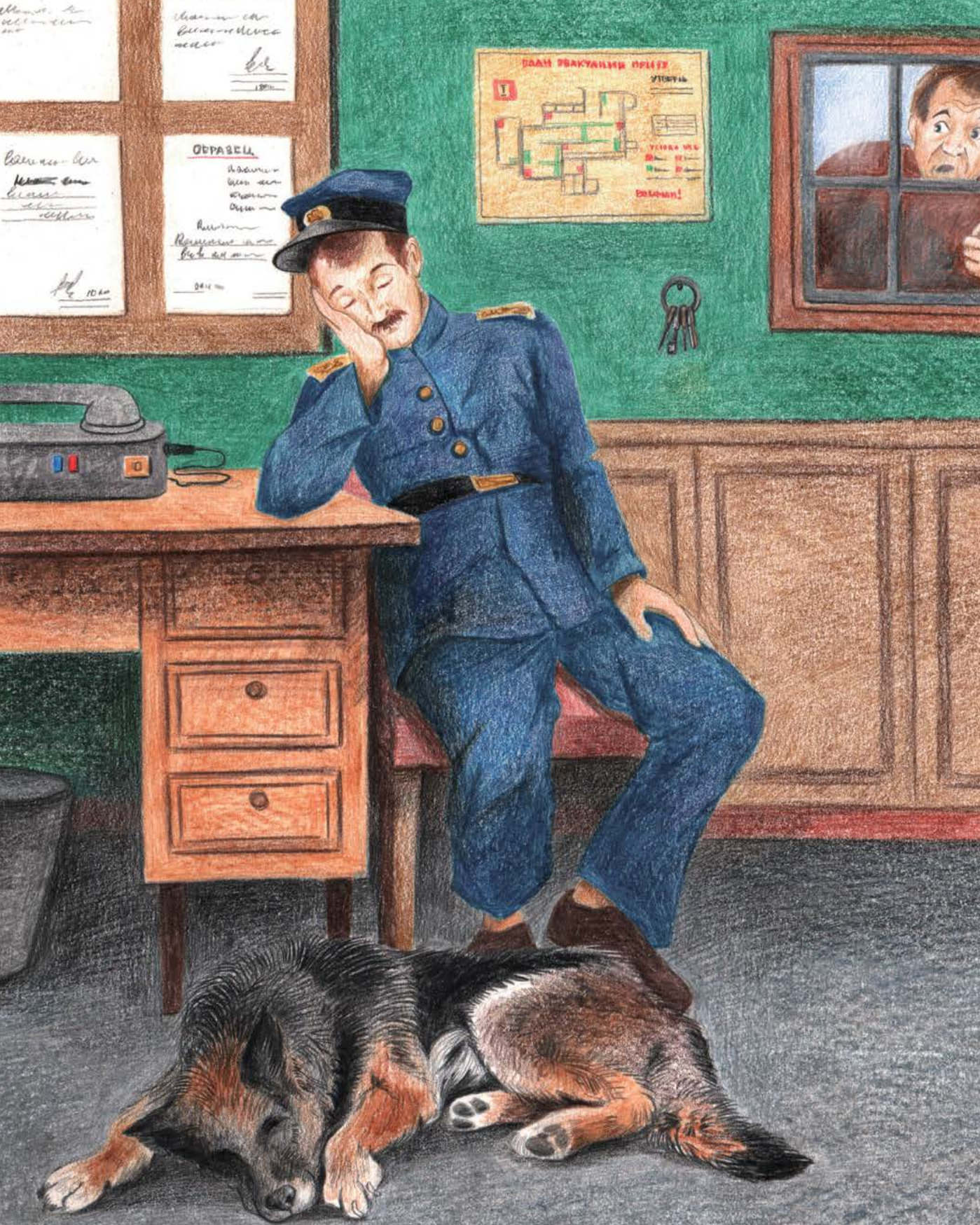
— Быть такого не может.

И принялся колотить в окно.

— Эй, Вичорек! — орал он. — Что вы там себе позволяете?!

Охранник по фамилии Вичорек сидел за письменным столом и спал. У его ног лежала овчарка Диана и тоже спала. Оба даже не шелохнулись, покуда господин Тюфякер барабанил в окно.

Начальник тюрьмы подбежал к воротам и принялся дубасить по ним кулаками. Одна из железных створок со скрипом приоткрылась. Изнутри послышалось гроыхание тяжёлой связки ключей. О господи, тюрьма не заперта! Господин Тюфякер собрал все силы и навалился на массивную дверь. Он давил до тех пор, пока ему не удалось протиснуться внутрь. Его била дрожь. Первым делом он прикрыл за собой дверь, повернул в замке ключ и уже собрался облегчённо вздохнуть, но не тут-то было.

Потому что как раз в этот момент он увидел начальника охраны Мюленшульте, а рядом с ним — полицейского пса по кличке Плут. Но ни Плут, ни Мюленшульте начальника не видели — оба лежали на земле и преспокойно себе спали.

Господин Тюфякер на ватных ногах прошёл через двор к зданию тюрьмы. Волосы у него встали дыбом — эта дверь тоже не заперта! Тюфякер прокрался внутрь и осмотрел все этажи здания. Везде была одна и та же картина: преступники спали, охранники спали, медсестра в медпункте спала, кухарка и её помощница спали, истопник со своими волнистыми попугайчиками спал, даже мухи на стенах — и те спали.

Господин Тюфякер был в отчаянии. Он бросился звонить начальнику полиции, чтобы, заикаясь, сообщить ему ужасные новости.

— Хватит врать! — проревел тот. — Не делай из меня дурака!

После этого начальник полиции впал в раздумье. А что, если Тюфякер не врёт?

Спустя десять минут по городу промчалась дюжина полицейских машин с синими мигалками. Сирены завывали. Вслед за полицейскими пронёсся большой служебный автомобиль. В нём собственной персоной ехал начальник полиции, ну а кроме него — медицинский советник доктор Железякен, полицейский комиссар Штейнбайс и директор института судмедэкспертизы профессор Толстошляп. Прохожие в недоумении оглядывались.

— Куда это они так торопятся? — спросила одна женщина. В руках у неё была тяжёлая сумка с покупками.

— Может, у кого-то сбежало молоко? — предположил мальчик, который стоял с ней рядом.

— Ах ты, боже мой! — в ужасе воскликнула женщина. — Я опять не выключила газ!

Она развернулась и со всех ног побежала к дому.

— Ну ты нахал! — сказал некий господин, который выглядел очень строгим.

— Не хочу хвастаться, — возразил мальчик. — Но каждый делает то, что может.

Начальник полиции сидел в караульном помещении и возмущался:

— Да разве ж это тюрьма? Это сумасшедший дом!

Он наблюдал за спящим охранником Вичореком и спящей овчаркой Дианой. И время от времени мрачно поглядывал на спящих Мюленшульте и Плуту (между прочим, Плуту был победителем собачьего чемпионата Европы). Обоих перенесли в помещение с улицы — не оставлять же их спать прямо во дворе.

Медицинский советник Железякен и профессор Толстошляп внимательно осмотрели двух охранников и двух собак.

— Жара нет. Пульс и дыхание в норме. Все четверо совершенно здоровы, — заключил Железякен.

— Переутомились, наверное, — усмехнулся начальник полиции. — Как вы полагаете, когда в этой психушке наконец кто-то проснётся? Должен же я узнать, что тут произошло!

Господин Тюфякер, который невидящими глазами смотрел сквозь решётчатое окошко, пробормотал:

— В сказке про Спящую красавицу проспали сто лет.

— Разве можем мы столько ждать? — хриплым от волнения голосом воскликнул начальник полиции. — Через сто лет мы давно будем на пенсии!

Следующим взял слово профессор Толстошляп. Сказки его не интересовали. Он был химиком.

— В Америке разработали особые снотворные вещества, — сказал он. — У нас они до сих пор неизвестны. Очень может быть, что мы имеем дело с чем-то подобным. В противника стреляют сонной гранатой, он падает и засыпает...

— И спит сто лет?

— Вот ещё! Пару часов!

— Вы всерьёз полагаете, что этой ночью сюда подъехал танк с американскими сонными гранатами и стал обстреливать тюрьму?

— Вовсе не обязательно, — улыбнулся профессор. — Хотя сонное вещество изобрели недавно, его уже сейчас можно использовать в таблетках, аэрозольных баллонах, канистрах... Можно разбрызгивать его, как садовник распыляет яд против вредителей.

— Придётся вам поверить, — заметил начальник полиции. — Всё-таки вы специалист. Одного не могу понять: зачем кому-то понадобилось усыплять всю тюрьму, хотя век Спящей красавицы давно прошёл?

— Я знаю! — крикнул комиссар Штейнбайс, запыхавшись. Он как раз выбегал из основного здания тюрьмы и слышал последний

вопрос. — Преступники выкрали двух заключённых. Тех самых, которые похитили Маленького Человека.

И Штейнбайс бросился к телефону.

Профессор Йокус фон Покус и Максик завтракали у себя в номере, как вдруг раздался телефонный звонок. Йокус снял трубку.

— Ах, доброе утро, господин комиссар! — воскликнул он радостно. — Конечно, здесь; где же ему ещё быть!.. Опять весь измазался клубничным вареньем... Ну, он теперь миллионер, имеет право... Что у вас стряслось?.. Не может быть!.. Бернгард и лысый Отто пропали?.. Что?.. Их похитили?.. И теперь там все спят?.. Даже овчарки?.. Сонное вещество?.. И следов не оставили?.. Не беспокойтесь, я не спущу с него глаз... Да, без банды тут не обошлось... Вы уже связались с Темпельхофом?.. Конечно, аэропорт сейчас прежде всего. Поинтересуйтесь, нет ли чартерных рейсов... Конечно... Вы нам ещё позвоните?.. Очень ждём! Большое спасибо!

Когда Йокус всё пересказал Максику, тот воскликнул:

— Чтоб мне провалиться, если в этом деле не замешан сеньор Лопес.

— Только, пожалуйста, не провались в банку с вареньем, — сказал Йокус. — Ты и так весь чумазый.

Максик вытер со рта варенье и спросил:

— Как думаешь, они опять меня украдут?

Йокус покачал головой.

— Наверняка они уже далеко. Это была операция отступления.

— А зачем Лопесу понадобилось освобождать из тюрьмы Бернгарда и лысого Отто? Ведь это очень опасно, да и дорого!

— Ну уж денег у него куры не клюют, — заметил Йокус, допивая свой кофе. — Что же касается опасности, то ещё большой вопрос, что рискованнее: выкрасть этих негодяев или допустить, чтобы они

выступали в суде. Кто знает, какие тайны они могут выдать, лишь бы их выпустили.

— Ясно, — протянул Максик. — Значит, про Лопеса я был прав. Хорошо, что мне никуда не надо проваливаться.

Первым проснулся чемпион Плуту. Он разинул пасть, но только чтобы зевнуть. Может, овчарки и неглупые животные, но с разговором у них не очень.

Следующим от сна очнулся начальник охраны Мюленшульте. Он открыл глаза, посмотрел по сторонам и сказал:

— Да ну!

Но делу это тоже не помогло. Тогда начальник полиции влил в него не меньше литра чёрного кофе. Стало лучше.

Мюленшульте начал смутно припоминать:

— Дело было так. Мы с Вичореком играли в шашки, как вдруг раздался звонок. Я взял связку ключей, и мы с Плуту вышли на улицу. Я открыл раздвижное окошко и увидел мужчину в наглухо застёгнутом чёрном пиджаке. Он назвался тюремным священником, якобы его позвали, потому что заключённый из 34-й камеры хочет сознаться в разбойном нападении, но для этого ему нужен священник.

— Это ещё что за глупости?! — вспыхнул господин Тюфякер.

— Вы угадываете мои мысли! — оживился Мюленшульте. — Именно так я и сказал: «Это ещё что за глупости?!» Тогда он закинул через окошко металлический шланг. А я подумал: не будет же он демонстрировать мне свой пылесос... Да ещё среди ночи через тюремное окошко... И...

— И? — переспросил медицинский советник Железякен.

— Дальше я не помню — провалы в памяти. Прошу прощения. Тут Мюленшульте увидел спящего Вичорека и страшно удивился.

— Эй, Густав, — крикнул он. — Ты чего спишь? А ну, давай просыпайся!

Но Вичореку ещё не пришло время проснуться.

А в это время лысый Отто открыл глаза и обалдел: он сидел в самолёте! Снаружи светило солнышко, небо искрилось синевой. Самолёт летел над белыми облачками, похожими на сотни белоснежных перин.

— Странно, — пробормотал Отто. — На тюрьму совсем не похоже.

Тут рядом с ним кто-то произнёс:

— Доброе утро! Ну что, выпался?

Отто недоверчиво покосился в сторону. Но, увидев, кто его сосед, расплылся в улыбке:

— Буало, приятель, как ты тут оказался?

— Спроси лучше, как ты сюда попал, — ухмыльнулся месье Буало.

— На пустой желудок я не очень-то разговорчивый, — буркнул Отто. — Ты бы мне водочки налил. Или у вас тут сухой закон?

После третьего стакана Отто заметно повеселел.

— А Бернгард что, тоже здесь? — спросил он.

— Да, но ещё спит.

— А жаль, — заметил Отто. — Я хочу сказать, жаль, что вы его там не оставили. Чёрт, ну и противный же он! Обращался со мной как с лакеем! Я думал, он меня со свету сжуёт. Ну разве так можно? Пусти-ка, я ему наваляю!

— Не кипятись ты так, — одёрнул его Буало. — Подумай о своём давлении!

— Думать — это я не очень... — сказал Отто.

Буало кивнул.

— Наконец-то ты и сам это понял. Из-за твоих глупостей шеф потерял кучу денег! Дал провести себя, и кому? Какому-то карапузу, в котором не больше пяти сантиметров! Когда вас с Бернгардом сцапали, коллега Бальхаус сообщил обо всём Лопесу. А Лопес связался со мной. Я арендовал самолёт и нанял пару десятков специалистов. Мы вспомнили все песенки про Берлин, усыпили всю тюрьму, рисковали головой — а всё ради кого? Ради таких ротозеев, как вы!

Вдруг кто-то закричал:

— Закрой свой рот! Или я за себя не отвечаю!

Это был Бернгард. Он только что проснулся и тоже всё слышал.

— Оставь свои сказки для дураков! — рявкнул Бернгард. — Лопесу на нас наплевать. Он боится, что Отто его выдаст. За бутылку водки не пожалеет и родной матери!

— Ты бы лучше спал, — проворчал лысый Отто. — И почему его там не оставили? Меня тошнит от этого тона. Хотя я ещё ничего и не ел.

— Хочешь чего-нибудь? — спросил Буало.

— Что за вопросы, приятель!

— Бутерброды?

— Не, лучше пару рюмок, — сказал Отто. — В еде я как младенец: люблю пососать из бутылочки.

Между тем полиция даром времени не теряла. Комиссар Штейнбайс приехал в аэропорт Темпельхоф, отыскал ангар, где ещё совсем недавно стоял самолёт, вылетевший ночью в Париж. Правда, в Париже он так и не объявился, а полетел неведомо куда, а потом и вовсе пропал.

Репортёры тоже не сидели на месте. Уже к вечеру все газеты высказывали всевозможные версии. Первые страницы пестрели заголовками. В одной из них гигантскими буквами было напечатано:

ОПЕРАЦИЯ «СПЯЩАЯ КРАСАВИЦА»

Когда полицейский комиссар Штейнбайс прочитал все газеты, то весь позеленел. Если человек желтеет, то это называют желтухой, у комиссара же началась зеленуха — некая доселе неизвестная болезнь. Впрочем, совершенно не опасная — бывает и пострашней.

Спустя пару часов в приёмную Штейнбайса позвонила жена. Она плакала и кричала, да и вообще была вне себя. Комиссару даже пришлось отодвинуть трубку подальше от уха, иначе бы у него лопнули барабанные перепонки.

— Ты совсем спятил? — высоким дискантом визжала она. — Зачем нам пианино?

— Пианино? — переспросил комиссар. Он так удивился, что ухватился за стол, чтобы не упасть.

— А что же ещё? На лестницу оно не пролезает, поэтому они притащили лебёдку, чтобы поднять его на канатах и затащить через окно.

— Но, мышка моя... — неуверенно начал Штейнбайс. — Я не заказывал никакого пианино.

— Не только заказал, но и оплатил! Я видела чек! И уж если тебе вздумалось покупать пианино, зачем ты дал объявление, что мы переезжаем? Теперь приходят люди, которые хотят снять нашу квартиру!

У комиссара перехватило дыхание.

— А ещё у нас была скорая! — не унималась жена. — Кто-то её вызвал, потому что твой племянник якобы сломал у нас в ванной ногу! Но ведь ничего подобного не было!

— Пожалуйста, не нервничай, — как можно спокойней сказал Штейнбайс. — Я сейчас приеду. Никуда не уходи!

— Да я даже выйти не могу! Перед нашей дверью стоят десять огромных ящиков с уксусом! Ума не приложу, зачем ты заказал столько уксуса!

Полицейский комиссар Штейнбайс поспешно повесил трубку и напялил на голову шляпу.

Едва он свернул на улицу Констанца, как ещё издали увидел у своего дома толпу. Высоко в воздухе болталось пианино. Госпожа

Хильдегарда Штейнбайс, полноватая и к тому же весьма напористая особа, высовывалась из окна четвёртого этажа и, отчаянно жестикулируя, всячески пыталась помешать его заносу.

Среди тех, кто толпился на улице, были далеко не только случайные прохожие и зеваки, если бы! Тут собрались ещё и фотографы, кинооператоры и репортёры с блокнотами. Фотографы фотографировали, операторы снимали, репортёры строчили в своих блокнотах, в общем, шум стоял такой — хоть уши затыкай.

Комиссар Штейнбайс выскочил из машины.

— А вот и он! — крикнул какой-то репортёр.

— Что вы тут делаете? — спросил Штейнбайс раздражённо.

— То есть как это — что? — переспросил газетчик. Видно было, что он и в самом деле обижен. — Ведь это вы нас пригласили! Кто же ещё нас всех обзвонил?

— Это могли быть только вы или ваши недоброжелатели, — уверенно сказал какой-то фотограф. — Ваша жена попадёт во все газеты, журналистам только дай позубоскалить...

Полицейский комиссар взлетел по лестнице, вскарабкался на ящики с уксусом и принялся колотить в дверь. Как только жена ему открыла, он бросился к телефону. Первым делом Штейнбайс вызвал полицейский наряд, а уж потом связался с начальником полиции.

— Господин начальник, можете меня уволить, — проговорил он.

— Мне уже доложили, что там у вас происходит, — ответил начальник. — Дорогой Штейнбайс, только не беспокойтесь. Этот Лопес от нас не уйдёт. И уж конечно, мы не хотим лишиться такого профессионала, как вы. Я могу только временно отстранить вас от должности, скажем, на полгодика, а там будет видно. Согласны?

— Как скажете. Я готов на всё, лишь бы проучить этого Лопеса. Даже если мне понадобится вброд перейти Атлантический океан!

Вечером комиссар Штейнбайс и мистер Минеральвотер сидели в баре гостиницы «Хилтон». Американец в который раз слушал подробный рассказ об операции «Спящая красавица», бессилии Интерпола и неизвестно кем подаренном пианино.

— Чем же я могу вам помочь? — спросил он наконец.

— Я просто обязан вывести этого Лопеса на чистую воду! — воскликнул Штейнбайс. — Он выставил меня полным идиотом! Этого я не потерплю! Сегодня все смеются надо мной, а завтра будут смеяться над Лопесом.

— Понимаю, — кивнул Минеральвотер. — Значит, вы хотите лететь в Южную Америку?

— Конечно.

— И там свяжетесь с местной полицией?

— Ни в коем случае! Такой богач, как Лопес, наверняка подкупил всю полицию. Его предупредят об опасности, и я опять останусь в дураках.

— И кто же вам поможет?

— Вы.

— Я?

— Это очень просто: вы отправите съёмочную группу туда, где, по нашим сведениям, скрывается Лопес. Никто и не заметит, что вместе с киношниками путешествуют парочка детективов из Нью-Йорка и полицейский комиссар Штейнбайс из Берлина. Мы ничем не будем отличаться от всех остальных. Один из нас будет вести грузовик, другой — закупать провизию, третий — строить павильон, а четвёртый — переводить. Кстати, мой друг мистер Макинтош из Нью-Йорка — прекрасный переводчик, он знает Южную Америку как свои пять пальцев, к тому же он один из лучших в мире детективов. Мы будем снимать фильм о местных жителях, культуре, обычаях и традициях, школах, редких растениях и экзотических бабочках...

— Господи, какая скукотища! — ужаснулся Минеральвотер. — Впрочем, я понимаю, куда вы клоните...

— Мы постараемся разговорить местных жителей. Не может быть, чтобы у сеньора Лопеса не было врагов! В конце концов мы отыщем его чудо-крепость и...

— Такая поездка сто́ит недёшево. И ещё неизвестно, чем это кончится. Но если нам удастся получить хотя бы сто метров плёнки, которую мы потом сможем использовать, я согласен.

— Обещать я ничего не могу, — сказал Штейнбайс. — У меня тоже есть кое-какие средства, да и ссуду можно получить.

— Или я возьму весь риск на себя, или вообще не буду в этом участвовать, — заявил Минеральвотер. — Когда вы летите?

— Послезавтра.

— Хорошо. Можете звонить своему приятелю Макинтошу, а я сообщу в кинокомпанию, чтобы они собрали съёмочную группу. Обо всём остальном условимся завтра. Как поживает ваша жена?

— Переехала к сестре. Дома она боялась на улицу выйти. Мы стали посмешищем. Чего только про нас не рассказывают! Сегодня ночью на стене нашего дома кто-то накалякал:

**ДАЁМ УРОКИ ФОРТЕПИАНО
В ЧЕТЫРЕ РУКИ
Полицейский комиссар Штейнбайс с супругой
Обращаться на 4-й этаж**

А ещё нам пришлось отключить телефон — мы просто не могли больше отвечать на звонки!

— Этот Лопес тот ещё жук, — проговорил Минеральвотер. — Но ведь кто-то ему помогал. Заплатил за пианино, вызвал скорую помощь, заказал десять ящиков уксуса... Но кто?

— Полиции об этом ничего не известно. Все имена и адреса были фальшивыми. Только деньги настоящие.

— Ну а кто организовал чартерный рейс? Кто управлял самолётом? Нанял специалистов и руководил операцией? И куда делся самолёт, на котором вывезли Бернгарда и лысого Отто?

— Мы ничего не знаем. Французские коллеги — тоже. В лаборатории установили вещество, с помощью которого всех усыпили. Ну и что с того? Ведь это просто химическая формула. Короче говоря, мы нисколько не продвинулись.

Мистер Минеральвотер решительно встал.

— В общем, вперёд и с песней! — сказал он. — Пакуйте чемоданы!

Через день после этого разговора полицейский комиссар Штейнбайс вылетел в Нью-Йорк, так что мы о нём ещё долго ничего не услышим.

Мистер Минеральвотер частенько сидел на представлениях в цирке «Стильке» и что-то записывал. Но, пожалуй, ещё чаще он навещался в гостиницу к Максику, Йокусу и Розе Марципан. Иногда при этом присутствовал Эрих Шустрик. Почти все разговоры крутились вокруг фильма, который в октябре и ноябре собирались снимать в Мюнхене. Эриха обещали на пару недель освободить от школьных занятий, чтоб он тоже мог участвовать в съёмках.

— От нетерпенья я проглотил банку варенья, — говорил Эрих. — Это будет фильм века! Ну почему, почему до октября так далеко?

— Пару дней назад ты ещё плевался вишнёвыми косточками, — заметил Максик. — И вообще, пусть всё идёт своим чередом.

Против этого нечего было возразить, ведь черёд Мюнхена и впрямь ещё не настал. В августе цирк «Стильке» отправился на гастроли в Шотландию, а точнее в Глазго, где должен был выступать в Келвинхолле. В сентябре пришло время лондонской «Олимпиады». В газете «Таймс» написали, что успех был невообразимый. Как выразился один британский журналист, «Максик — чудо из чудес», не больше и не меньше.

Наконец, в предпоследний день сентября начались приготовления к отъезду. Люди и звери вновь сели в поезд, и большой эшелон с клетками для животных и вагонами для артистов с грохотом тронулся. Снова пришлось пересекать пролив, для чего зафрахтовали судно, курсировавшее между Хариджем и Хук-ван-Холландом. Снова у одного из жирафов, льва Али и наездника Галопинского началась морская болезнь. А потом все опять сели в поезд, который покатило по Голландии. Теперь уже путь лежал прямо на Мюнхен. Тут-то и начнётся...

Глава 5

ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИЯ В МЮНХЕНЕ.

ДЕРЕВНЯ НА КОЛЁСАХ.

МАКСИК «ПРИЧЁСЫВАЕТ» РЕПОРТЁРШУ.

НАЕЗДНИК ГАЛОПИНСКИЙ ДОЛЖЕН

ПРОСИТЬ РАЗРЕШЕНИЯ У ЛОШАДИ.

Пять творожных пудингов — это уже слишком.

КАК НАСЧЁТ ЭКСКУРСИИ В ПИХЕЛЬШТЕЙН?

Цирк — это, как говорится, не шутки. И директору цирка, конечно, не до смеха. Больше всего он похож на главу города или деревни. Правда, в городах и деревнях, помимо людей, обитают послушные домашние животные, а вовсе не тигры, слоны, медведи, обезьяны или, например, тюлени.

Есть ещё одно большое отличие: цирк — это деревня, которая то и дело переезжает. Раз в пару месяцев, а то и чаще, цирк снимается с места. Вечером тут был цирк, а утром — пустое место. И вот уже на следующий день, в крайнем случае через два, тот же самый цирк как ни в чём не бывало стоит на краю другого большого города, в другой стране, где даже разговаривают на другом языке. И в первый же вечер даёт представление. Это похоже на волшебство.

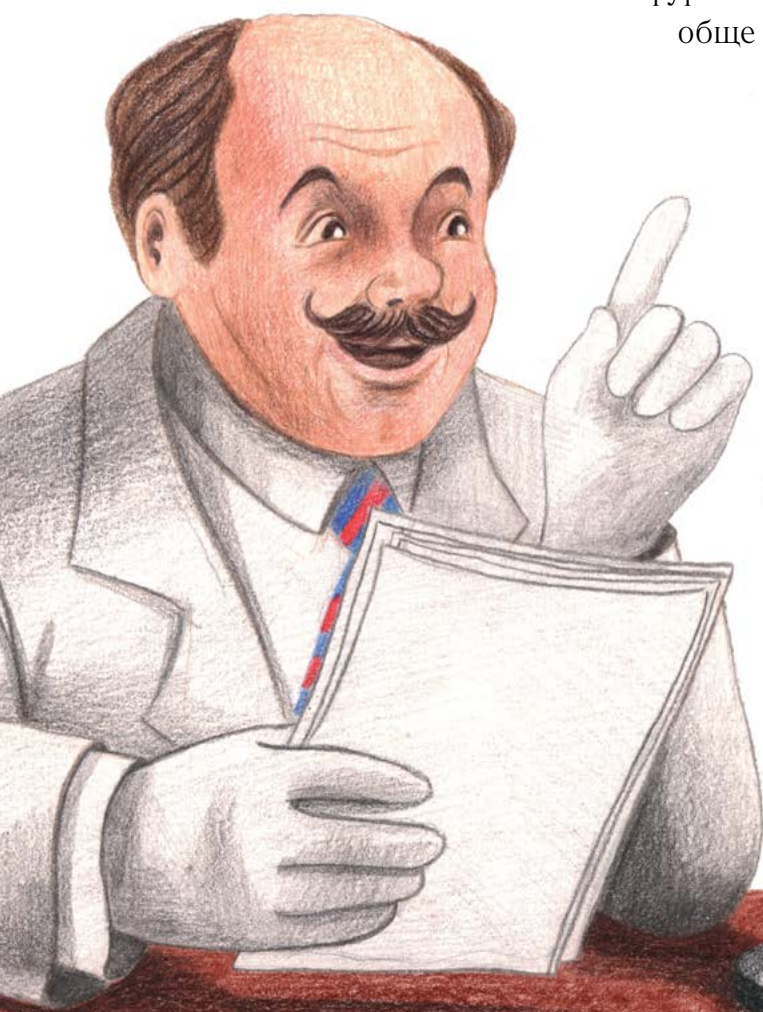
Впрочем, никакого волшебства здесь нет. Просто всё продумано до мелочей. Каждый винтик на своём месте. Все сотрудники цирка работают слаженно, как колёсики в часовом механизме. Погрузчик,

дрессировщик, шапитмейстер*, механик, электрик — это большие колёсики. Ну а кто же управляет всем механизмом? Конечно, директор! Ведь он самый главный во всей этой деревне на колёсах. И у него должны быть железные нервы. Или, как у директора Грозоветтера, много-много серых и чёрных перчаток в запасе.

Переезд из Лондона в Мюнхен прошёл, как всегда, без сучка без задоринки. И когда после полудня в цирк «Кроне» устремилась местная пресса, на директоре были белоснежные перчатки, а кончики усов стояли торчком.

Сначала директор рассказал немного о цирке.

— Дамы и господа, — начал он. — Цирк — это передвижная деревня. Полторы сотни служащих и артистов вместе с семьями обитают в фургонах. Все они сами готовят еду и вообще сами себя обслуживают.

* Шапитмейстер должен установить, а потом и разобрать шапито — большую палатку, в которой выступает передвижной цирк.

— Да что вы говорите! — воскликнула какая-то девушка в роговых очках и с блокнотом. — Прямо-таки сами готовят? И что, вкусно получается?

Директор Грозоветтер погрозил ей своим белоснежным указательным пальцем.

— Не придирайтесь к словам, сударыня! Я только хочу привести несколько цифр, не более того. Итак, ежедневно для наших 300 животных требуется 150 килограммов мяса, 20 килограммов хлеба, 100 килограммов овощей и фруктов, 25 литров молока, 12 кубометров опилок и 6 кубометров земли. Наши автомобили сжигают в день 400 литров горючего. Для освещения и отопления мы каждый день тратим 500 литров жидкого топлива.

— Чёрт возьми! — не выдержал какой-то журналист. — Вот это я называю дорогим удовольствием!

Грозоветтер с готовностью кивнул.

— А если не все билеты распроданы, то это уже никакое не удовольствие, а одна лишь дороговизна. Звери хотят есть вне зависимости от того, сколько в кассе денег. Им каждый день подавай центнер хлеба и полцентнера свежего мяса.

— А сколько ест Маленький Человек? — задал вопрос другой журналист. — Наверняка это будет интересно нашим читателям.

Директор повернулся к двери, в которую как раз заходили Йокус фон Покус и мистер Минеральвотер.

— А вы его сами спросите, — предложил Грозоветтер.

Все журналисты, в том числе нагловатая девушка в очках, повскакивали с мест и захлопали в ладоши. Максик, стоявший в нагрудном кармане профессора, помахал им рукой. Когда все снова уселись, журналист опять задал вопрос.

— Сколько я ем... — повторил Максик и на секунду задумался. — Ну конечно, точно я вам не скажу, тем более что в разные дни бывает

по-разному. В этом смысле я ничем не отличаюсь от тех, кто в тридцать, а то и в сорок раз больше меня. Но в среднем я выпиваю в день напёрсток лимонаду и чайную ложку какао, съедаю по два ломтика чёрного хлеба с маслом, одну лисичку, три крошечных куска телячьего шницеля или вырезки, десятую часть вареной картофелины, три маленьких кусочка колбасы...

— А сыр вы не любите? — перебила его всё та же нахалка.

— Нет, почему же, но только швейцарский. Зато много. Каждый день — по двадцать-тридцать дырок!

Тут все рассмеялись, кроме той девицы.

Пресс-конференция продлилась ещё битый час. Сначала журналисты задавали вопросы Йокусу, а потом очередь дошла до Минераль-вотера. Он стал рассказывать о фильме. О том, что голубку Эмму, взмывающую под купол вместе с Максином, он будет снимать прямо в цирке. О съёмках в пятом павильоне киностудии «Бавария» (которая находится в районе Гайзельгаштайг на окраине Мюнхена) и о съёмках в деревне Пихельштейн. Кстати, все её жители не выше 51 сантиметра. Из этой удивительной деревни некогда уехали родители Максика, чтобы попытать счастья в качестве артистов.

— Ты что-нибудь помнишь из своего детства в Пихельштейне? — спросила Максика всё та же противная журналистка.

— Нет, — сказал Максик. — Я ни разу там не был.

Он просто терпеть не мог таких дурёх, они его страшно раздражали.

— Но своих маленьких хорошеньких родителей ты наверняка помнишь, — продолжала она сладким голосом. — И что ты почувствовал, узнав, что их сдуло ветром с Эйфелевой башни? И потом, когда хоронили пару фальшивых китайских косичек? Ты очень плакал?

Максик молчал. В комнате повисла напряжённая тишина.

— Ну, что же ты молчишь? — нетерпеливо спросила журналистка.

— Потому что вы крайне бестактны, — тихо сказал Йокус.

— О каком такте может идти речь? — И она постучала по столу шариковой ручкой. — Хороший репортёр не имеет права на какие-то там чувства. Ну же, малыш, мы ждём!

Максик кивнул.

— Сейчас, сейчас, — проговорил он, вскакивая на стол. В один прыжок он взобрался на репортёршу, а ещё через секунду стоял внутри её искусной причёски и изо всех сил дёргал за волосы.

— Караул! — взвизгнула она. — Прекрати сейчас же! Уберите его кто-нибудь!

Но никто даже не пошевелился. Репортёрша тем временем усиленно ловила руками воздух, но Маленький Человек каждый раз уворачивался и при этом работал не покладая рук, не хуже какой-нибудь сенокосилки. Волосы так и падали в разные стороны большими клоками. Журналистка кричала так, будто её резали. Но Максик не знал пощады. Фотографы всю щёлкали фотоаппаратами. В общем, тут было на что посмотреть.

Репортёрша была уже сама на себя не похожа. Искусная причёска пошла прахом. Тушь для ресниц размазалась из-за слёз. Собрав последние силы, она хлопнула себя по голове, пытаясь поймать Маленького Человека, но опять промахнулась, ударила себя ещё раз и взвыла от боли. Тушь затекала ей в глаза, волосы висели длинными паклями. Ужасное зрелище.

Когда Максик снова перелез в нагрудный карман Йокуса, то ещё долго не мог отдышаться.

— Что ж, — произнёс он наконец. — Теперь я вам отвечу. Да, я тогда очень плакал! Ну что, вы довольны?

Мистер Минеральвотер был выдающимся организатором и имел колоссальный опыт: по части кино он, что называется, собаку съел, и всей съёмочной группе приходилось выкладываться по полной — оператору, звукорежиссёру, помрежу, директору, осветителю, в общем, всем. Минеральвотер держал в голове весь график съёмок и следил, чтобы всё в точности исполнялось. Ни о каких заминках или отговорках и речи быть не могло.

По ночам он удалялся в специальную комнату и вместе с помощниками отсматривал рабочий материал, который они каждый вечер получали в лаборатории*. Рядом сидел монтажёр, и американец давал ему указания: какие сцены вырезать и куда их потом вставить.

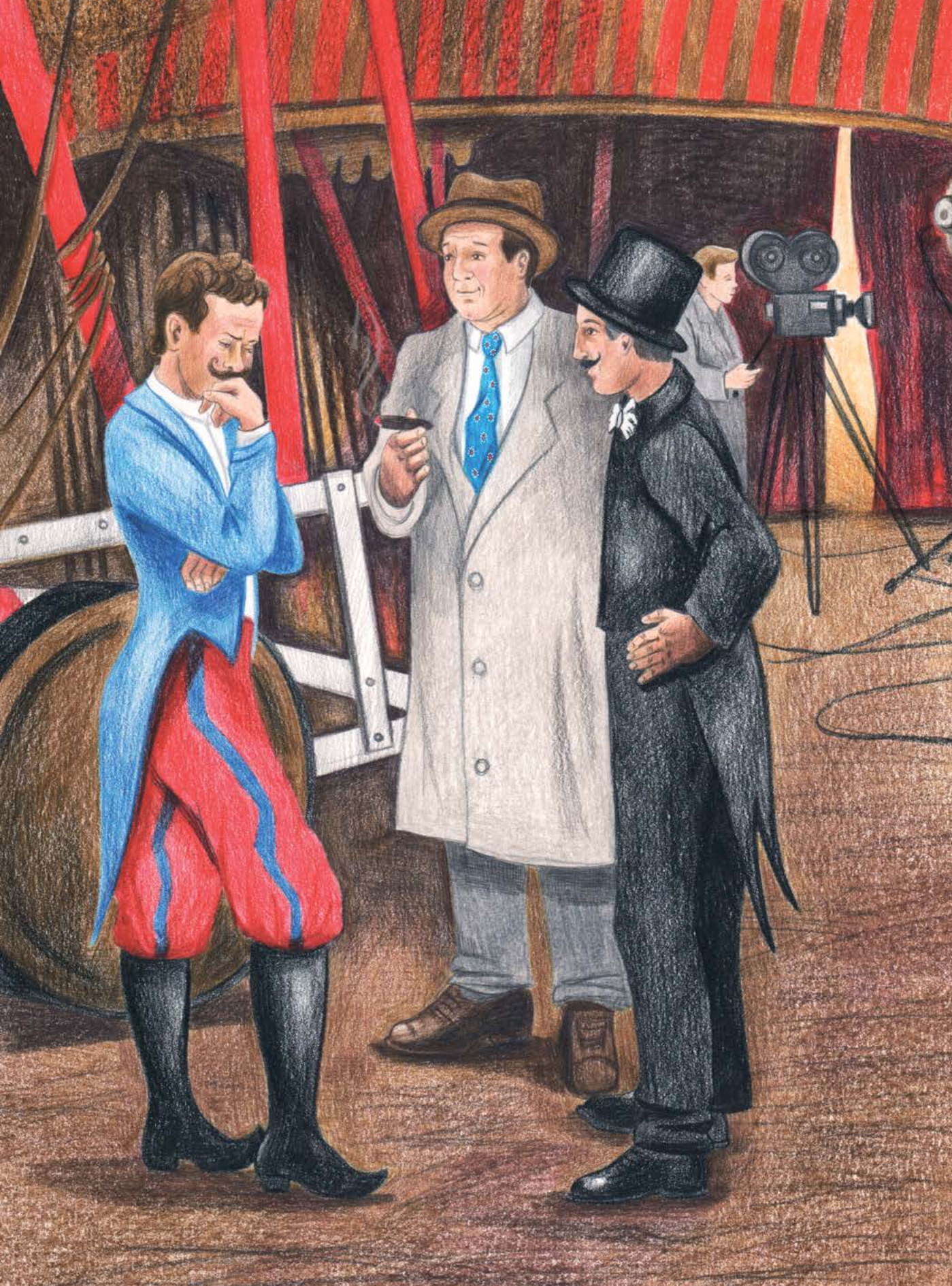
Работа не прекращалась ни днём ни ночью, но Минеральвотера это ничуть не утомляло, хотя все остальные к вечеру буквально валились с ног от усталости. Но делать было нечего — приходилось подчиняться. Всё-таки Минеральвотер был главным. И, как и положено настоящему боссу, он шёл вперёд и всех тащил за собой.

Йокус и Минеральвотер отлично сработались. В первый же день съёмок они перешли на «ты» и обращались друг к другу по имени. Правда, профессор редко называл огромного американца Джоном — скорее Джонни, а чаще всего просто Гансиком**.

Почти все циркачи, в том числе Максик, работали прекрасно. Только с наездником Галопинским пришлось помучиться — он никак не хотел сниматься во фраке фокусника, да ещё падать с лошади.

* До появления цифровых технологий операторы снимали на негативную киноплёнку, где более светлые тона получались тёмными, а более тёмные — светлыми. Потом негатив проявляли в специальных кинокопировальных аппаратах, и получался позитив, где все цвета соответствовали нормальным. Эти позитивы и отсматривал мистер Минеральвотер.

** Между прочим, английское имя Джон и немецкое Ганс — варианты одного имени.

— Это унижает моё профессиональное достоинство, — с гордым видом говорил маэстро Галопинский. — Фильм станет знаменитым, и мы с Нероном навсегда потеряем наше доброе имя.

Нероном звали его вороного жеребца.

Минеральвотер пообещал Галопинскому дополнительный гоно-рар, а Нерону — дополнительную порцию кускового сахара, но наездник и конь оставались непреклонны. Положение казалось безнадежным. Минеральвотер уже собрался отправить телеграмму актёру Тому Миддлтону, игравшему во многих фильмах ковбоев, не согласится ли он со своей белой лошадью принять участие в съёмках, но тут в разговор вмешался Йокус.

— Чувство собственного достоинства — конечно, дело серьёзное, — сказал он. — Я знаю Тома Миддлтона и его лошадь. Оба великолепны. Но разве могут они сравниться с такими мастерами мирового класса, как вы и Нерон? Тому не хватает элегантности. Он бухнется с лошади как куль с мукой, а лошадь со страху кинется прямо на зрителей.

— Боюсь, вы правы, — согласился Галопинский. — Но тут уж ничего не поделаешь. Мы с Нероном уже и так опозорились, когда я по чистой случайности надел ваш дурацкий фрак. После той истории мы до сих пор в себя не можем прийти! Неужели мы согласимся ещё раз это пережить, даже ради фильма? Чтобы все тыкали в нас пальцем? Да ни за что!

Йокус с Минеральвотером совсем приуныли, как вдруг раздался звонкий голосок Максика:

— Я кое-что придумал!

Оба вздрогнули — они были так поглощены своими мыслями, что совершенно забыли о Максике, который сидел в нагрудном кармане профессора и всё слышал.

— Я кое-что придумал! — повторил он, потирая руки. — Наверняка в каждом кинотеатре будут продаваться буклеты о фильме. И мы

там напишем, какую огромную работу проделал господин Галопинский. Всё-таки и он, и Нерон — артисты мирового класса и совершенно разучились падать. Им пришлось несколько месяцев тренироваться, пока наконец маэстро смог-таки свалиться с Нерона. Клоуны ведь тоже репетируют, прежде чем упасть.

— Я бы не хотел, чтобы надо мной смеялись, как над клоуном, — смущённо заметил Галопинский.

— Но смеются вовсе не над клоунами, — вмешался Минеральвотер. — Каждый дурак в цирке знает, что они вовсе не растяпы, а только притворяются. Смеются не над ними, а над тем, как они падают, и то потому, что сами клоуны остаются совершенно серьёзными.

Маэстро Галопинский был наездником, а не философом, к тому же без Нерона он чувствовал себя не в своей тарелке.

— Мне нужно подумать, — сказал он, поднялся и направился к двери.

— Куда же вы? — удивился Минеральвотер.

— На конюшню.

И Галопинский исчез.

— Зачем ему на конюшню?

— Хочет посоветоваться с лошадью, — пояснил Максик. — Без Нерона он никуда.

— Неужели Нерон разговаривает?!

— Конечно, нет, — сказал Йокус. — Но слушать он умеет. Галопинский говорит, а конь на него смотрит. Больше ничего и не нужно. Маэстро и так знает, согласен Нерон или нет.

— У них всегда так, — подтвердил Максик.

Минеральвотер от удивления не знал, что сказать.

А через пять минут из конюшни вернулся Галопинский.

— Всё в порядке, — сообщил он. — Нерон не возражает.

Дни выдались напряжённые. Представления шли каждый вечер, а трижды в неделю — ещё и после полудня. В семь утра нужно было быть в киностудии, где артистов ждал гримёр с целым арсеналом косметики. Чтобы наложить грим Максику, он использовал лупу.

В пятом павильоне возвели декорации: гостиничный номер с коридором, витрину с красавцем Вольдемаром и другими манекенами, мужской магазин, комнату, где Максика держали взаперти, окно Эриха Шустрика на первом этаже, комнату родителей Эриха, кабинет комиссара полиции, Голубой салон, фургон директора Грозоветтера и ещё бог знает сколько всего. Всё это походило на балаган. Два дня снимали в Голубом салоне, три дня — в логове разбойников, полдня — в ресторане «Кривой кубок», где актриса, игравшая официантку, запустила в лицо Бернгарду творожным пудингом с малиновым сиропом. Но бросила-то она его, конечно, не в Бернгарда, а в актёра в роли Бернгарда.

Из-за сложностей с освещением эту сцену пришлось переснимать четыре раза. Уже после третьего пудинга актёр был вне себя. Но Минеральвотер настоял, чтобы сцену повторили и в четвёртый раз, и оператор наконец-то остался доволен.

В полдень обедали в столовой. Разбойники преспокойно усаживались за один столик с Розой, Йокусом и актёром, игравшим комиссара Штейнбайса. Максик стоял рядом с тарелкой Эриха Шустрика и угощался супом с печёночными фрикадельками. Мистер Минеральвотер беседовал с небритым исполнителем роли лысого Отто. Официантка в столовой обслуживала актрису, которая только что играла официантку в «Кривом кубке». Неудивительно, что за столом то и дело возникали забавные ситуации.

Но больше всего смеха было в тот день, о котором я как раз начал рассказывать. Началось всё с десерта. Правда, актёр, игравший Бернгарда, и не подумал смеяться — наоборот, он громко вскрикнул

от ужаса. А всё потому, что на десерт — вы не поверите! — подали творожный пудинг с малиновым сиропом!

Четыре пудинга ему запустили в лицо, и теперь пятый пудинг красовался у него на тарелке — ну это уж слишком! Актёра передёрнуло от отвращения. Успокоился он только тогда, когда вместо пудинга хозяйка принесла ему камамбер с ржаным хлебом.

Максик держался молодцом. Ему нравилось сниматься. А когда молодому человеку что-нибудь нравится, то и устаёт он от этого значительно меньше, чем от работы, которую терпеть не может. Честно говоря, у взрослых всё точно так же. Поэтому очень важно выбрать себе занятие по душе. (Впрочем, что-то я отвлёкся.)

А говорил я о том, что Максик с большим удовольствием участвовал в съёмках. Но наблюдать за тем, как снимают других, он тоже был не прочь. Время от времени ему разрешали залезть на оператора и посмотреть в видоискатель. Даже если камера скользила по рельсам на специальной тележке или парила в воздухе (а поднимали её обычно на кране).

Особенно увлекли Максима съёмки в деревне Пихельштейн, где все жители звались Пихельштейнерами и были значительно ниже обычных людей. Отсюда происходили родители Максима, но за десять лет до его рождения они собрали все свои пожитки и уехали — очень уж им хотелось выступать в цирке.

Однажды октябрьским вечером, когда Роза, Йокус, Максик и Минеральвотер сидели после представления в ресторане художников «Кружка», Минеральвотер сказал:

— Завтра в шесть утра выезжаю в Пихельштейн на машине. Директор фильма уже там. Остальные едут сегодня ночью. Если завтра будет такая же хорошая погода, как сегодня, то снимаем

на улице. Если нет — в гимнастическом зале. Члены Гимнастического союза обещали показать нам вольные упражнения, упражнения на перекладине, кольцах, брусьях и бревне... С этого и начнётся наш фильм.

Он капельку помолчал, улыбнулся и спросил:

— Хотите тоже поехать?

— Ах! — вздохнул Максик.

— А как же цирк «Стильке»? — поинтересовался Йокус.

— Вы как раз успеете к вечернему представлению, — ответил Минеральвотер. — А я останусь в деревне до конца съёмок. Но ночевать придётся в Ревенсбурге — в гостинице Пихельштейна слишком короткие кровати. Самое большее — семьдесят сантиметров. Чтобы я на них поместился, нужно поставить в ряд три кровати, но для этого там слишком маленькие комнаты.

— Тут и думать нечего, — сказала Роза. — Должен же наконец Максик побывать на родине своих родителей.

— Ты не возражаешь? — спросил Йокус, с заботой глядя на Максика.

— Мне, конечно, очень хочется, — нерешительно произнёс Максик. — И всё-таки капельку боязно.

— Мы будем рядом, — заверил его профессор.

— Это хорошо. А то мало ли... Ты только представь: все вокруг маленькие, всех зовут Пихельштейнерами и все мои родственники. Да ещё наперебой рассказывают, что помнят моих маму и папу со школьной скамьи...

Когда на следующее утро они выехали из Мюнхена, были ещё сумерки, по земле струился туман. С наступлением дня туман рассеялся, а в Ревенсбурге всюду светило солнце. Шелковистое небо было нежно-голубым, разноцветные деревья напоминали гигантский осенний

букет из пёстрых листьев. За Ревенсбургом автомагистраль кончилась, и началась просёлочная дорога. Она шла в гору, а вокруг лежали леса и луга.

— Там, наверху, — Пихельштейн, — сказал водитель.

А потому прямо сейчас начнётся...

Глава 6

«ВНИМАНИЕ! БЕРЕГИТЕ ГОЛОВУ ПРИ ВХОДЕ В ЦЕРКОВЬ И РАТУШУ!» РАЗВЕ БОЛЬШОЙ ОБОРОТ ПЕРЕДАЁТСЯ ПО НАСЛЕДСТВУ? НЕНАСТОЯЩИЕ РОДИТЕЛИ МАКСИКА.

КОМИССАР ШТЕЙНБАЙС ВОЗВРАЩАЕТСЯ ИЗ ЮЖНОЙ АМЕРИКИ. СЕНЬОРА ЛОПЕСА СНИМАЮТ НА КАМЕРУ, А ПОТОМ ОН УДИРАЕТ

Перед деревней, на обочине, был установлен большой щит. Машина затормозила, и путники прочитали: «Внимание! Сквозной проезд запрещён! Стоянка перед въездом в населённый пункт. Размещение в гостинице только для детей ростом до 50 см! Берегите голову при входе в церковь и ратушу! Приносим свои извинения за доставленные неудобства! Добро пожаловать в Пихельштейн! Бургомистр Алоис Пихельштейнер».

Роза Марципан рассмеялась.

— Эдак нам придётся ползать на четвереньках, — сказала она. — Надеюсь, хоть в ширину мы пролезем.

— Мужчины точно пролезут, — заметил Йокус.

— Не говори дерзостей, — одёрнула его Роза. — Не то я расторгну нашу помолвку.

Внезапно они замолчали и с интересом посмотрели направо. Там по осеннему полю шёл пони и с грохотом тащил за собой телегу. Телега была не больше тачки, а сидящий в ней человек тянул разве

что на первоклассника. Однако же это был седовласый господин. Повернув с поля на дорогу, он кивнул в сторону автомобиля.

— Похоже на повозку для детей в зоопарке, — заметил Минераль-вотер.

— Примерно такого же роста был твой отец, — сказал Йокус Максику.

Мальчик молча сидел на плече у профессора, его взгляд скользил по бороздкам распаханного поля.

— Интересно, какого здесь размера картошка? — спросил шофёр. — Если такая же, как у нас, то как, чёрт возьми, они её убирают?

А Максик сказал:

— Значит, на роль моих родителей пригласили двух людей из деревни...

На стоянке их встречали жители Пихельштейна. Едва гости вышли из машины, как оркестр пожарных, состоявший сплошь из маленьких мужчин с крошечными инструментами, грянул марш Пихельштейна. И хотя жители деревни были крайне малы, их ликование было огромным. Бургомистр Алоис Пихельштейнер произнёс парадную речь. Председатель Гимнастического союза Фердинанд Пихельштейнер приветствовал Максика как почётного члена союза. Мистер Минеральвотер поблагодарил бургомистра за помощь в съёмках и передал ему чек из «Дойче банка». После чего Фердинанд Пихельштейнер объявил, что собирается вручить Максика подарок в память о Гимнастическом союзе (Г.С. 1872).

— Наш Гимнастический союз был основан почти сто лет назад, — провозгласил он. — Твои достопочтимые родители были нашими лучшими гимнастами. Благодаря им

мы прославились. Ты же, многоуважаемый почётный член нашего союза, сохранил и приумножил их таланты. И что же мы могли тебе подарить? Конечно, гимнастический снаряд! Это турник из наиболее прочнейшей стали, который соорудил наш лучший слесарь Фиделис Пихельштейнер и твой покорный слуга. Мы надеемся, что он подойдёт тебе по размеру. Перекладину можно фиксировать на четырёх уровнях. К турнику прилагается коврик из мягкого фетра десять на десять сантиметров, чтобы, выполнив подъём разгибом, большой оборот или прыжок ноги врозь, ты не сломал себе ножки. Твои родители были гимнастами и только потом стали артистами. Ты же сначала сделался артистом, а теперь станешь гимнастом, как подобает каждому Пихельштейнеру!

Оркестр пожарных заиграл туш, и под приветственные крики к собравшимся подкатила повозка, запряжённая ослом. На повозке стоял маленький стол, а на столе — крошечный турник. Все ахнули от восторга и зааплодировали.

Максик низко поклонился прямо из нагрудного кармана профессора и прокричал:

— Дорогие однофамильцы, дорогие друзья моих родителей! Спасибо за тёплый приём и за прекрасный подарок! Обещаю его бережно хранить! Но вначале мне нужно проверить, подходит ли он мне по росту. Мы, артисты, привыкли всё проверять.

Зрители и ахнуть не успели, а Максик уже во весь рост вытянулся на перекладине.

Осёл наострил уши. Ему тоже хотелось посмотреть, что там Максик делает у него за спиной. И всё-таки он не шелохнулся и только напряжённо прислушивался.

Некоторое время Максик просто висел на перекладине. Затем медленно поднял ноги, сделал уголок, дотянулся ногами до перекладины, потом поднял ноги ещё выше, качнулся вперёд, назад, выполнил подъём махом вперёд, потом — оборот и сел на перекладину, чтобы чуточку передохнуть и перехватить руки.

— Здорово! — крикнул он Йокусу, который в ужасе наблюдал за ним, стоя на коленях перед повозкой.

— Ты совсем рехнулся! — не выдержал Йокус. — Слезай сейчас же!

— Минутку! — крикнул Максик. — Это так весело! Протяни, пожалуйста, ладонь!

Не успел Йокус его схватить, как Максик вновь принялся раскачиваться. Сперва чуть-чуть, потом сильнее, потом ещё сильнее. Ноги и руки совершенно прямые. Внезапно он сделал большой оборот, потом ещё один и ещё... Он крутился вокруг перекладины не хуже секундной стрелки на часах. И вдруг остановился. Максик стоял вниз головой, держась вытянутыми руками за дрожащую перекладину, и — раз, выполнил кувырок ноги врозь и с криком «Ю-ху!» приземлился на ладонь Йокуса. Даже полуприседание в самом конце он сделал безукоризненно.

— Нет, с этим парнем никаких нервов не хватит! — воскликнула Роза. Но никто её не услышал, потому что все без исключения Пихельштейнеры хлопали как сумасшедшие.

Фердинанд Пихельштейнер протиснулся вперёд и спросил:

— Где он этому научился?

— Нигде, — ответил Йокус, засовывая Маленького Человека в нагрудный карман.

— Конечно, его родители всё это умели, — заметил Фердинанд. — Но разве большой оборот передаётся по наследству?

Максик захихикал:

— Я просто смотрел чемпионат мира по телевизору. Русские и японские гимнасты — это что-то!

— Соскок ноги врозь нельзя выучить по телевизору, — констатировал Фердинанд, который кое-что смыслил в гимнастике.

— А я могу, — уверил его Максик. — Я же артист.

— О, это мне хорошо известно, мой мальчик, — сказал Фердинанд. — Более того, ты всемирно известный артист. Но гимнастике

ты наверняка где-то учился. По-другому просто быть не может. Хотя большой оборот у тебя, как говорится, в крови.

День в Пихельштейне выдался интересный и одновременно уютный. Улицы были слишком узкие, а дома — слишком низкие. Порой Минеральвотеру приходилось держаться за карнизы домов, и он легко мог заглядывать в окна верхних этажей. В гимнастическом зале не хватило места для камер, и операторы снимали выступления через окошко, стоя на Низкой площади.

Здесь же на площади гостей угощали обедом. Подавали мясо пихельштейнски. Но это ещё куда ни шло. Намного хуже дело обстояло с мебелью и тарелками: крошечные стулья под гостями сразу бы сломались, ну а на малюсеньких тарелках помещались только лилипутские порции. В конце концов члены съёмочной группы уселись на столах и ели половниками прямо из кастрюль. Таким образом удалось кое-как пообедать.

После обеда съёмки продолжились. Светило солнце, и мистер Минеральвотер решил снять несколько сцен на свежем воздухе. Обсудив все детали с оператором, он отвёл Розу Марципан в сторонку и тихонько сказал:

— Сейчас самое время взять Йокуса и Максика и отправиться с ними погулять.

— Погулять? — удивилась Роза. — Вообще-то мы хотели присутствовать на съёмках.

— Но сейчас вам лучше уйти, — повторил Минеральвотер. — Я буду снимать, как родители Максика прощаются и уезжают, чтобы попытать счастья в цирке.

— Понимаю.

— Мы выбрали артистов, которые очень похожи на его настоящих родителей. И хорошенько загримировали — по старым фотографиям. Максик может испугаться. Всё-таки ему было шесть лет, когда они погибли, да и фотографии он наверняка видел.

— Ах, Гансик, — улыбнулась Роза. — А вы, оказывается, ещё более славный, чем я думала!

— Я бы и сам сказал это Йокусу, — продолжал Минеральвотер, — но Максик постоянно торчит у него в нагрудном кармане, и...

— Не беспокойтесь, — заверила его Роза. — Мы будем гулять до посинения.

Но сказать это было проще, чем сделать. Некоторое время профессор и Максик гуляли с удовольствием, но вскоре им это надоело, и они стали ныть.

И как ни подмигивала девушка Марципан Йокусу, тот так ничего и не понял. Зато Максик насторожился.

— Что это твоя невеста сегодня непрерывно моргает? — спросил он Йокуса.

— Понятия не имею, — ответил профессор. — Женщина, как известно, загадка. Даже фокусники не знают, что там у неё в голове.

— А я хочу обратно на съёмки! — канючил Максик. — Что я тут не видел в поле?

Йокус повернул назад вместе с Максиком, и Розе Марципан пришлось подчиниться. Оставалось только надеяться, что Минеральвотер уже снял сцену с родителями. Но, как ни хотелось Розе Марципан в это верить, всё оказалось иначе.

Когда они вернулись, съёмки были в самом разгаре. Камеру прикрутили к электротележке, которая медленно ехала перед молодыми мужчиной и женщиной. Те шли по узенькой улочке, навьюченные узлами и чемоданами.

Женщина была чудо как хороша. Мужчина носил роскошные чёрные усы. Оба были ростом с пятилетних детей и еле-еле тащили свой багаж.

Из всех окон и дверей выглядывали маленькие Пихельштейнеры, махали им вслед и наперебой кричали: «Удачи!» «Счастливого пути!» «Пишите!» «Не забывайте нас!»

Путники бы тоже всем помахали, но у них было слишком много чемоданов. Они лишь улыбались и то и дело кивали, хотя и это им было непросто. Когда не знаешь, что тебя ждёт, улыбаться не очень-то хочется.

Йокус замер. Теперь-то он понял, почему Роза так не хотела возвращаться. Да ещё и подмигивала.

— Женщина, как известно, загадка, — шепнула Роза с укором.

А что же Максик? Как зачарованный, он смотрел на своих ненастоящих родителей; наконец тяжело сглотнул и произнёс:

— Дорогой Йокус, заberi меня скорее отсюда!

Всё когда-нибудь заканчивается, и съёмки не исключение. К середине ноября подошли к концу съёмки фильма и передач о Маленьком Человеке. Оставалось только это отпраздновать. День выдался дождливый, что не помешало съёмочной группе по мокрым улицам дойти до тёплого уютного кафе и пропустить по стаканчику пива. Впрочем, это только так говорится — на самом деле пили не только пиво, но и более крепкие напитки, для которых нужны маленькие рюмки. А они быстрее становятся пустыми, чем большие стаканы, это каждому ясно.

Подавали жареную свинину с клёцками и свежей капустой. От еды никто не отказывался. Только наешься, как хочется пить, а попьёшь — и снова голодный. Банкет устраивал Минеральвотер, он же за всё и платил. Американец поблагодарил всех за отличную работу и перешёл в соседнюю комнату, где его ждала другая часть съёмочной группы. Снять фильм — дело непростое, для этого требуется уйма народу.

Помимо Йокуса, Розы и Максика, в соседней комнате сидели звукооператор Сынишкер, монтажёр Петелькель и мадемуазель Одетта, помощница режиссёра. Родилась она в Женеве и совершенно свободно говорила на пяти языках. Просто удивительно, как это у неё получалось.

Мистер Минеральвотер закурил одну из своих чёрных сигар и сказал:

— Если бы уши у нас были такие же хваткие, как глаза, то мы бы подсели к операторам и послушали их разговоры. Но уши у нас глупее, чем глаза.

— Неужели? — удивился Максик.

— И намного, — согласился Йокус. — Глаза понимают всё, что видят, а уши понимают только знакомый язык, скажем, английский, японский или португальский.

— Неправда, — возразил Максик. — Мадемуазель Одетта понимает целых пять языков.

— Но языков на свете намного больше, — засмеялась Одетта. — Уж поверь мне, их сотни.

— По-моему, пяти вполне достаточно, — сказал Минеральвотер. — Мне бы, например, хватило и четырёх. Но что тут поделаешь? Я же коммерсант, а не ушной доктор, и не собираюсь менять мир к лучшему. Моё дело — снимать фильмы, которые будут понятны всем, а иначе никто не станет их покупать.

Затем Минеральвотер положил перед собой график работы студии дубляжа, и начался долгий деловой разговор, в ходе которого обсуждали конкретные сцены, назначали сроки, к которым нужно записать музыку и обработать звук. Зашла речь и о том, сколько копий фильма надо выпустить.

Беседа затянулась часа на три. Не думаю, что вы бы поняли и десятую часть того, о чём говорилось. Счастье ещё, что вас там не было. Между прочим, хозяйка, которая пришла зажечь в комнате свет,

сперва решила постоять у двери и послушать. Но потом только пожала плечами и вернулась на кухню.

— Я бы по-китайски больше поняла, — сказала она поварихе.

— Ну и ладно, — с невозмутимым видом отозвалась та. — Кто-то делает фильмы, а кто-то — тефтели. Главное, чтобы каждый знал своё дело.

Было уже семь часов вечера, а мистер Минеральвотер всё ещё говорил. И, как всегда, нисколько не утомился.

— Тридцатого ноября я улечу в Геную, — сказал он. — Поднимусь на борт яхты «Слипвелл» и целый месяц не буду ни с кем разговаривать. Поэтому я должен всё продумать заранее. Первую передачу покажут в первый день рождественских каникул, сразу на тридцати телеканалах. И если кто-нибудь напортачит, будет иметь дело со мной.

— Но только после того, как вы выпитесь, — сказал Петелькель.

— То есть не раньше 1 января, — подхватил Сынишкер. — Так что Новый год мы встретим спокойно.

— В таком случае это будет ваш последний Новый год, — мрачно заметил Минеральвотер.

Максик и Роза Марципан так и прыснули со смеху, и Минеральвотер помрачнел ещё больше.

— Боюсь, меня тут никто не принимает всерьёз, — сказал он.

Теперь смеялись все. Потому что на самом деле американского дядю Стёпу все обожали, и он это прекрасно знал.

В этот самый миг дверь распахнулась, и на пороге появился таксист. Он поздоровался, внёс в комнату два чемодана и так же внезапно исчез. Некоторое время было тихо.

Наконец послышались громкие шаги, и в дверях показался бронзовый от загара человек.

— Да это же комиссар Штейнбайс! — крикнул Максик.

После бурных приветствий и стаканчика виски все отправились в кинозал, чтобы посмотреть цветное кино, которое полицейский

комиссар привёз из Южной Америки. Это был небольшой фильм без звука, поэтому, как только погас свет и на экране появилось изображение, Штейнбайс принялся рассказывать. Он делал пояснения к каждому кадру.

— Перед вами — труднодоступный район Южной Америки, — начал комиссар. — Это плоскогорье, где господствует субтропический климат. Почва плодородна, да ещё её хорошо поливают. И получают отличный урожай сахарного тростника, хлопка, винограда, бананов, инжира, картофеля, пшеницы, кукурузы и ячменя. Местные жители происходят от индейского племени араукан. В древние времена арауканы воевали с инками, а потом, вплоть до XVIII века, сопротивлялись испанцам. Сегодня они занимаются сельским хозяйством, разводят лошадей и используют лам как вьючных животных. Дома строят из глины или металлического шифера. Слева — деревня Сан-Кристобаль. Здесь мы остановились. Первое время снимали колибри, бабочек и попугаев. Затем перешли к кактусам, кипарисам, магнолиям и лавровым деревьям. Потом — к детям и старухам. Мы снимали, как они сидят перед домами, как стригут овец... Снимали снежные вершины Кордильер на востоке. Это было похоже на школьное сочинение на тему «Как я провёл каникулы».

— Боже мой, сочинение! — застонал Минеральвотер. — Да ещё на мои деньги!

Но тут все замолчали, потому что на экране показалась старая серая крепость. С зубчатыми стенами, бойницами и большой круглой башней. За каждой бойницей — по вооружённому часовому.

— Значит, вот он где живёт, этот Лопес, — взволнованно прошептал Максик.

— Перед вами цитадель XVII века, возведённая по указанию испанского вице-короля, — сообщил Штейнбайс. — Здесь была резиденция этого самого вице-короля. Здесь он вершил суд и воевал с непокорными индейцами. Позднее крепость пришла в упадок. Тридцать

лет тому назад её купил Лопес. Восстановил стены и значительно усовершенствовал крепость в техническом отношении. Сейчас в ней есть водоснабжение, автономное электричество и даже собственная радиостанция. В общем, нет ничего, чего бы в ней не было.

— А вы были внутри? — спросил Максик, сгорая от любопытства.

— Разумеется. Но об этом я расскажу позже. Как видите, внутренний двор имеет форму квадрата. И весь вымощен бетонными плитами (за исключением розария слева). Девушки, которые скачут в купальниках, — балерины. Каждый вечер им приходится развлекать Лопеса. Сейчас они тренируются.

— А они уже не первой свежести, — заметила Роза Марципан.

— Это неудивительно, — сказал Штейнбайс. — Когда десять лет назад их похитили из ночного клуба в Мехико, они уже были не юными.

— Вы снимали с увеличением? — поинтересовался Йокус.

— Да.

— И где же, чёрт возьми, стоит камера? — спросил Минеральвотер.

— Она не стоит, а висит, — улыбнулся Штейнбайс. — На самой верхушке шестидесятиметровой араукарии — это такое гигантское хвойное дерево. Наши индейцы установили на нём охотничью вышку. Оператор забирался туда ночью и ночью же спускался по канату. Это ужас как высоко.

— А парни, которые строятся во дворе, небось стрелки? — спросил Максик.

— Да. У них смена караула. Те, кто справа, идут обедать, а кто слева — возвращаются.

— Они какие-то вялые, — заметил Йокус критически.

— И совсем они не вялые, — сказал Максик. — Один только что шлёпнул девушку в красном купальнике.

— Ничего подобного, — сказала Роза строго. — Когда же наконец ты перестанешь выдумывать?

Максик захихикал.

— Тише, пожалуйста, — попросил комиссар. — Как видите, к воротам подъезжает грузовик. Это грузовик Мигуэля. Мигуэль — скотовод; три раза в неделю он привозит в крепость свежее мясо, колбасу, топлёное сало и кур. Индеец, который сидит на корточках в кузове под брезентом, — вовсе не индеец, а детектив Макинтош. Он перекрасил волосы.

— А откуда вы снимали грузовик? — поинтересовался Минеральвотер. — Из второй машины?

— Да. Мы ехали следом на расстоянии десяти метров в машине Ганзалеса, который поставляет Лопесу овощи и фрукты. Снимал Ричардсон — он замаскировался бананами и сидел в такой скрюченной позе, что боялся себе что-то сломать.

— Вы тоже переоделись индейцем? — спросил Максик.

— Естественно. Внимание, сейчас откроются ворота.

В этот момент ворота крепости и впрямь распахнулись, и машина Мигуэля въехала во двор. Грузовик остановился, из него выпрыгнул Макинтош, поднял брезент и взвалил на плечо тушу телёнка. К нему тотчас подбежали несколько мужчин и тоже стали разгружать грузовик. Когда на одного из них взвалили половину быка, Максик закричал:

— Да это же лысый Отто!

— Так и есть, — сказал комиссар. — А мужчину в белом фартуке и поварском колпаке — вон он, прямо в кадре, — зовут месье Жерар. Он главный по кухне. В своё время он получил за поварское искусство три золотые медали. Но, к несчастью, Жерар был женат сразу на трёх женщинах. Его хотели наказать, но Лопес помог ему выпутаться из этой истории. Ну а сейчас самое главное. Видите розарий, а в нём — упитанного господина?

Господин, о котором говорил Штейнбайс, бережно обрезал тёмно-красные розы. На нём были шёлковый костюм и соломенная шляпа.

На коротких толстеньких пальцах сверкало столько колец, словно он нанизал на них всю ювелирную лавку.

— Наверное, это он, — шепнул Максик.

— Это он, — подтвердил Штейнбайс. — Перед вами самый богатый человек на земле. Он ворует людей только для того, чтобы они его развлекали. А сам их поит и кормит, как будто это какие-нибудь редкие животные в зоопарке.

— Среди них мог оказаться и я, — вздохнул Максик.

Тем временем сеньор Лопес вразвалочку прошёл через двор, остановился перед грузовиком Мигуэля, перебросился несколькими фразами с поваром-французом и, понюхав розу, стал внимательно осматривать половину туши быка, которую только что выгрузили из машины. Потом кивнул, развернулся и пошёл к зданию. У входа его поджидала пожилая женщина со всклокоченными волосами. Оба скрылись внутри.

— Это цыганка, которая ему гадает, — пояснил комиссар. — А вот два индейца с бананами. Они складывают овощи и фрукты возле грузовика Мигуэля, чтобы загородить Ричардсона, который сидит во второй машине и снимает всё это на камеру. Один из индейцев — местный житель по имени Ганзалес, а другого индейца в обычной жизни зовут Штейнбайс.

Минеральвотер расхохотался:

— Да вас не узнать!

Тут все стали восхищаться, как великолепно замаскировался комиссар.

И только Максик заволновался.

— Какое счастье, что вас не видел Бернгард, — проговорил он, дрожа от страха. — Он бы мог вас узнать.

— Ты почти такой же умный, как Бернгард, — заметил Штейнбайс. — Когда через неделю я в третий раз помогал разгружать

машины, этот чёртов хитрец тоже был здесь. Он стоял рядом с нами и со скучающим видом жевал зубочистку. Вдруг Бернгард насторожился, и не успел я оглянуться, как он схватил меня за лицо. На пальцах у него осталась коричневая краска. Потом всё произошло очень быстро. Теперь уже я ударил его по лицу. Он закатил глаза и потерял равновесие, а Ганзалес запустил ему в живот гроздь бананов. Макинтош с Мигуэлем вскочили в первый грузовик, а мы с Ганзалесом — во второй. И прежде чем часовые подняли тревогу, мы успели проскочить через ворота. Завязалась небольшая перестрелка, но никто не пострадал.

— Или они плохие стрелки, или стреляли в воздух, — сказал Йокус.

— Верно, они стреляли в воздух, — подтвердил Штейнбайс. — По крайней мере, именно так они объяснили это после ареста.

— Вы их арестовали? — спросила Роза Марципан.

— И сеньора Лопеса тоже? — вскричал Максик.

— А это уже совсем другая история, — сказал комиссар, и его голос прозвучал очень печально.

Он нажал на кнопку, и фильм продолжился.

— Второй оператор всё ещё сидит на дереве, — пояснил Штейнбайс. — Сейчас вы увидите кадры, которые он снял спустя два часа после нашего побега из крепости. Смотрите внимательно, и вы станете свидетелями моего провала.

Зрители во все глаза смотрели на экран, на котором снова появился двор крепости, на первый взгляд совершенно пустой. Хотя нет: у клумбы с розами по-прежнему стоял шарообразный господин в элегантном шёлковом костюме и соломенной шляпе и всё так же бережно обрезал тёмно-красные розы. Он оглянулся и вновь понюхал розу. Казалось, он чего-то ждёт.

— А у него железные нервы, — пробормотал Минеральвотер.

Вдруг бетонные плиты раздвинулись, и под ними обнаружилось углубление. Из этого самого углубления постепенно, метр за метром, стал вырастать самолёт. Когда самолёт уже весь вышел на поверхность, плита под ним заняла место среди остальных плит во дворе. Сеньор Лопес своей утиной походочкой подошёл к самолёту. Из открытой двери спустилась приставная лестница, по которой он забрался наверх. Лестница моментально убралась, дверца захлопнулась. Самолёт как ни в чём не бывало взмыл в воздух и скрылся за горизонтом. Через минуту небо было таким же безжизненным, как и внутренний двор крепости.

— Самолёт вертикального взлёта, — констатировал Максик.

— Так и есть, — буркнул Штейнбайс. — Этих аппаратов нет в серийном производстве, только опытные образцы.

— Самому богатому человеку планеты незачем ждать, пока такой самолёт запустят в производство, — заметил Минеральвотер. — Всё очень просто. Сначала какой-нибудь лётчик-испытатель как бы по ошибке летит не туда. Самолёт не могут найти, пилота тоже. Может быть, оба давно уже лежат где-нибудь в вечных льдах. Ну а может, пилоту хорошо заплатили и он благополучно приземлился в каземате крепости.

— Наверняка так оно и было, — согласился комиссар. — Кстати, вместе с сеньором Лопесом и самолётом исчезли повар, цыганка, балерины, наши давние знакомые Бернгард и Отто, главный стрелок, искусствовед и ещё сто семьдесят четыре картины в рамах. Мы посчитали гвозди, на которых они висели.

— Кто-нибудь знает, куда они полетели?

— В том-то и дело, что нет. Лопес мог отправиться в Парагвай, Перу или Боливию... В его распоряжении шахты и рудники, поместья и корабли, консервные заводы и сети гостиниц, не говоря уже о банках. Крёз* в сравнении с ним был жалким оборванцем. Лопес исчез. И мы даже не знаем, на каком он континенте. Он меня обдурил как мальчишку!

— Wait and see, — сказал Минеральвотер. — Поживём — увидим. Я позабочусь, чтобы перед каждым показом фильма о Маленьком Человеке демонстрировали ваш фильм о сеньоре Лопесе, со всеми необходимыми пояснениями. Ваши усилия даром не пропадут. Интерпол вынужден будет вмешаться. Сеньору Лопесу недолго осталось нюхать розы.

— Вы допросили стрелков, которых он бросил? — спросил Йокус.

— Конечно. Допросы вёл Макинтош. Стрелки ужасно злятся на Лопеса. Макинтош взял записи всех допросов в Нью-Йорк. Сейчас их

* Крёз был последним царём в древней стране Лидии (правил с 560 по 546 гг. до н. э.). Он стал чеканить золотые монеты, да и вообще слыл богатейшим человеком своего времени.

переводят на английский. Кроме того, мы сняли стрелков на камеру и сфотографировали.

— Прекрасно, — сказал Минеральвотер. — Фотографии мы печатаем в журнале «Лайф» и других изданиях.

Минеральвотер похлопал комиссара по плечу.

— Не понимаю: почему вы собой так недовольны?

— А зачем, спрашивается, я уговорил вас дать деньги на всю эту затею? Неужели ради колибри? Или, может, ради фильма о крепости? Думаете, мне захотелось помахать вслед самолёту, на котором удрал Лопес? Нет уж, я рассчитывал на большее.

— Мы всегда замахиваемся на большее, — сказал Минеральвотер. — А добиваемся меньшего.

Роза рассмеялась.

— Да вы, оказывается, философ! — заметила она, улыбаясь.

— В первую очередь я курильщик сигар, — сказал Минеральвотер, поднимаясь со стула. — А сейчас мне нужно созвониться с Нью-Йорком.

Всё когда-нибудь заканчивается. Подошёл к концу и ноябрь, а с ним и 6-я глава. Джон Ф. Минеральвотер улетел в Геную, где его ожидала яхта «Слипвелл». Полицейский комиссар Штейнбайс уехал в Берлин. Цирк «Стильке» погрузился в поезд и отправился на зимние кватирры. Ну а Максик с Йокусом решили навестить короля Билеама. И с этого момента начнётся...

Глава 7

Где находится Бреганзона, никому неведомо.
Головной убор короля Билеама. Рассказ о столице.
Юдифь шьёт, а Максик поёт. Четырнадцать дней —
это всего-навсего две недели

Итак, мистер Минеральвотер улетел в Геную. Думаю, где находится Генуя, вам известно. А кто не знает, может заглянуть в школьный атлас. Профессор Йокус фон Покус вместе с Максимом в нагрудном кармане отправились в город Кале. Там их ждал самолёт под названием «Даговерт», который доставил их в Бреганзону. Вы, конечно, понятия не имеете, где расположена эта самая Бреганзона. И если начнёте искать её в школьном атласе, то очень удивитесь.

Ведь этой страны нет даже в самых больших и толстых географических атласах!

Можно сколько хочешь листать словари и энциклопедии — всё равно ничего не найдёшь. Даже в моём старом справочнике в двадцати пяти томах о ней нет ни слова. Хотя, например, деревня Пихельштейн там упоминается. Всё это, конечно, в высшей степени удивительно. И только в знаменитейшей «Британской энциклопедии» о Бреганзоне есть кое-какие сведения. Привожу их в переводе:

Бреганзона. Инф. не проверена. Расположение, площадь и число жителей неизвестны. Предположит. Бр. — город и остров в Атлантике. Бывш. колония художников. С 1912 г. — выборная монархия.

Король Дагоберт Мудрый (1912–1950) франц. происхождения; философ культуры. С 1951 г. — король Билеам Симпатичный, немец. происхождения; живописец. Осн. экспорт: игрушки, картины, книжки, книжки-картинки, кондит. и колбасн. изделия, спорт. обувь, воздушн. шарики, краски, медовые и вишневые пироги, жеват. и стират. резинки и пр.

Импорт: незначит.

Иностранн. туризм: отсутствует.

Вымышленный адрес: г. Кале, грузовой порт, док XII В.

Адрес для корреспонденции и почтовых отправок: г. Кале, а/я 97, до востребования.

Литература о Бр.: отсутствует. Наст. сведения основаны на слухах.

Ред.

Полёт длился почти два часа. За окном виднелся большой водоём, и иногда показывался маленький кусочек пустыни. Но постепенно океан заполнил собой всё. На воде не было ни волн, ни белой пены — только дрожащая водная гладь, по которой время от времени с востока на запад и с запада на восток скользили крошечные суда.

Когда стюардесса поставила на откидной столик яичницу с ветчиной, Йокус спросил:

— Как часто вы летаете этим маршрутом? Каждый день или два-три раза в неделю?

Стюардесса была крайне удивлена.

— Вы шутите? — сказала она. — Мы летаем, только чтобы забрать наших гостей. А это бывает два-три раза в год, а вовсе не в неделю.

— У вас что, нет туристов? — заинтересовался Максик, пытаясь выловить из яичницы кусочек ветчины. — А как же репортёры и фотографы?

Стюардесса всплеснула руками:

— Слава богу, король Билеам хранит нас от этой напасти! Нарушителей спокойствия мы не принимаем. Последнего репортёра, который попытался к нам проникнуть, Билеам Симпатичный хорошенько выколол и самолично посадил в моторную лодку.

— Чмнговылтил? — невнятно пробормотал Максик, поперхнувшись.

— Не говори с полным ртом, — строго сказал Йокус.

Максик хорошенько откашлялся.

— Я просто хотел спросить, чем он его выколол, — пояснил он.

— А... колотушкой для ковров, — ответила девушка. — Но не бойся, мой маленький, гостей он не трогает.

Стюардесса прошла к бортовой кухне, а оттуда с полным подносом направилась к кабине пилота, ведь пилот и радист тоже должны подкрепиться.

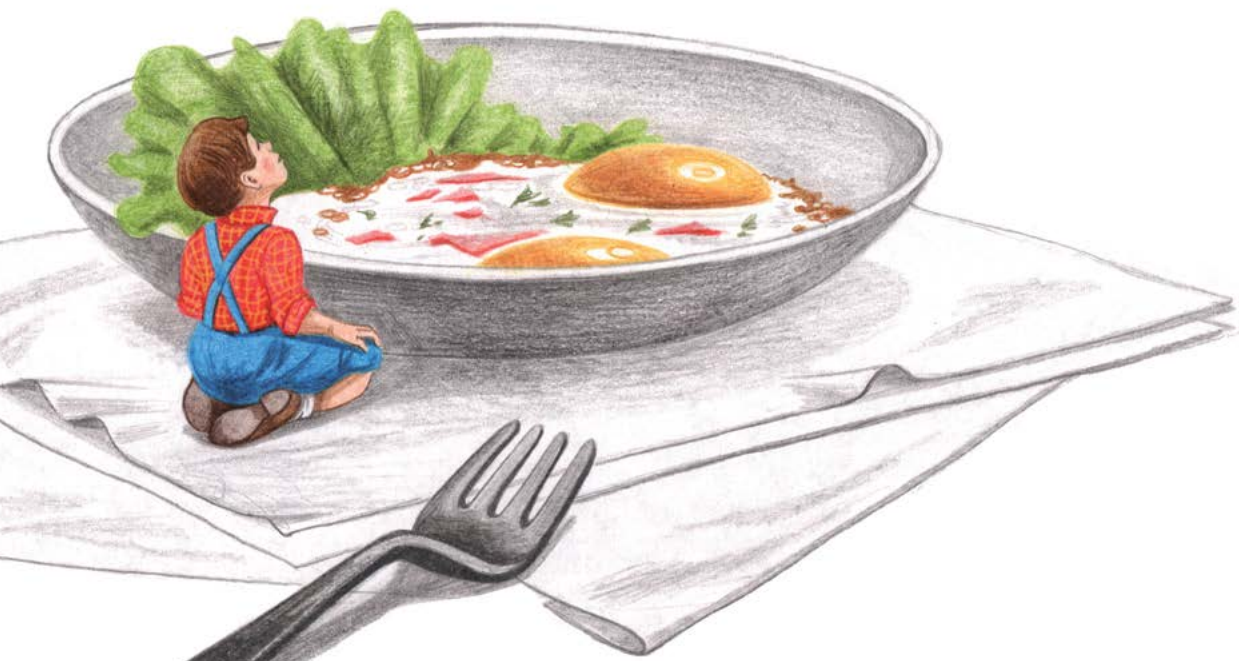
— Легко ей говорить, — сказал Максик. — Будь я один, я бы испугался. А ты не боишься? Самолёт совсем пустой, если не считать экипажа. Да и где находится эта Бреганзона?..

— Поешь ещё яичницы, — посоветовал Йокус. — Это успокаивает нервы.

— Спасибо, я сыт. И мне как-то беспокойно.

Маленький Человек вскарабкался на профессора и скрылся у него в нагрудном кармане. Потом вдруг выглянул и спросил:

— Защитишь меня, если что?

— Сам пропаду, а тебя в обиду не дам, — пообещал Йокус.

Вскоре он почувствовал, как Максик поудобнее устраивается у него на груди. Йокус улыбнулся, закурил сигарету и стал смотреть в круглое окошко на горизонт, океан и безоблачное небо, которое обещало хороший день.

Король Билеам Симпатичный стоял на лётном поле аэропорта Бреганзоны. Он достал из парчового жилета карманные часы и громко и отчётливо произнёс:

— Если они не прилетят прямо сейчас, то прилетят позже или никогда. Четвёртого не дано.

Рядом с королём стояли его наследники: принцесса Юдифь и принц Орам. А за ними выстроились школьники из сорока классов. В руках они держали всевозможные музыкальные инструменты: треугольники, губные гармошки, гитары и флейты. Все ждали.

Король был похож на гладковыбритого Деда Мороза. С белыми волосами, румяными щеками и в чёрной шляпе. Правда, поверх шляпы он носил ещё и корону. Это была самая настоящая золотая корона, которая переливалась на солнце. Королева накрепко пришила её к полям шляпы, иначе бы она (я имею в виду корону, а не королеву) всякий раз падала, когда король снимал шляпу.

— Шляпа и корона для меня едины, — частенько говорил Билеам Симпатичный. — Без шляпы я был бы просто королём, а без короны — просто горожанином. А поскольку я и то и другое, то и носить буду и то и другое, пока корона не станет для меня слишком тяжёлой. Тогда я сниму корону и останусь только в шляпе. И снова буду рисовать свои картины.

Принцесса Юдифь потянула короля за рукав.

— Папа, самолёт!

И она была права. На горизонте показался самолёт «Дагоберт». Он рос прямо на глазах, звук мотора нарастал. Самолёт описал в воздухе петлю и приземлился на взлётно-посадочной полосе. Он вырулил на стоянку и остановился. Дверца распахнулась, и к ней подвели

трап. Первой вышла стюардесса. За ней показался Йокус. Он махал всем рукой.

— Музыка! — крикнул король Билеам, и все сорок классов разом начали музицировать, да так, что стены бы задрожали, если бы они, конечно, там были. Хорошо дети играли или не очень, я лично сказать затрудняюсь. А вот с тем, что они играли громко, пожалуй, не поспоришь.

Встреча прошла необычайно сердечно. Король снял шляпу с короной. Юдифь сделала реверанс. Орам отвесил низкий поклон. Йокус пожал всем троем руки. Максик помахал рукой из нагрудного кармана Йокуса и захихикал. Но этого никто не услышал. Слов Йокуса и Билеама тоже никто не разобрал. Шум стоял невообразимый. Конечно, школьные классы в королевстве не очень большие — в каждом по двадцать пять учеников, — но если сорок классов собираются вместе, то это уже тысяча ребятшек.

И лишь когда Билеам, поморщившись, зажал уши, музыка прекратилась. Король и Йокус повторили то, что только что сказали. Йокус достал Максика из нагрудного кармана и поставил Билеаму на ладонь, после чего под ликование тысячи мальчишек и девчонок они направились к машине. Это был «роллс-ройс» 1930 года выпуска — просторная и удобная колымага. Даже королю Билеаму не приходилось нагибать голову, чтобы в неё сесть, несмотря на шляпу с короной.

— Жена просила передать извинения за то, что сама вас не встретила, — сказал король, когда они уже поехали. — Она варит какао и печёт булочки. Этого королева никому не может доверить. И, конечно, она догадывается, что мы ещё захотим заскочить к колбасному богу.

— К колбасному богу? — удивился Максик. — Это ещё кто?

Он сидел на полях королевской шляпы спиной к короне и чувствовал себя как дома.

— Колбасный бог — это мясник, — объяснил Орам. — Знаменитый хохотун...

— А особенно знамениты его горячие сосиски, — мечтательно сказала Юдифь. — В сосисках ему нет равных. Они буквально тают во рту.

— То есть как это тают? — не понял Максик. — Сосиски не могут таять — их надо надкусить, чтобы сок брызнул, а потом прожевать.

И дети стали спорить. Не обернись к ним в эту минуту король, они бы, наверно, надавали друг другу тумачков, но король обернулся.

— Что за шум, коли драки нет, — сказал он, посмеиваясь.

После чего мужчины смогли спокойно продолжать разговор.

— А почему вы не взяли с собой вашу даму сердца, очаровательную Розу Марципан? — спросил Билеам.

— Она гостит у своей старенькой тётушки, — ответил профессор. — И просит передать вам тысячу извинений.

— Нет у неё никакой тётушки! — крикнул Максик. — Ты всё выдумал.

— Это правда? — весело спросил король, сложив руки на животе.

— У Розы правда нет тётушки, и я это действительно выдумал, — сказал Йокус и незаметно подмигнул королю.

Максик перегнулся через край королевской шляпы и погрозил профессору пальцем:

— У тебя от меня секреты.

— Это тоже правда, — согласился Йокус. — Хотя вообще-то секрет только один.

— Не могли бы вы шепнуть мне его на ухо? — попросил Билеам.

— Только когда этот плутишка слезет с вашей шляпы. Он слиш-ком хорошо слышит то, что не предназначено для его ушей.

— У меня с детьми та же история, — сказал король. — Приказываешь им что-нибудь, приказываешь — они словно глухие; но стоит их матери шепнуть мне какое-то словечко, как выясняется, что у них весьма чуткий слух.

— Это хотя бы что-то хорошее? — спросил Максик.

— Ты просто ахнешь, когда узнаешь.

— И когда же это будет?

— Через две недели.

Бреганзона — очень жизнерадостный город. Люди здесь веселее, а продавщицы дружелюбнее, чем где-либо ещё. Занавески на окнах и даже тучки в небе улыбаются, глядя вниз на улицы и площади. Кто проедет на трамвае десять остановок, получает от кондуктора стакан лимонаду в подарок. В городе масса цветных фонарей, и все совершенно разные.

Если надумаете пройтись по магазинам, то вам не придётся улепётывать от машин, как зайцам от охотников. Водители оставляют свои автомобили подальше от торговых кварталов, вытаскивают самокаты из багажников и спокойно передвигаются на них от магазина к магазину.

— Обычно мы тоже пользуемся самокатами, — сообщил Билеам. — Только за гостями приезжаем на машине. Из уважения.

Но Максику такое уважение было не по вкусу.

— А можно нам тоже на самокатах? — попросил он. — Вы поедете на самокате, а я — на вашей шляпокороне или короношляпе. Вот будет весело!

— Давай в другой раз, — сказал Билеам.

— Тем более что мы уже приехали, — заметил Орам. — Выходим.

Колбасный бог оказался здоровенным мясником. Он крепко пожал всем руки и только Максику не решился. Никто из посетителей крошечной лавки не обратил на короля никакого внимания. Королём в Бреганзоне вообще мало кого удивишь. Его частенько видят с семьёй на аттракционах или в магазине, где он покупает корм для рыбок принцессы или грампластинку и песочные часы для королевы. И люди только смотрят и улыбаются.

Но, конечно, некоторые жители Бреганзоны поглядывали на короля с любопытством. Особенно сегодня, когда на полях его шляпы

восседал Маленький Человек. Такое, согласитесь, не каждый день можно увидеть.

За прилавком колбасной лавки сиял, попыхивая паром, котёл для варки колбас, и продавщицы тоже пыхтели и сияли. Неподалёку стояли семь круглых деревянных столов, натёртых до блеска. Для стульев места не оставалось, и все ели стоя. Поэтому для удобства столы здесь были в два раза выше обычных. И у них имелась дополнительная полочка — гораздо ниже, чем крышка стола. На неё ставили тарелки для детей, на случай если кто-то из посетителей приведёт их с собой. На шести столах уже громоздились тарелки с сосисками, булочками и горчицей, а вокруг толпились посетители, которые без устали чавкали и чесали языками.

В центре пустого столика помещался флажок с вышитой надписью: «Здесь угощается король. Ежедневно с 16:00 до 17:00. Колбасный бог, поставщик двора».

— Вот это удобство! — воскликнул Йокус. — В каждом столике по два этажа!

Владелец лавки, который сам их обслуживал, расплылся в улыбке.

— Моё изобретение, — сказал он с гордостью. — Я даже патент получил на «двухэтажные стояче-сидячие столы для взрослых и детей». Приятного аппетита!

И, тяжело ступая, он направился на склад за сосисками, чтобы бросить их в кипящий котёл.

— И эти столики ты считаешь удобными? — спросил Максик профессора. — Ты меня удивляешь.

Тем временем Йокус с королём надкусили по горячей сосиске и застонали от удовольствия. Максик получил от каждого по кусочку и, тоже постанывая, сполз по ножке стола на нижний этаж.

Юдифь и Орам тут так уплетали сосиски, аж за ушами трещало. От наслаждения они закатывали глаза. Максик и у них нашёл чем полакомиться. Он так торопился, что чуть не обжёгся и стал жадно хватать губами воздух.

— Ну, что ты теперь скажешь? — спросил Орам.

Но Максик ничего не сказал. Он снова вскарабкался наверх, где его уже поджидал король с новыми кусочками.

— Ещё две порции горячих сосисок! — крикнул Билеам.

— Ещё две порции горячих сосисок для детского этажа! — не отставала Юдифь.

Хозяин заведения принёс ещё четыре порции. И все с аппетитом принялись есть. А Максик сновал туда-сюда между тарелками и вниз-вверх между этажами. И только после двадцатого круга эта беготня прекратилась.

— Ну что, понравилось? — спросила Юдифь.

— Ты была права, — сказал Максик. — Они просто тают во рту.

По дороге во дворец король Билеам купил пять красных тюльпанов.

— Это для моей любимой жены, — сказал он.

— Чтобы мамочка не ругалась, — деловито пояснил Орам.

Принцесса тихонько хохотнула, а потом сказала с умным видом:

— Два тюльпана — за то, что мы поздно, и два — за то, что сыты. И зачем тогда пятый?

— Чтобы ей было приятно, — объяснил король. — Ну-ка, дети, возьмите мой носовой платок и вытрите рты.

Вплоть до четвёртого тюльпана королева и слышать ни о чём не хотела. Но после пятого сменила гнев на милость. Потому что в бутоне пятого тюльпана обнаружился Максик. Он высунул свою лохматую голову из лепестков и сказал:

— Лучше поздно, чем никогда.

На радостях королева сбросила фартук.

После того как все поздоровались, принц и принцесса подхватили Максика и побежали с ним в детскую, где ещё утром они построили рыцарский замок, железную дорогу

и блокгауз* для трапперов** и индейцев сиу***. Первым делом они запустили игрушечную железную дорогу. Орам передвигал стрелку, Юдифь переключала сигналы на семафоре, а Максик был машинистом — кабина игрушечного поезда оказалась ему в самый раз. (Но не будем мешать им играть. Дети этого не любят.)

Тем временем король, королева и Йокус уселись в библиотеке. Мужчины выпили по стаканчику вина. А королева взяла в руки шляпокорону и сделала пару стежков — чтобы корона лучше держалась на шляпе мужа. Время от времени до них доносились смех и крики детей.

— Дворец у нас не очень большой и, в общем-то, не старый, — сказал король. — Король Дагоберт, мой предшественник, построил его в 1912 году. Правда, вкусы в те времена были ужасные.

— Зато у дворца крепкие стены и потолки не такие низкие, как сейчас делают, — вмешалась королева. — А с тех пор, как мы стали топить мазутом, ушла сырость. Ну всё, готово, — сказала она, перекусывая нитку. — Пришила намертво. Пойду повешу шляпу в гардероб.

Она вышла из комнаты, и мужчины остались одни.

— Это правда, что в Бреганзоне раньше жили художники? — спросил Йокус.

— Поначалу они приезжали сюда в отпуск, — ответил король. — И не только художники, но и писатели, и музыканты. А потом мир начал меняться. Из фабричных труб повалил ядовитый дым, войны становились всё более жестокими, и некуда было деваться от шума.

* Блокгауз — это такое оборонительное сооружение с бойницами, из которого можно стрелять по неприятелю.

** Трапперами называют охотников на пушных зверей в Северной Америке. Особенно активно трапперы действовали в XIX веке.

*** Сиу — группа индейских племён Северной Америки. Это последние дикие индейцы, покорённые в США.

Люди с таким усердием поклонялись золотому тельцу*, словно это был не телёнок, а огромный бык. Тогда-то отпускники и решили остаться здесь навсегда.

— И в итоге из маленького народца художников получился самый настоящий народ, — проговорил Йокус.

— Скорее, мы так и остались народцем, — заметил король. — Большим народом нас никак не назовёшь, да мы на это и не претендуем. Не хотим оказаться в атласе или справочнике. Нам не нужны ни слава, ни богатство.

— Радуйтесь, что Бреганзона такая маленькая, — сказал Йокус. — Иначе вам пришлось бы худо.

— Ваше здоровье, профессор, — произнёс король, поднимая бокал. — Теперь-то вы наконец можете рассказать, почему Роза не приехала.

— Мы купили втайне от Максика дом. Роза сейчас там всё обустроивает. Нельзя же, в самом деле, всю жизнь мотаться по гостиницам.

— Вы совершенно правы, — согласился Билеам. — Своё гнёздышко нужно всем. В конце концов, мы не молодеем.

— Максик в том числе — он же растёт. Наконец-то он сможет нормально учиться. Ну а кроме того, я собираюсь написать «Историю фокусных наук».

— И жениться на Розе Марципан.

— Это проще сказать, чем сделать.

— Неужели она против?

— Дорогой Билеам, вы умеете держать язык за зубами?

— Я не просто могила — я целое кладбище. Так в чём же дело?

* В Ветхом Завете рассказывается, как люди создали себе золотого тельца и стали поклоняться ему вместо Бога, тем самым нарушив заповедь «Не делай себе кумира». Позднее выражение «золотой телец» стало синонимом алчности и наживы.

— Понимаете, мы боимся за Максика, — сказал профессор печально. — Что бы я ни делал, он всё время со мной, и так было всегда — иначе он просто не может! А что, если мы с Розой поженимся? Если у нас дети пойдут? Я же не могу разорваться. И он решит, что я стал его меньше любить. Бедный мой малыш, он будет несчастен, и я вместе с ним.

— Столь несчастными могут быть только очень счастливые люди, — задумчиво проговорил Билеам. — Что же делать тем, кто на самом деле несчастен?

В детской игра была в самом разгаре. Управлять поездом Максику давно надоело. И хотя крепость окружал ров с водой, а мост был поднят, ему всё-таки удалось проникнуть внутрь. Он легко справился со всеми рыцарями, которых увидел во двореке, на крепостных стенах и на галерее. Об оруженосцах и слугах и говорить нечего.

Одержав полную победу, благородный рыцарь Максимилиан Пихельштейнер снял с головы трофейный шлем, протёр свой героический лоб и бесстрашно посмотрел вдаль.

— Я жажду новых подвигов! — прокричал он. — Эй, куда вы все попрыгались?

Принц Орам был тут как тут.

— Волнения на Диком Западе! — крикнул он. — Индейцы осаждают дом.

— Кто же победит, о чужестранец?

— Краснокожие собираются поджечь палисад*. Факелы уже пылают.

— Мы его потушим!

— Но чем? — спросил Орам в нерешительности. — Колодцы опустошены. Водопровод не работает.

— А мы слюнями! — закричал отважный бледнолицый.

— О! — завопил принц. — Прекрасная мысль!

— Не смейте тут плевать! — испугалась принцесса. — Вы, маленькие неряхи!

Максик посмотрел на Орама.

— Кто эта дерзкая индианка? И что она понимает в мужских делах?

— Может, привязать её к спине мустанга** и пустить в прерию?***

* Палисад — забор или частокол из заострённых сверху толстых брёвен.

** Мустангом в Северной и Южной Америке называют одичавшую домашнюю лошадь.

*** Прерия — обширная равнинная территория в Северной Америке.

Но до этого дело не дошло. Неотёсанные мужланы с Дикого Запада мигом забыли о своих зверских планах и как заворожённые устали на руки принцессы. Юдифь шила. К круглой чёрной шляпе она крепко-накрепко пришивала золотую корону.

На самом-то деле корона была маленьким золотым колечком, подаренным принцессе на день рождения. А шляпу, тоже крошечную, Юдифь сняла с игрушечного пастушка из венгерской Пусты*. Лысый и одинокий, он лежал рядом с нитками и иголками принцессы.

— Готово, — сказала Юдифь.

— Точь-в-точь папина выходная корона! — воскликнул Орам.

— Это что, для меня? — осторожно спросил Максик.

— Может быть, — сказала принцесса.

И пока она нахлобучивала на него шляпу с короной, Максик закатывал глаза, пытаясь взглянуть на свою голову.

Брат с сестрой в упоении захлопали в ладоши.

— Сидит как влитая! — ахнула Юдифь.

— Прямо как папочка на почтовой марке! — восхищался Орам.

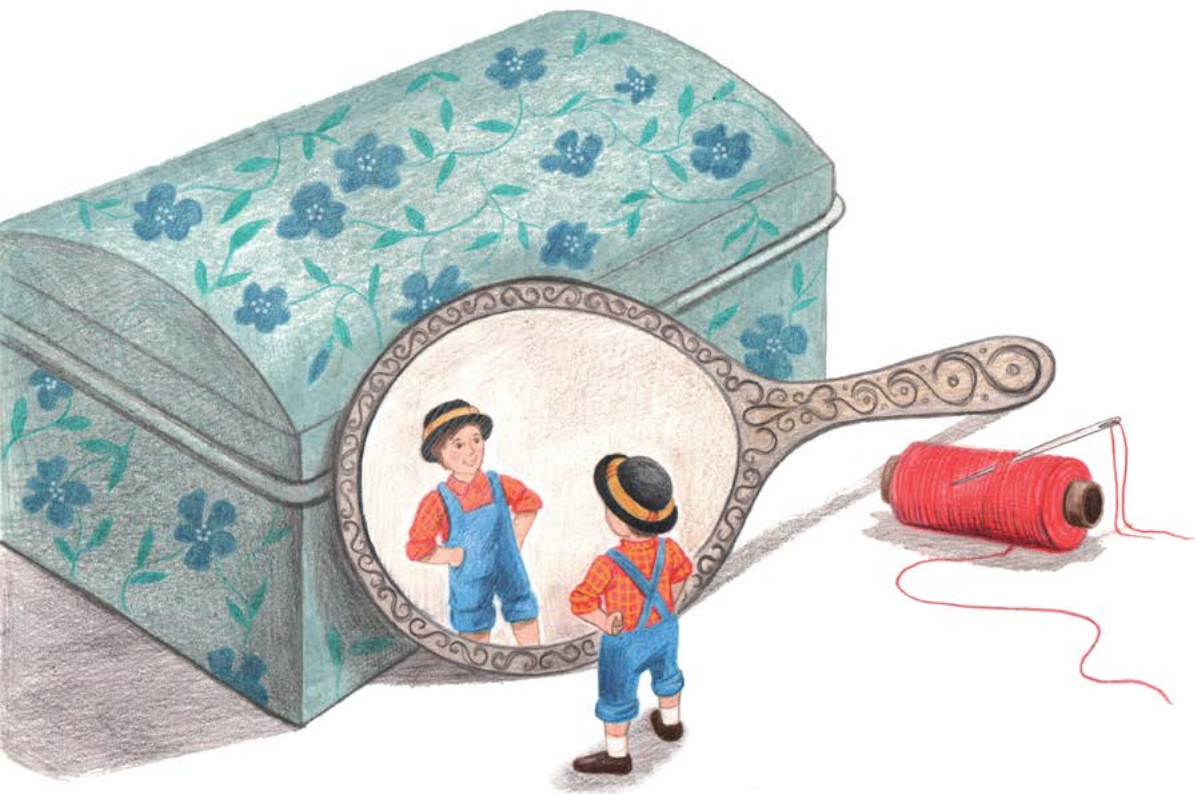
А что же Максик? Он стоял себе рядом со шкатулкой с нитками и иголками и понятия не имел, как он красив. Ведь наша красота видна только окружающим.

— У вас зеркало есть? — спросил он нетерпеливо.

Юдифь взяла ручное зеркальце и прислонила к шкатулке. Наконец-то Максик смог хорошенько себя рассмотреть. Некоторое время он не отрывал взгляда от зеркала и наконец решил, что просто восхитителен. Прошёлся взад-вперёд, кивнул своему отражению, приподнял шляпу в знак приветствия и прокричал:

— Ваше величество, вы просто великолепны! Хотя чему удивляться? Горячие сосиски — лучшее лекарство. Особенно для печени и желчного пузыря. Лучшей диеты просто не придумаешь.

* Пуста — степной регион в Венгрии.

Он был так взбудоражен, что принялся болтать всякий вздор. А принц и принцесса покатывались со смеху.

— Ну и галдёж! — нахмурился Билеам. — Интересно, когда мы были маленькими, то так же шумели? Боюсь, нам придётся вмешаться. Пойдёмте, профессор.

Они вышли из библиотеки, на цыпочках прошли по коридору и остановились у двери детской. Изнутри доносился голос Максика:

— А теперь, дамы и господа, я исполню песню о короле Билеаме. Я её сочинил только что, сидя в красном тюльпане. Можете похлопать. Признание для артиста — что глаза для машиниста. Вы же не хотите оставить меня без глаз.

Йокус усмехнулся. В комнате раздались бурные овации. В этот момент король приоткрыл дверь, конечно, только самую малость. Мужчины посмотрели в щёлочку и от удивления разинули рты. Ведь они увидели Максика в шляпе и короне!

Юдифь и Орам устроились на полу, а Максик стоял у шкатулки с нитками и разглагольствовал:

— Прошу вашего высочайшего внимания. Музыканты передают свои извинения. У них коклюш. Они лежат в больнице у Доктора Паротита. Я тоже переболел. Тем не менее мы начинаем!

Он сделал несколько па, покружился в пируэте, широко раскинул руки и запел:

Король Билеам Симпатичный
Считает корону практичной.
Но её не берёт в кровать,
Ведь там она будет мешать.
Король Билеам без короны
И без головного убора
Под вечер ложится в кровать,
Когда идёт почивать.
Поскольку если король
Ляжет в короне златой,
Да ещё шляпу возьмёт в кровать,
То будет неважно спать.

Он ещё чуть-чуть покрутился, потом снял шляпу и произнёс:

— Вот и всё. Представление окончено. Если вам не понравилось, можете вернуть деньги в кассе.

— Изумительно! — воскликнула Юдифь. — Ты станешь поэтом, как Азнавур*. Ведь он тоже невысокий.

— Спой ещё разочек! — попросил Орам. — А мы будем хлопать и подпевать.

— Мы тоже! — сказал Билеам, заходя в комнату вместе с Йокусом. — Ну, маленький король, запевай! И-и-и...

И они вчетвером хлопали в такт и подпевали, а Максик заливался соловьём. Поначалу зрители то и дело переходили на «ля-ля-ля»,

* Знаменитый автор и исполнитель песен Шарль Азнавур (1924–2018) был маленького роста — 1 м 60 см. Азнавур родился и жил во Франции.

но после третьего раза выучили песню наизусть и, горланя во всё горло, вприпрыжку добежали до гардероба, чтобы повесить Максикову шляпокорону рядом с королевской.

— Эти шляпы — как Давид и Голиаф*, — сказал Орам.

— Ничего подобного, — запротестовал Максик. — Давид и Голиаф не висели на вешалке.

— И они были людьми, а это просто шляпы, — подхватила Юдифь.

— Ну вы и зануды, — надулся Орам.

— Что-то я устал, — вмешался король. — Спать пора. А ну марш в постель!

(На самом-то деле королю не терпелось спеть песенку королеве, но об этом он, конечно, не сказал.)

Две недели в Бреганзоне пролетели как один день. Время от времени король проводил с детьми занятия — рассказывал, как устроено их королевство, и Йокус с Максиком тоже при этом присутствовали. Порой они вместе ездили в город. Максик в своей крохотной шляпокороне устраивался на большой шляпокороне короля. Так они и гуляли — пешком или на самокате, ко всеобщему удовольствию местных жителей. Иногда король начинал валять дурака: делал вид, что хочет домой, а потом спрашивал: «Мы ничего не забыли?» И каждый раз Максик перегибался через поля королевской шляпы и шептал: «Горячие сосиски!» «Бог мой! — пугался король. — Что это у меня с памятью? У вас такое бывает, профессор?»

После чего они заворачивали к Колбасному богу. Гуляние без сосисок — что карман без ирисок.

Когда вечером все собирались в детской, Йокус показывал фокусы. Ведь волшебный фрак всегда был при нём. Или они с Максиком

* В Ветхом Завете описано, как молодой израильский юноша Давид без оружия одолел огромного воина Голиафа. С Давидом и Голиафом часто сравнивают противников, которые разительно отличаются друг от друга силой и ростом.

исполняли свой коронный номер: «Большой вор и Маленький Человек». И так расходились, что начинали хватать всё подряд. Однажды даже умудрились украсть корону Билеама, хотя она была крепко-накрепко пришита к его шляпе. Королева никак не могла взять в толк, как это у них вышло. Если верить местной газете, то в пятницу они украли игольное ушко из иголки принцессы. Впрочем, я бы лично этому не очень поверил, тем более что заведующий отделом печати при королевской канцелярии написал в газету опровержение — дескать, угольное ушко осталось там, где и полагается, то есть в иголке.

Особенно королевскому семейству и прислуге понравился номер «Чревовещатель и его кукла». Йокус делал вид, что он чревовещатель, а Максик сидел у него на коленях, разговаривал с Йокусом, шевелил руками и головой и поводил глазами так, словно он марионетка, а профессор им управляет.

Должен признаться дорогим читателям, что с удовольствием рассказал бы об этом номере подробнее, но многоуважаемый господин чревовещатель возражает. Да и Максик уверен, что номер ещё не готов для широкой публики.

Его показали всего один раз — 14 декабря — и, несмотря на многочисленные просьбы, больше не повторяли. Потому что пришло самое время паковать чемоданы. Иначе бы они опоздали. Вы когда-нибудь пробовали сложить в чемодан волшебный фрак? Нет? То-то. А ведь на это требуется часа полтора, не меньше.

И вот рано утром 15 декабря король с королевой и детьми провожали профессора и Маленького Человека в аэропорт. Все обнимались и обливались слезами. А потом разом закричали: «До скорых встреч!» И самолёт «Дагоберт» взмыл в воздух. Поэтому сейчас начнётся...

Глава 8

МАКСИК СЧИТАЕТ ТУННЕЛИ В ШВЕЙЦАРИИ.
ТАЙНА РАСКРЫВАЕТСЯ. РОЗУ НАДО ПОДКОРМИТЬ.
ВИЛЛА «СВЕТЛЯЧОК». ТЕЛЕПЕРЕДАЧА И ТЕЛЕФОННЫЕ
РАЗГОВОРЫ. ФЭРБАНКС 3712. МИССИС СИМПСОН
ДО ЗАМУЖЕСТВА ЗВАЛИ АННИ ПИХЕЛЬШТЕЙНЕР

Из Кале Йокус с Максиком вошли на борт пассажирского лайнера «Эйр Франс» и отправились в Цюрих. Больше всего среди пассажиров было весёлых французов, которые летели в Швейцарию кататься на лыжах. В Цюрихе шёл снег. В аэропорту профессор и Максик взяли такси.

— Мы останемся здесь? — спросил Максик.

— Нет, мой мальчик, — ответил Йокус.

На центральном вокзале Цюриха они сели в ультрасовременный поезд, состоявший всего из четырёх вагонов первого класса, и сразу же прошли в вагон-ресторан.

— На поезде написано «Цюрих — Милан», — сказал Максик. — Мы едем в Милан?

— Нет, мой дружок, — ответил профессор.

Он заказал себе виски, а мальчику — «Том Коллинз» (конечно, без водки*).

— Пожалуйста, — сказала официантка. Но, посмотрев на Максика, добавила: — К сожалению, у нас нет напёрстков.

* Обычно в коктейль «Том Коллинз» добавляют алкоголь.

— Можете принести в обычном стакане, — разрешил Йокус. — Но с соломинкой — малыш любит сидеть на бортике стакана и вытягивать коктейль из соломинки. Только очень вас прошу, не наливайте слишком много, не то он промочит ноги.

— Пожалуйста, — снова сказала официантка.

За окном было белым-бело. Сперва поезд шёл вдоль Цюрихского озера. Потихоньку набрал скорость, и вот уже Цюрих остался позади, а за ним и Фирвальдштетское озеро. Горы подступали всё ближе. Дорога пошла вверх, и они теперь то и дело въезжали в туннели, где горели фонари.

Дочитав газету, Йокус углубился в книгу под названием «Полезные советы будущим чревоушителям». А Максик сидел на бортике стакана и, крепко держась за соломинку, попивал свой «Том Коллинз». Он считал туннели.

— Ты всё ещё не можешь открыть свой секрет? — спросил он Йокуса.

- Нет, мой мальчик.
- Фу-ты! И ещё старший друг называется! Двадцать шесть...
- Что — двадцать шесть?
- Двадцать шесть туннелей... Нет, уже двадцать семь.

Снег повалил крупными хлопьями. Из окна были видны ледники и замёрзшие водопады. Поезд забирался всё выше, проехал станцию Гёшенен и вновь погрузился в темноту.

— Проезжаем Сен-Готардский туннель, — сказал профессор. — Это займёт минут десять, не меньше. Когда выедем в Айроло с другой стороны, будет светить солнце.

- Ты уверен?
- Нет.

Тем не менее Йокус оказался прав. Когда спустя десять минут они вынырнули из туннеля, то поневоле прищурились от яркого света. Небо было ослепительно голубым. Пассажиры блаженно заулыбались. Поезд тоже взбодрился, потому что дорога наконец-то пошла вниз, под гору. Всё ниже и ниже. И всё быстрее. Мимо проносились разноцветные домики. На балкончиках колыхалось сохнувшее на солнце белье. Названия станций теперь звучали по-итальянски. Всё преобразилось. Но туннели по-прежнему шли один за другим.

— Сорок три... — пробормотал Максик. — Если считать от Цюриха... Нет, сорок четыре, — поправился он, потому что в этот момент они вновь с грохотом влетели в туннель.

— Смотри не ошибись, — заметил Йокус, посмеиваясь. — Не то нам придётся вернуться в Цюрих и проделать весь путь ещё раз.

- А ты меня не смейся, — сказал Максик. — А то я точно ошибусь. В этот момент снова стало темно.

— Сорок пять, — сообщил Максик, когда они выехали из туннеля.

Теперь поезд мчался по равнине. Справа и слева виднелись живые изгороди с красными ягодами. Кое-где попадались пальмы и кипарисы. На одной крупной грузовой станции висела табличка с надписью «Беллинцона». А ещё через некоторое время в вагон вошёл проводник.

— Следующая станция — Лугано, — объявил он как можно громче. — Стоянка — одна минута!

Профессор посадил Маленького Человека в нагрудный карман и встал.

— Это и есть твой секрет? — спросил Максик разочарованно. — Ты ведь не сказал, что мы едем в Лугано. Ну и что в этом такого?

Йокус хотел было ответить, но тут опять начались туннели, и Максик занялся подсчётами.

Когда поезд остановился, снаружи раздались крики:

— Лугано! Просьба поторопиться с высадкой!

И Йокус с Максиком поскорей вышли. Дальше всё произошло очень быстро. Едва Йокус ступил на перрон, как широко раскрыл руки, а едва он широко раскрыл руки, как ему на шею бросилась очаровательная молодая блондинка.

— Осторожно! — предупредил Йокус. — Не раздави Максика!

Но малыш только смеялся.

— Ерунда, — сообщил он. — Вы мне не мешаете. Роза достаточно мягкая.

Они дошли до стоянки и сели в машину: Йокус с Максиком — на пассажирское сиденье, а Роза — на место водителя.

— Ты что, взяла её напрокат? — удивился Максик.

— Нет, машина наша, — сказал Йокус. — Каждому полагается одна треть. Ты какую часть хочешь?

Но Максик молчал. Что же это получается? Сначала они прилетели в Цюрих. А зачем? Чтобы поехать в Лугано. Почему именно в Лугано? Потому что здесь их ждала Роза. И зачем она их ждала? Чтобы посадить в машину, треть которой полагается Максику. Ну а дальше что? Дальше они едут по красивому городу Лугано, пересекают красивую площадь, на которой стоит огромная рождественская ёлка, сворачивают к красивому озеру, у которого столько красивых гостиниц. Интересно, в какой из них они остановятся?

Но они так нигде и не остановились. А вместо этого проехали через город и стали подниматься вверх по одному из холмов, обрамлявших озеро. Справа и слева виднелись виллы с садами. Позади осталась каштановая роща. Потом пошли деревеньки с церквями, кладбищами, школами, кооперативными магазинчиками, забегаловками и заправками. Дорога становилась всё уже. Асфальт закончился. Машина подпрыгивала на кочках как мячик. И вдруг — совершенно неожиданно — свернула на маленькую дорожку и остановилась у белой стены. Рядом с воротами красовалась табличка, на которой Максик прочёл: «Вилла малых забот».

Роза Марципан открыла ворота, снова села в машину, въехала внутрь по хрустящему гравию, потом вышла и, улыбаясь, сказала:

— Добро пожаловать! Вот мы и дома.

Ах вот оно что! Вот почему Роза навещала свою старую тётушку, хотя никакой тётушки у неё нет. Теперь понятно, почему они с Йокусом обманывали Максика, — они хотели ему сделать сюрприз, и, надо сказать, им это удалось.

Максик долго рассматривал красивый дом цвета охры с зелёными ставнями.

— С ума сойти, — проговорил он наконец.

А когда они прошли по лужайке между деревьями и клумбами и оказались на террасе, с которой открывался вид далеко вниз на Луганское озеро, а на другом берегу виднелись горы Монте-Бре и Сан-Сальваторе с канатной дорогой, Максик капельку помолчал, а потом добавил:

— Просто обалдеть!

Это была высшая похвала, на которую он был способен и к которой прибегал только в исключительных случаях.

«Вилла малых забот» была не слишком маленькой и не слишком большой. В ней нашлось место и для дрессированных голубок Эммы и Минны, и для белой крольчихи Альбы, и даже для красавца Вольдемара. Помимо спален и гардеробных, в доме имелась гостиная с большими окнами и кухня, где можно было не только приготовить еду, но и поесть с полным комфортом.

А они как раз проголодались и усадились за стол. В кухне было уютно. Эмма и Минна клевали зёрнышки, Альба щипала салатные листья, а хозяйева поглощали венский шницель с золотистой жареной картошкой. Максик устроился за маленьким столиком на большом столе, и, пока он обедал, Йокус с Розой рассказывали ему все подробности (ну или почти все).

Как Йокус тайком купил виллу, и как Роза, пока они гостили в Бреганзоне, обставляла пустой дом красивой старинной мебелью и при этом похудела на три фунта* и семьдесят граммов. Другими словами, на тысячу пятьсот семьдесят граммов, и ни за какие коврижки не согласилась бы худеть дальше.

— Другие женщины не могут нарадоваться, если похудеют, — изрёк Йокус и подмигнул Максику.

— Я вам не другая женщина, — заметила Роза.

— Мне кажется, Роза права, — сказал Максик и тоже подмигнул Йокусу. — Она ведь знает, что тебе нравятся полненькие. Может, нам её подкормить?

— Отличная мысль, — согласился профессор.

— А чем? — не унимался Максик. — Может, комбикормом?

* 1 немецкий фунт равен 500 граммам.

— Не уверен, — сказал Йокус. — К тому же это слишком дорого. Будем кормить её пять раз в день спагетти и макаронами. В Швейцарии они стоят копейки.

— Лучше шесть раз в день, — предложил Максик. — И чтобы побольше масла, томатной пасты и мясного соуса. Пока снова не располстеет.

— А что, если она нам разонравится? — спросил Йокус. — Если станет слишком толстой.

Но Максик за словом в карман не лез.

— А мы сделаем ей татуировки и будем показывать на ярмарке как сбегавшую из гарема вдову, — выпалил он. — За деньги, конечно.

— Детям и военным — билет вполцены, — подхватил Йокус. — Ты будешь зазывалой.

— О, это пожалуйста! — воскликнул Максик, потирая руки. — Почтеннейшая публика, подходите! Подходите ближе! Сегодня вы увидите нечто невероятное! Марципан в татуировках! Только что из Аравии. Любимая вдова эмира Омара.

— Дамы и господа, не проходите мимо! — вторил ему Йокус. — Её зовут принцесса Корпулента*. Она умеет гадать по руке (конечно, в том случае, если руки у вас чистые). Второй номер программы — танец живота с семьёй вуалями. А ещё она тягает штангу. Кормить не разрешается!

— Вот здорово! — веселился Максик. — Так всё и сделаем. А на вырученные деньги купим макаронную фабрику.

Тем временем красавица Роза Марципан переводила ошарашенный взгляд с Йокуса на Максика и обратно.

— Нет, ну вы просто отпетые негодяи, — наконец сказала она. — И зачем только я удрала из Аравии?! Конечно, там я ничего хорошего

* Слово «корпулентный» происходит от латинского «corpulentus» — дородный, тучный, полный.

не видела, кроме студёной воды да десяти ударов палкой по пяткам. И всё-таки вы ещё хуже, чем мой дорогой эмир Омар по прозвищу Ужасный.

Тут все не выдержали и расхохотались. Минна с Эммой в том числе, ведь они были из породы хохотуний. Серьёзной оставалась только белая крольчиха — если кролики и смеются, то только во сне.

После еды Роза вымыла всю посуду, а Йокус её насухо вытер. Максик надел подаренную Юдифью шляпокорону и спел песенку о короле Билеаме.

Когда стемнело, они вышли из дома и прошли через сад до террасы, чтобы полюбоваться вечерними огнями. Лугано лежал глубоко внизу и весь сверкал и переливался, как ювелирная лавка. По чёрному озеру шёл ярко освещённый теплоход. А чуть поодаль, на Монте-Бре, светились виллы, гостиницы и деревеньки, и эта небольшая гора с заострённой верхушкой напоминала рождественскую ёлку.

Всё же сказочное небо у них над головой, на котором, как и миллионы лет тому назад, мерцали золотые, зелёные, голубые и белые звёзды, многократно превосходило весь этот электрический рай, как бы прекрасен он ни был.

— Я, конечно, совсем не любопытный, — проговорил Максик, устраиваясь поудобней в старой спичечной коробке. — Но куда подевалась моя квартира?

Профессор Йокус фон Покус блаженно растянулся в своей новой просторной французской кровати и как бы мимоходом спросил:

— Что ещё за квартира?

— Обычная двухкомнатная квартира, — ответил Максик. — Ума не приложу, куда Роза её дела. Она ведь провела нас по всем комнатам, но квартиры нигде не было — я же не слепой.

— Уж что-что, а видишь ты отлично, — сказал Йокус. — Может, Роза просто забыла её взять?

— Не делай из меня идиота, — нахмурился Максик. — Вы с Розой скорее забудете, как вас зовут, но не мою квартиру. Знаю я вас. Наверняка вы от меня опять что-то скрываете.

— Это тоже не исключено, — согласился Йокус. — К Рождеству всё должно проясниться. Но поскольку ты терпеть не можешь секреты, я прямо сейчас всё расскажу. Значит так, мы тебе готовим сюрприз...

— Замолчи сейчас же! — вскрикнул Максик. — Я уже передумал. Прости меня, я маленький дурачок.

— Нет уж, ты порядочный дурень. А теперь давай гасить свет. Господин фокусник устал.

— Господин дурачок тоже, — пробормотал Максик и потушил ночник.

После обеда 24 декабря в ворота «Виллы малых забот» въехала машина с большим кузовом. Из неё вылезли трое мужчин. Они выгрузили множество больших и маленьких ящиков и принялись что-то мастерить на лужайке между террасой и домом. Но что именно они там делали, было не видно.

К тому же как раз в это время Максик украшал в гостиной двухметровую ёлку. Легко, словно пташка, он перепархивал с ветки на ветку, укреплял свечи, вешал стеклянные шары, сахарные пряники и волосы ангела*. А рядом эдаким генералом возвышался Йокус и давал указания:

— Синий шар немножко правее... Третья свеча на четвёртой ветке снизу слегка наклонилась... Шоколадный пряник чуть ближе к центру... Ещё немножко... Так слишком сильно...

В гостиную заглянула Роза.

— Мне бы ваши заботы! — провозгласила она и хотела было вернуться на кухню, но тут послышался голос Максика:

* «Волосами ангела» раньше называли мелко закрученную блестящую мишуру для украшения ёлки.

— Ты не могла бы остаться? У нас на тебя виды.

— Какие ещё виды?

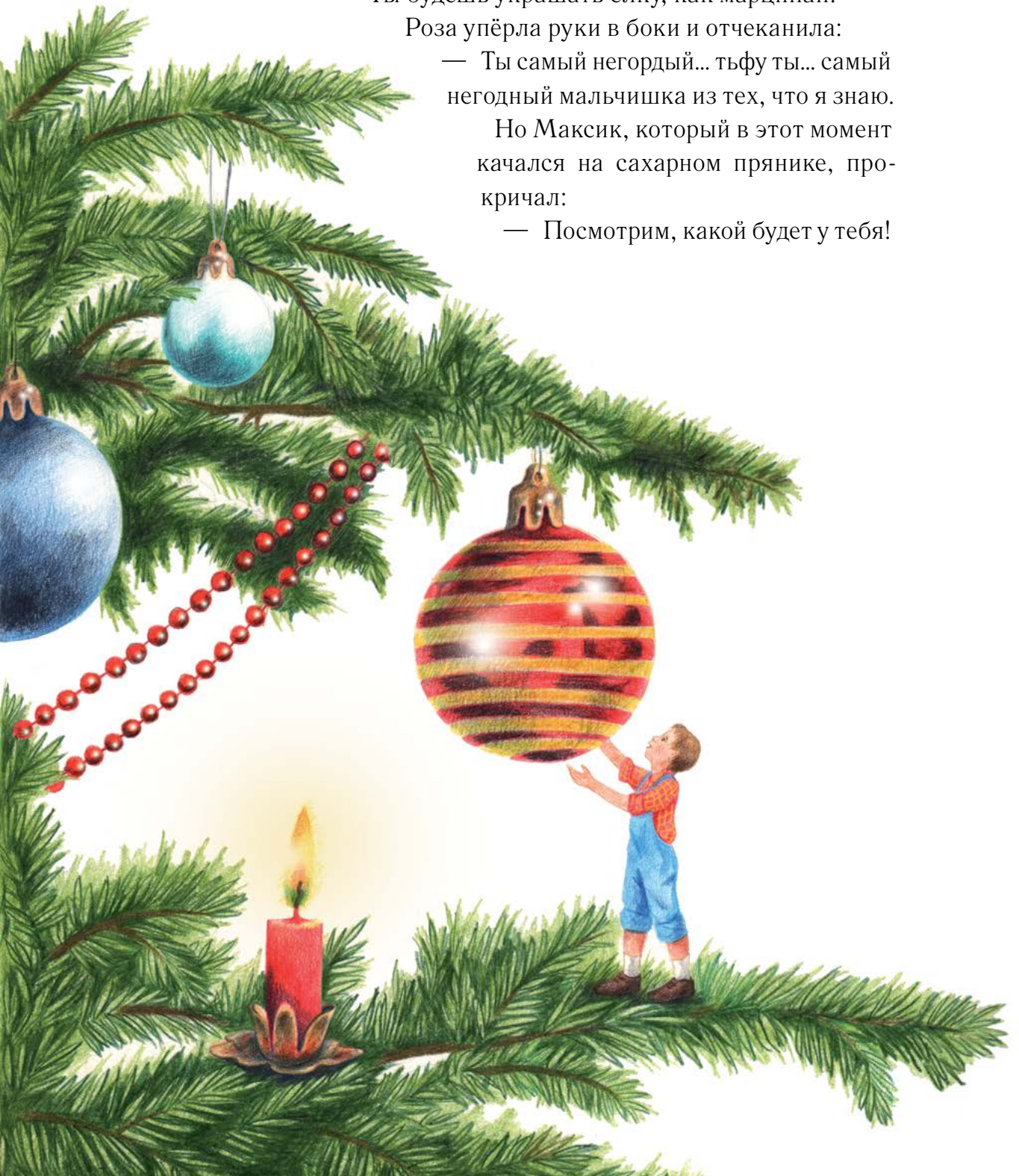
— Ты будешь украшать ёлку, как марципан!

Роза упёрла руки в боки и отчеканила:

— Ты самый негордый... тьфу ты... самый негодный мальчишка из тех, что я знаю.

Но Максик, который в этот момент качался на сахарном прянике, прокричал:

— Посмотрим, какой будет у тебя!

Тут уж Розе пришлось ретироваться.

— У меня там гусь подгорает, — пробормотала она и скрылась на кухне.

Когда за окном совсем стемнело, они зажгли свечи на ёлке, запустили огненные фонтанчики бенгальских огней, спели «Тихую ночь» и поцеловались. А поскольку каждый поцеловал каждого, всего получилось шесть поцелуев.

— На этом подарки закончились, — заявил Йокус. — Всё-таки мы подарили друг другу виллу, а этого предостаточно.

— Ну вы и обманщики, — невозмутимо сообщил Максик. — А где моя квартира? И чем занимались все эти люди в саду?

— Ладно уж, — уступил Йокус. — Конечно, сейчас не время искать в саду пасхальные яйца*, но мы можем попробовать.

Он засунул Маленького Человека в нагрудный карман, Розахватила с собой два раскладных стула, и они вышли на улицу.

Сначала путь им освещали два фонаря на крыше дома. Потом они погасли, и наступила полная темнота. Как вдруг на лужайке засветились и замигали, переливаясь, маленькие огоньки, как будто к их ногам слетелась тысяча светлячков. Хотя на самом-то деле это были никакие не светлячки, а маленький домик, высотой не больше двадцати сантиметров, и в каждом окошке горел огонёк.

Двухкомнатная квартира Максика с ванной и кухней заняла весь второй этаж. На первом поместились кабинет, игровая и гимнастический зал с душевой. Конечно, лестница там тоже была. Она вела на чердак, где под самым скатом крыши светились ещё три окошка.

Роза и Йокус, улыбаясь, молча уселись на раскладных стульях. И знаете, что сказал Максик? Ни-че-го! Бывают же такие дети. Чем

* В Германии на Пасху пасхальный заяц прячет в саду разноцветные яйца и сладости, а дети их ищут.

больше они радуются, тем меньше говорят. У меня было в точности так же, когда я был маленьким. Некоторые взрослые этого не понимают. Обидно, конечно, но с этим ничего не поделаешь.

По счастью, девушка Марципан и профессор не относились к таким непонимающим взрослым. Они умели ждать. Вот и сейчас они тихонько сидели и ждали. И не проронили ни звука, даже когда Максик спустился с Йокуса, медленно приблизился к дому и заглянул в окошко. И смотрел и не мог насмотреться.

Наконец Йокус откашлялся и спросил:

— Хочешь взять ключ и войти?

Но Маленький Человек покачал головой.

— Ключ такой крошечный, — сказала Роза. — Мы могли его потерять.

Максик снова покачал головой и вдруг бросился к Йокусу и Розе, вскарабкался на профессора, забрался к нему в нагрудный карман и произнёс одно-единственное слово: «Завтра».

25 декабря, в первый день рождественских праздников, Максик, как всегда, был в прекрасном хулиганистом расположении духа. В честь чудесной солнечной погоды Йокус взял верблюжье одеяло и устроился рядом с лилипутским домиком на лужайке. Максик же проводил ревизию в своём собственном особняке — осматривал каждое помещение от подвала до чердака. И то и дело распахивал какое-то окошко и кричал: «Здесь турник из Пихельштейна!» Или: «Нашёл свои книжки!» Или: «А телефон настоящий?»

— Конечно, мой мальчик, — ответил профессор. — И если наберёшь «01», то ответит одна небезызвестная тебе особа.

Максик тотчас плюхнулся в кресло и набрал «01». (Кстати, наверняка вы в жизни не видели такого крошечного телефона.)

— Кто говорит? — спросил он. — Ах, мадемуазель Роза! А это Макс Пихельштейнер из своего собственного дома. Разрешите сердечно вас поприве... Не можете говорить?... Поторопиться?... А куда?... Срочно к столу?... Что-о-о?

Он повесил трубку и в ужасе уставился на профессора.

— Знаешь, что она спросила?

— Нет, мой мальчик.

— Как мы могли забыть, что сегодня в 15:15 по телевизору покажут одну презанятную передачу...

Йокус взглянул на часы и вскочил.

— Надо же, как время летит, когда нечем заняться! Давай, закрывай окно! И дверь тоже!

Пока они бежали через лужайку, Максик сочинил ещё одну песенку:

Поскорее за стол рвусь —
Нас ждёт жареный гусь.
Он у нас на обед,
А телевизор пойдёт на десерт.
Там двух артистов покажут
И этим нас очень уважают.
И как мы смогли туда влезть?
Ведь это мы сами и есть!

В этот самый день миллионы детей и их родителей прильнули к голубым экранам и целых полчаса с замиранием сердца следили за историей Маленького Человека. Сперва им показали деревню Пихельштейн, потом цирк, потом профессора фокусных наук, белую крольчиху и обеих голубок, потом сестёр Марципан — как они прыгают на батуте, но самое главное, что зрители своими глазами увидели мальчика, в котором было не больше пяти сантиметров, и он спал в спичечной коробке. Они узнали, как Йокус учил его читать и писать, как они купили манекен из витрины магазина мужской одежды и как Максик овладел искусством альпинизма, тренируясь на красавце Вольдемаре, который стоял прямо в гостиничном номере. В конце прозвучала песенка о Невидимке Верхолазе. А потом дикторша объявила, что продолжение покажут через две недели, в воскресенье.

Дети были в полном восторге. Весь остаток дня они только и говорили что о Маленьком Человеке. Взрослым тоже ничего больше

в голову не лезло. В конце концов они решили, что, поскольку ни разу не видели Максика живьём, вероятно, его вообще не существует.

В то же самое время герои передачи в глубокой задумчивости сидели в гостиной своей уединённой виллы.

— Кажется, неплохо получилось, — сказал Йокус. — Впрочем, мне трудно судить.

— Соскок двойным сальто у меня вышел ужасно, — сокрушалась Роза. — Я там такая корова.

Тут зазвонил телефон. На проводе был Эрих Шустрик из Берлина. Он первым успел их поздравить. Эрих поклялся своим ранцем, что ни он, ни его родители, ни все их родственники и соседи с Петушиной улицы никогда не видели ничего более захватывающего.

— Вы так далеко! — кричал Эрих. — Звонить очень дорого. Я отключаюсь.

И отключился.

— Жаль, — вздохнул Максик. — Я как раз собирался рассказать ему о своём домике. А знаете, как я его назову? Вилла «Светлячок». Нравится?

Но прежде чем Роза и Йокус успели ответить, снова зазвонил телефон. На этот раз на другом конце провода был бургомистр из заснеженной деревни Пихельштейн. Он уверял, что все Пихельштейнеры счастливы, потому что благодаря фильму их деревня прославилась, и теперь у них не будет отбоя от иностранных туристов.

Следующий звонок поступил из Бреганзоны. Король Билеам звонил их поздравить от имени всех обитателей дворца. Назвал передачу сногшибательной и передал трубку детям. Наконец-то Максик смог рассказать о вилле «Светлячок». Уж кто-кто, а Юдифь и Орам его поняли, ведь это они подарили ему двухкомнатную квартиру, занимавшую весь второй этаж дома.

Но и на этом звонки не закончились. И следующим позвонил сам Минеральвотер.

— Гансик! — заорал Йокус. — Я думал, ты спишь!

— Меня разбудили. Всё отлично. Я вами доволен. Надеюсь, вы мной тоже. А теперь — спокойной ночи!

— Где ты сейчас? — спросил Йокус.

Но в трубке послышался совершенно незнакомый голос:

— Говорит радист яхты «Слипвелл». Мистер Минеральвотер снова уснул. Мы стоим на якоре в Александрии. Эти полчаса были небываемы. Передавайте привет Маленькому Человеку. Конец связи.

Последним в тот знаменательный день позвонил директор цирка «Стильке» Грозоветтер. Он совсем ошалел от радости.

— Если бы я только мог прижать вас к груди! — вопил он в трубку. — Счастью моему не было бы предела! Это было потрясающе! Великолепно!..

Максик перебежал от слухового конца трубки к микрофону.

— Директор Громовержец, а какие на вас сейчас перчатки? — спросил он.

— Золотые! — крикнул директор. — На мне сейчас золотые перчатки, моё золото! Жена мне их положила под ёлку. Она как предчувствовала!

На следующий день — а это был второй день рождественских ка-никул — рано утром снова раздался звонок. И кто же звонил на этот раз? Опять Грозоветтер!

— Профессор, вы там один? — спросил он. — Или с вами Максик?

— Нет, он принимает душ в собственном доме. А в чём дело?

— Я только что получил телеграмму с Аляски, крайне странного содержания.

— Точно с Аляски? Может, это из кафе «Северный полюс» на соседней улице?

— Возможно. Вот что там написано: «Пожалуйста, передайте профессору Йокусу, чтобы он срочно позвонил в Фэрбанкс 3712, это дело

жизненной важности. Большое спасибо. Джейн Симпсон, урождённая Анни Пихельштейнер». Записали?

— Фэрбанкс 3712. Джейн Симпсон.

— Урождённая Пихельштейнер! Да ещё и Анни! И где? На Аляске! Хотя там только золотоискатели, эскимосы да собачьи упряжки. Моя жена полагает...

— Вполне может быть, что ваша жена и права, — прервал его Йокус.

Он торопливо повесил трубку и стал звонить на телефонную станцию, чтобы заказать звонок в Фэрбанкс 3712.

— Фэрбанкс 3712, — повторила девушка со станции. — Пожалуйста. Только там, наверное, сейчас ночь или предыдущий день.

— Мне надо срочно!

— Хорошо, господин профессор. Кстати, спасибо за передачу. Это было чудесно!

После завтрака Йокус пожаловался на головную боль, лёг на диван и заявил, что ему нужен полный покой. Пусть Роза с Максиком немного прогуляются. Что ж, они не возражали. Правда, сначала Роза заставила Йокуса выпить две таблетки от головной боли, хотя они ему вовсе не требовались, поскольку голова у него ничуть не болела.

Как только Роза и Максик ушли, Йокус сел рядом с телефоном и принялся ждать. Он и сам не очень понимал, почему решил не рассказывать им о Фэрбанксе.

Тем временем Роза и Максик добрались до горной деревеньки под названием Карона. Поглазели на старого и молодого ослов и на блеющего козлика, которые любят стоять здесь на стене старенького здания и позировать туристам. После чего путники покатали вниз, к Моркоте, а оттуда — вдоль озера, в городок Мелиде.

Там они с превеликим удовольствием прогулялись по парку «Швейцария в миниатюре», сделанному специально для детей. Чего в нём

только нет! Маленькие горы и замки, города и железные дороги, озёра и улицы, пароходы и автобусы... За какие-то четверть часа можно не торопясь обойти всю Швейцарию. Максик за всей этой красотой наблюдал из Розиноного кармана пальто. А когда они сели в машину, мечтательно произнёс:

— Чудесное местечко! Как раз мне по размеру.

В Лугано они завернули в ресторанчик при театре «Курзал», где обходительный официант подал им горячий шоколад

с кусочком свежайшего ананасного торта. Увидев Максика, официант просиял:

— Надо же, какое совпадение! За этим самым столиком каждый вечер сидел доктор Кестнер и работал над своей книгой о Маленьком Человеке.

— На каком именно стуле? — поинтересовался Максик.

— Как раз на том, где сейчас сидит девушка Марципан.

— Откуда вы знаете моё имя? — удивилась Роза.

Максик подмигнул официанту, а тот подмигнул ему, потом поклонился и пошёл приветствовать новых гостей.

— Не понимаю, чего тут подмигивать, — сказала Роза. — И всё-таки откуда он узнал, как меня зовут?

— Из книги о Маленьком Человеке, откуда же ещё?

Тут Роза так расхохоталась, что на них стали оборачиваться.

— Ах, ну конечно же! — смеялась она. — А теперь давай-ка заглянем в казино. Дуракам везёт.

И действительно: за десять минут они выиграли тридцать франков.

Когда Роза и Максик вернулись домой, Роза хотела дать профессору ещё две таблетки, но тот отказался.

— Честно говоря, голова у меня не болела, — сказал Йокус. — Просто надо было выкурить вас из дома.

— Ну и женишок у меня! — воскликнула Роза.

— Неисправимый врунишка! — крикнул Максик.

— Отпетый! — поддакнула Роза.

— Ну вы и спелись! — заметил Йокус. — Прямо два сапога пара.

— И как ты это себе представляешь? — усмехнулась Роза. — Максик в моём сапоге просто утонет, а мне его сапог и на мизинец не налезет.

— Всё, хватит! — потребовал Йокус. — Я только что разговаривал по телефону с Аляской! С миссис Джейн Симпсон. Это был разговор жизненной важности — так она написала господину Грозоветтеру

в телеграмме, которую он получил рано утром и тотчас позвонил мне. «Жизненной важности», ни больше ни меньше! До замужества её звали Анни Пихельштейнер. Я, конечно, немедленно заказываю звонок в Аляску, имитирую головную боль, глотаю две отвратительные таблетки и умоляю вас пойти прогуляться.

Роза слушала этот монолог сидя на диване, а Максик — на спинке дивана, и оба не проронили ни звука. А Йокус продолжал:

— Около часу назад разговор состоялся. Мы долго беседовали с миссис Симпсон, и она обещала мне немедленно начать собираться. Завтра же переведу ей деньги на дорогу. Надеюсь, что Новый год мы будем встречать вместе с обеими.

— С обеими? — переспросила Роза. — Кого это ты имеешь в виду?

— У миссис Симпсон есть дочка Эмили, ей девять лет. Если она не будет возражать, то мы сможем называть её Эмилией или даже мисс Эмиль. Впрочем, с Эмилем я, наверное, погорячился.

Максик по-прежнему не шевелился.

— После того как миссис Симпсон посмотрела передачу, она заплакала целый вечер, — продолжил профессор. — По-видимому, эта маленькая женщина очень несчастна.

— Насколько маленькая? — прошептал Максик.

— Её рост — пятьдесят сантиметров.

— И насколько несчастна? — спросила Роза.

— Ей не нравилось жить в Пихельштейне. С этого всё началось. И вот десять лет тому назад под покровом ночи она решила бежать. Ей хотелось иметь высокого мужа и высоких детей. Раза в три больше, чем она сама. Чтобы все их спрашивали: «А что это за крошечная женщина сидит у вас на руке?» А они бы отвечали: «Так это же наша мамочка!» Таково было самое заветное желание Анни Пихельштейнер. Она зайцем добралась на пароходе в Канаду. Матроса, который её прятал, поймали и уволили с корабля. Звали его Симпсон, и, поскольку он был парнем высоким, они с Анни поженились. Сначала он устроился укладчиком на консервный завод, а потом его пригласили на ферму

в Аляску, где разводят пушных зверей. Там у миссис Симпсон родилась дочка. А на следующий день мистер Симпсон исчез, и больше его никто не видел.

— Не понимаю! — воскликнула Роза. — Он что, так расстроился, что родилась девочка, а не мальчик? Но ведь и девочки могут быть очень славными. Вот я, например...

Но она не договорила, потому что Максик не выдержал.

— Дорогой, любимый Йокус, — начал он. — Скажи же, наконец, какого роста её дочка! Я больше не могу ждать!

— А ты разве не понял? — спросил Йокус и улыбнулся.

— Неужели она...?

— ...точно такого же роста, как ты.

Чего только не рассказывают об этом знаменательном вечере! Но я, пожалуй, промолчу. По-моему, бывают такие моменты, когда писатель должен на цыпочках выйти из комнаты и оставить своих героев одних. Он аккуратно прикроет за собой дверь, некоторое время ещё будет прислушиваться к их голосам, а потом минует виллу «Светлячок» и выйдет на террасу, чтобы насладиться видом на вечерний Лугано, который весь переливается и сияет огнями.

«Значит, мисс Эмили такая же крошечная, как и Максик», — станет размышлять сам с собою писатель. Но тут его мысли примут тревожный оборот: «А что, если она уступит ему умом и красотой? Да и как её всё-таки звать: Эмили или Эмилия? Что-то мне ни то ни другое не нравится. Максик и Эмили? Не звучит. Максик и Эмилия? Тоже...» И вдруг как закричит: «Придумал! Максик и Мильхен»!

И с этого места начнётся...

Глава 9-я и последняя

ДРУЖБА С ПЕРВОГО ВЗГЛЯДА. МИЛЬХЕН ЖАРИТ ЧЕПУХУ
НА ПОСТНОМ МАСЛЕ. МИССИС СИМПСОН СОБИРАЕТСЯ
УЕХАТЬ И ОСТАЁТСЯ. ПУГОВИЦЫ НА МУЖСКУЮ СТОРОНУ.

ВЕЧЕРИНКА ПЕРЕД СВАДЬБОЙ И ПЕПЕЛЬНАЯ СРЕДА.

МАКСИК И МИЛЬХЕН НЕ ПРИЗНАЮТСЯ,
НАД ЧЕМ ОНИ СМЕЯЛИСЬ

Когда прилетевшая из Фэрбанкса миссис Джейн Симпсон сошла с самолёта в цюрихском аэропорту Клотен и протянула пограничнику паспорт, никто не удивился, что в этой женщине всего пятьдесят сантиметров. В международных аэропортах видали и не такое.

Даже если здесь появится человек с двумя головами, а то и вовсе без головы, никто и ухом не поведёт. Лишь бы в его паспорте значилось: «Особые приметы: двухголовый» или «без головы», — и тогда всё в полном порядке.

Итак, никому и дела не было до малюсенькой дамы в пальто из шкуры тюленя. И никто не заметил, как эта самая дама что-то боязливо передала из рук в руки Йокусу, а он это ЧТО-ТО бережно положил в нагрудный карман. И только после этого все как следует поздоровались. У миссис Симпсон в глазах блестели слёзы благодарности. Роза как могла старалась её приободрить, а профессор пошёл ловить такси.

Теперь в его нагрудном кармане помещалось уже двое малышей: мальчик и девочка. «Надеюсь, им там достаточно места, — думал

профессор. — Нужно будет обсудить это с моим портным». Он вытянул шею, опустил глаза и попытался заглянуть в собственный карман. И увидел растрёпанную макушку Максика, а рядом — крошечный хвостик с красной ленточкой. Это и была Эмили Симпсон.

Мальчик и девочка молча, с удивлением глядели друг на друга и вдруг заулыбались. А немного погодя Максик почувствовал в своей руке чью-то руку и крепко её пожал.

Это была дружба с первого взгляда, и удивляться тут нечему. Ведь такое счастье выпадает не каждый день, а только раз в жизни, если вообще выпадает. Большинство людей так и остаются ни с чем или в лучшем случае получают утешительный приз. Но не будем никому завидовать. Зависть портит цвет лица.

В поезде до Лугано оба ещё очень смущались. Хотя вообще-то Максик собирался считать вместе туннели. Но сейчас он не мог и звука проронить. У него было такое чувство, будто кто-то залепил ему пластырем рот.

И только когда они уже минут десять ехали по длиннющему Сен-Готардскому туннелю, он набрался храбрости и шепнул девочке на ушко:

— Я буду называть тебя Мильхен.

Она тихонько рассмеялась и шепнула:

— Максик и Мильхен — звучит очень мило!

— А Мильхен и Максик — ещё лучше, — сказал Максик. — К тому же так более вежливо.

Мильхен снова захихикала.

— Ты настоящий джентльмен!

В этот момент поезд вынырнул из туннеля навстречу южному солнцу. Мильхен и Максик зажмурились и улыбнулись.

— Надо же, как бывает хорошо, — задумчиво произнесла Мильхен. Она совсем не привыкла чувствовать себя счастливой.

На следующий день встречали Новый год. А потом наступил первый день Нового года, и это тоже нужно было отпраздновать. И последующие дни были одним сплошным праздником, тем более что они пришлись на субботу и воскресенье. Конечно, нельзя сказать, что дети только и делали, что кувыркались да скакали вокруг ёлки, особенно если учесть, что у девочки частенько кружилась голова. А после того как Максик посадил её на голубку Эмму и они втроём сделали парочку кругов по комнате, Мильхен пришлось четверть часа отлёживаться.

— Жаль, — сказал Максик. — Артистки из тебя не получится.

— Кто-то же должен быть зрителем, — заметила Мильхен.

Я лично уверен, что это самый лучший ответ, который она могла ему дать.

Впрочем, когда Мильхен что-нибудь готовила на вилле «Светлячок», ни о каком плохом самочувствии не было речи. Всё одновременно

тушилось, скворчало и жарилось, и Мильхен везде поспевала. А если она не знала, что делать дальше, то брала крошечный телефон и звонила маме, которая в то же самое время готовила еду в большом доме.

Максику нравилось сидеть на кухне и наблюдать за Мильхен.

Время от времени он читал ей что-нибудь вслух. Или они принимались вместе валять дурака. Особенно им удавались смешные названия блюд. «Сегодня на обед чепуха на постном масле!» — кричали они весело. Или: «Вкуснейшая галиматья под шубой из винегрета», а то ещё: «Нежнейшие мыльные пузыри во фритюре». И что самое замечательное — всё это они уплетали за обе щёки!

А однажды в открытое окно кухни чуть было не влетел чёрный дрозд, которому вздумалось с ними пообедать. Ну и переполох же был! Максик отослал Мильхен к телефону, а сам пригрозил птице большим кухонным ножом. Дрозд стал ругаться на чём свет стоит, но и Максик не отставал.

— А ну пошёл вон! — кричал он. — Не то сделаю из тебя жаркое!

Но это, слава богу, не понадобилось, потому что посреди этой перебранки на лужайке появился Йокус. Он бежал так быстро, как будто собирался побить мировой рекорд по бегу на лужайках. Завидев его, дрозд обратился в бегство. Вернее, в полёт. Но далеко не улетел, а уселся на соседнее дерево и продолжил ругаться.

Дрозды — удивительные птицы. Поют они не хуже соловьёв, а то и лучше. Но стоит им рассердиться — просто уши вянут их слушать, так они ругаются!

Когда невоспитанный дрозд наконец улетел, Йокус нагнулся к домику и спросил:

— А что у вас на обед?

— Гусиная печёнка из курицы с хреном и хрен дополнительно, — сообщила Мильхен. — Хотите попробовать?

И она протянула профессору через окно полную ложку.

Тот попробовал и закашлялся.

— Острое блюдо, — сказал Йокус.

— Зато полезное, — заметила Мильхен. — Хрен прочищает дыхательные пути.

— А дополнительный хрен прочищает их ещё больше, — пояснил Максик. — Кроме того, это очень смешная еда, потому что от неё хочется плакать.

— А вы запишите все эти рецепты и издайте «Поваренную книгу для детей», — посоветовал Йокус. — Вот увидите, успех будет грандиозный.

— Лучше не стоит, — сказала Мильхен. — А то сюда нагрянет толпа родителей, чтобы надрать нам уши.

Но Максику идея понравилась.

— Зато ты научишься читать и писать, — сказал он. — И мы повеселимся! Только представь, сколько смеху будет!

— Это точно, — согласился Йокус. — В общем, приятного аппетита. А у нас сегодня гуляш с клёцками и сметаной. Так что вечером я за вами зайду. Всего наилучшего.

Когда Йокус заковылял обратно по лужайке, у него здорово ломило поясницу. Это случается со всяким, кто слишком долго гнёт перед кем-нибудь спину, расхваливая на все лады чужую стряпню.

Отведав такого весёлого и одновременно такого слезливого блюда с хреном, да ещё с хреном дополнительно, мальчик и девочка сидели в библиотеке и потягивали горячий шоколад из махоньких фарфоровых чашек. На закуску был дроблёный миндаль с рублёным изюмом.

— Вкуснотища — пальчики оближешь! — провозгласил Максик. — Ты самая замечательная хозяйка на свете! Но как вышло, что ты не умеешь читать и писать?

— А кто должен был меня учить?

— Как кто? Мама, конечно.

— Но она с утра до ночи работала в магазине, а потом с ног валилась от усталости.

— Тогда ещё кто-нибудь. Где были учителя, воспитатели, наконец, соседские дети, которые ходили в настоящую школу? Неужели они не могли помочь такой крошке, как ты?

Мильхен посмотрела ему прямо в глаза.

— Клянись, что никому не расскажешь.

— Клянусь ранцем Эриха Шустрика. Эрих — мой друг, так что страшнее клятвы у меня нет.

— В Фэрбанксе никто не знал о моём существовании, — еле слышно произнесла Мильхен. — У меня даже свидетельства о рождении нет.

От изумления у Максика округлились глаза.

— Когда я родилась и мой отец увидел, какая я маленькая, он взял и сбежал. Я понятия не имею, где он сейчас и жив ли, да и не хочу этого знать. Через пару недель мы с мамочкой переехали в Фэрбанкс, и она на последние деньги арендовала бакалейную лавку. При этой лавке был маленький чуланчик — там она меня и прятала, пока мы не приехали к вам.

Тут Максик взял да и швырнул в стенку свою фарфоровую чашку.

— Ты девять лет просидела в чулане?! — вскричал он. — Какой ужас! Но как она могла так поступить?

Мильхен встала на коленки и стала собирать осколки.

— Жалко, такая красивая чашка, — сказала она.

— А себя тебе не жалко? — бушевал Максик. — Это ж надо, девять лет!

Но, взглянув на девочку, которая ползала по ковру между осколками, он бросился к ней и крепко обнял. Так они просидели какое-то

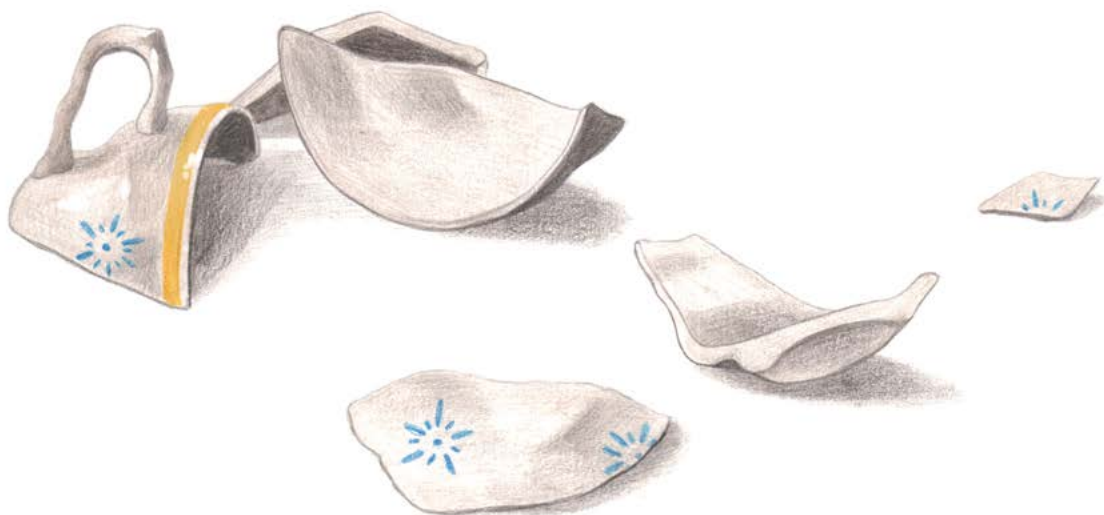
время. Мильхен плакала, и на этот раз дело было не в хрене. Максик вытер ей слёзы, а потом глянул на свои руки и сказал:

— Как назло, у меня сегодня грязные руки.

— Ничего страшного, — сказала Мильхен, и у неё на лице вновь заиграла улыбка.

Уж не знаю, что вы на это скажете, но, по-моему, Максика, который поначалу очень рассердился, можно понять. Он был так зол на маму Мильхен, что не меньше недели старался не встречаться с ней взглядом. А сказать ничего не мог, ведь он обещал никому ничего не рассказывать. Да ещё поклялся ранцем Эриха Шустрика, об этом не стоит забывать. С другой стороны...

Ох уж эти мне «с одной стороны», «с другой стороны» — вечно они суются куда не надо, лишь бы нас помучить. Даже седые старцы — и те продолжают метаться между этими сторонами. Итак, с другой стороны, миссис Джейн Симпсон всё-таки поступила не так скверно, как те родители, которые оставили Гензель и Гретель в лесу только потому, что не могли их прокормить.

Миссис Симпсон день и ночь трудилась в своей убогой лавчонке, торговала водкой и консервами. У неё покупали индейцы и эскимосы, рыбаки и скорняки. Попадались и американцы — по большей части пилоты и механики, потому что неподалёку располагалась американская база. Время от времени они наведывались в Фэрбанкс, чтобы покутить и повеселиться.

— Да брось ты свою дурацкую лавку! — кричали они. — Лучше пойдём потанцуем!

Им не терпелось потанцевать с женщиной, в которой было не больше пятидесяти сантиметров. А один из них как-то схватил всю её каску, и, если бы она не бросилась на него с острым консервным ножом, кто знает, чем бы это кончилось...

А зачем, собственно, я всё это рассказываю? Да чтобы объяснить вам и себе, почему миссис Симпсон так долго прятала дочку и никто даже не подозревал о её существовании. Между прочим, это ведь настоящее чудо, что, несмотря на девять лет заточения, Мильхен выросла нормальным здоровым ребёнком. А что, если бы она заболела? Неужели миссис Симпсон об этом не подумала?

Я, например, не могу в это поверить. Поэтому предлагаю переместиться в гостиную на «Виллу малых забот» и послушать, что она сама рассказала.

Роза и Йокус устроились на диване, а в кресле напротив, понутив голову, сидела миссис Симпсон. Она была похожа на ученицу четвёртого, максимум пятого класса. Но стоило ей поднять голову, как становилось понятно: это была усталая, измученная жизнью взрослая женщина.

— Я всё делала неправильно, — сказала она. — Хотела иметь высокого мужа и высоких детей. Разве это такой страшный грех? Или это уже два страшных греха? А может, это целых 87 страшных грехов?

— Нет, — сказала Роза. — Но...

— Высокий муж у меня был. Но дочка родилась маленькая, не выше пяти сантиметров. Увидев её, муж пришёл в ужас и сбежал. Решил, что я ведьма. И во мне поселился страх. Я боялась себя и собственной дочки. Но и за неё я тоже очень боялась. Я боялась фермы, на которой выращивали чернобурок, боялась холодов... А в Фэрбанксе к этому прибавились новые страхи: что, если я или Эмили заболеем? И как нам защититься от пьяных мужчин?

Миссис Джейн Симпсон, урождённая Пихельштейнер, подняла голову и печально взглянула на сидевшую перед ней пару.

— Вряд ли меня можно назвать плохим человеком, но мать я निकудышная. Вы не согласитесь оставить мою дочь у себя?

— Само собой, — сказал Йокус. — Максик нам не простит, если Мильхен уедет. А почему вы спрашиваете?

Тут Роза наклонилась вперёд и спросила:

— Вы же не собираетесь сами...?

— Собираюсь, — сказала миссис Симпсон. — Всё равно я никому не нужна. Даже девочка не станет по мне скучать.

— Да что вы такое говорите! — воскликнул Йокус. — Мама всегда нужна — это ясно, как дважды два!

— Оставайтесь, — вторила ему Роза. — Не только ради Мильхен, но и ради ваших клёцек.

— И кстати, кто-то должен присматривать за домами, пока мы будем на гастролях, — сказал Йокус, закуривая. — Каникулы ведь тоже когда-нибудь кончатся. Короче говоря, моя дорогая миссис Симпсон, вы останетесь, потому что мы без вас пропадём. И на этом прошу считать тему закрытой!

Разговор, который я только что пересказал, пошёл маме Мильхен на пользу. Уже через несколько дней она не выглядела такой запуганной, как вначале. Порой даже улыбалась, когда все остальные смеялись, и только теперь стало видно, какая она на самом деле хорошенькая.

А однажды Роза заглянула к Йокусу в кабинет и жестом пригласила его следовать за собой. Дойдя до кухни, она приложила палец к губам и слегка приоткрыла дверь. До них донеслось звяканье посуды, которую мыла миссис Симпсон. А ещё они услышали, как миссис Симпсон... поёт!

Когда, стараясь не шуметь, они вернулись обратно, профессор сказал:

— Кажется, у нас получилось. Худшее позади.

— Завтра же отправлю её в парикмахерскую, — сообщила Роза. — Новая причёска для женщины — всё равно что новая жизнь.

В тот же вечер после ужина миссис Симпсон увела Розу и Мильхен, чтобы что-то им показать, а Йокус с Максиком остались вдвоём.

— Как раз удобный случай поговорить по-мужски, — сказал профессор.

Максик был польщён.

— Я тебя слушаю, — сказал он.

— В последнее время ты с такой злостью поглядывал на миссис Симпсон, я даже испугался, что ты её укусишь.

И поскольку Максик молчал, Йокус продолжил:

— Быть может, ты что-то узнал о Фэрбанксе... Например, о чуланчике при бакалейной лавке. И, конечно, пообещал держать язык за зубами.

Максик по-прежнему молчал.

— Ты, конечно, молчи, — сказал профессор. — Но я-то никому ничего не обещал и могу говорить всё что угодно. И вот что я скажу: ты к ней несправедлив.

— Неправда! — вскричал Максик. Он весь трясся от гнева.

— Я знаю, о чём говорю. Она нам сама всё рассказала, в этой самой комнате.

— Потому что её совесть мучает!

- Это верно. Но ещё потому, что она собиралась уехать.
- Уехать? Но куда?
- Понятия не имею. Впрочем, она и сама не знает.
- Вместе с Мильхен? — Максик сделался белым как полотно.
- Нет, одна. Она думает, что никому здесь не нужна.
- Так почему же она...?
- Не уехала? Потому что я велел ей остаться.

На этом серьёзный мужской разговор прервался, потому что миссис Симпсон и девушка Марципан вернулись в комнату и уселись на диван. Вид у них был очень довольный. Мальчик посмотрел на обеих и спросил:

- А где же Мильхен?

Миссис Симпсон положила на стол приоткрытую спичечную коробку. Внутри лежала Мильхен и спала.

Точнее, она только делала вид, что спит. А Максик сделал вид, что сердится.

— Дожили! — буркнул он. — Дай женщине палец — она и коробку откусит! Вы только посмотрите, что надето на этой нахалке! Одна из моих собственных пижам! Это легко доказать — пуговицы на мужскую сторону!

— Ради всего святого, что значит «пуговицы на мужскую сторону»? — спросил Йокус.

— У нас, мужчин, петли слева, а пуговицы справа, — старательно объяснил Максик. — А у женщин наоборот. То есть она просто-напросто украла мою пижаму. Всё, вызываю полицию.

В этот самый миг Мильхен рывком села в коробке. В глазах у неё плясали озорные огоньки.

— Это моя коробка! — возмутилась она. — И матрас, и перина, и подушка! Моя мамочка сшила их специально для меня! Заруби это себе на носу, ты... ты... пуговица на мужскую сторону!

И тут — ну это уж ни в какие ворота! — она показала ему язык: «Бэ-э-э!»

Максик бы, конечно, тут же ответил, но Йокус зажал ему рот и сказал:

— Завтра же закажу портному пиджак с двумя нагрудными карманами — справа и слева, чтобы вы хотя бы на улице не ссорились.

— Вот видишь! — говорил профессор позднее, когда они, весёлые и довольные, укладывались спать. — Не такая уж она плохая мать. И так сегодня радовалась, что вся покраснелась.

Максик кивнул, сидя в своей спичечной коробке.

— Один раз она даже по-настоящему засмеялась, — сказал он.

— Возможно, это впервые за девять лет, — сказал Йокус. — А кстати, вы здорово нас рассмешили! Странно, но у меня такое чувство, будто эта девочка живёт у нас целую вечность. Хотя мы всего неделю назад встретили её в аэропорту. Роза то же самое говорит.

Тут раздался щелчок выключателя, и они очутились в полной темноте. Это Максик погасил свет.

— Неужели ты так спать хочешь? — удивился Йокус.

— Нет.

— А что тогда?

— Я та-а-ак рад за Мильхен, что не могу говорить об этом при свете. Даже тебе, милый Йокус.

Некоторое время они лежали молча. За окном ветер трепал ветки кипарисов. Это был южный ветер, который прилетел сюда из Италии и теперь собирался через Альпы проникнуть дальше, на север, чтобы насладиться свежевывпавшим снегом — снег он обожал.

Йокус решил было, что Максик уснул.

Как вдруг мальчик снова подал голос:

— Есть ещё кое-что, о чём нам нужно поговорить без света. Ты слушаешь?

— Конечно.

— Я знаю, почему вы до сих пор не поженились.

— И почему же?

— Из-за меня. Вам меня жалко. Вы боитесь, что мне будет одиноко.

— Ой, давай обойдёмся без мелодрамы, — предупредил Йокус. — Не то я включу свет.

— Только не это!

— Ладно. Тогда спрошу в темноте. Почему это ты думаешь, что всё дело в тебе?

— Потому что так оно и есть. Ты сам это сказал. Два раза в Глазго, один раз в Лондоне, два раза в Бреганзоне и один раз здесь, в новогоднюю ночь.

— Ну это уж слишком! — возмутился профессор. — Мало того что ты всё это придумал, так ещё зачем-то сочинил время и место, когда я это якобы сказал...

— Ничего я не сочинил! — вскричал Максик. — Просто ты разговариваешь во сне!

Больше он ничего не сказал. Впрочем, это было не нужно. Некоторое время стояла полная тишина. По крайней мере в комнате. А на улице южный ветер уже здорово разошёлся. Деревья гнулись, стонали и охали, словно их разбил радикулит. Вдалеке прогудел поезд.

Наконец Йокус вздохнул, как будто у него тоже болела спина, и произнёс:

— С завтрашнего дня буду затыкать тебе перед сном уши ватой, чтобы ты ничего не слышал.

Максик тихонько захихикал.

— А зачем? С тех пор как приехала Мильхен, я больше не одинок. Так что женитесь на здоровье, а обо мне не беспокойтесь! Мильхен думает так же!

— Что значит «так же»? Вы что, с ней это обсуждали?

— Я не хотел, она сама всё узнала.

— Что значит «сама всё узнала»?

— Понимаешь... Мы обедали у себя. У нас был солнечно-сопливый суп, а точнее, солнечно-суповые сопли с карамельками и фрикадельками. Потом я прилёг на диван, чтобы полчасика поспать. А Мильхен села рядышком и стала вязать шляпку из Шляпистана, хотя такой страны, конечно же, нет.

— Ну? И что было дальше? — нетерпеливо спросил Йокус.

— Мильхен вязала и слушала, что я говорю.

— Подожди-ка, я думал, ты спишь...

— Дорогой Йокус, только, пожалуйста, не сердись, — боязливо сказал Максик. — И не смейся. Всё дело в том...

— В чём?..

— Что я точь-в-точь как и ты... Причём я тоже об этом не знал... Пока Мильхен не заметила. В общем... я разговариваю во сне!

Тут Йокус расхохотался, да так, что аж окна задрожали. Но он и не думал останавливаться. Максику тоже стало смешно, и они стали хохотать на два голоса, пока кто-то не открыл дверь и не включил свет.

На пороге стояла Роза Марципан в голубой пижаме. Вид у неё был порядком заспанный.

— Что вы тут гогочете? — спросила она растерянно. — Да ещё в темноте. Вы что, спятили?

— Кажется, до этого ещё не дошло, — сказал Йокус. Но тут его настиг новый приступ хохота. Максик не отставал. Он так разошёлся, что в упоении стал дёргать сам себя за волосы.

Девушка Марципан присела на краешек кровати, взяла профессора за руку, нащупала пульс и тоном медсестры произнесла:

— Пожалуйста, главное — не волнуйтесь. Я подожду.

Всё когда-нибудь заканчивается. Даже приступы хохота (а их очень непросто прогнать!). В конце концов Йокус с Максимом всё-таки смогли рассказать Розе, что они только что обсуждали в тёмной комнате.

— Стало быть, — весело сказала она, — Розе Марципан пора на покой и теперь её заменит госпожа Йокус-Покус?

— Но вначале ты должна попросить у меня его руки, — объявил Максик. — И лучше побыстрее.

— Что, прямо в пижаме? — переспросила Роза.

— Прямо в пижаме! — отрезал Максик.

А Йокус добавил:

— Не то так и останешься не замужем.

Роза быстренько встала, сделала глубокий реверанс перед ночным столиком, на котором стояла спичечная коробка, и продекламировала:

— Многоуважаемый господин фон Пихельштейнер, несмотря на столь поздний час, позвольте попросить у вас руки прославленного вора Йокуса фон Покуса.

Максик вылез из спичечной коробки, поклонился Розе и сказал:

— Да будет так. Засим вручаю вам его руку.

— Не хочу показаться нескромной, — сказала Роза. — Но должна вам напомнить, что у него две руки.

— Вот видишь, — заметил Йокус. — Сперва она просит одну руку и тотчас заявляет, что ей нужны обе. Держу пари, через минуту ей потребуется ещё и нога.

— Само собой, о ногах я тоже прошу, — Роза сделала второй реверанс. — А также о подколенных ямках, ключицах, сухожилиях...

— Она хочет продать меня в анатомический театр! — воскликнул Йокус.

А Роза всё приседала, и приседала, и продолжала перечислять:

— Ещё, пожалуйста, дайте усы, брови, мочки ушей и морщинки на лбу. Обещаю быть ему хорошей женой и, когда его черепушка придёт в негодность, обязуюсь связать ему новую.

Она опустилась в глубоком реверансе и поднялась только тогда, когда Максик ей это милостиво позволил.

— Итак, — начал Максик елеиным голоском. — Вы только что попросили руки этого господина вместе со всем остальным. Этого вполне достаточно, так что, считайте, дело в шляпе. Я лично не возражаю, как и мисс Эмили Симпсон с Аляски.

— Большое спасибо, ваше превосходительство! — сказала Роза.

— Рано радуетесь, — предупредил Максик. — Вы ещё должны пообещать нам две вещи.

— Так я и знал, — вздохнул Йокус. — Ну что там у тебя? Выкладывай давай!

— Во-первых, перед свадьбой вы должны устроить настоящую вечеринку — со жмурками, хлопушками и прочими глупостями.

— Согласен. Что ещё?

— И пусть эта вечеринка состоится в Жирный вторник* — Мильхен ни разу не была ни на том ни на другом. А вы сэкономите — ведь это будут два праздника в один день. Мильхен хочет сделать для нас с ней красные клоунские носы. Вот будет потеха!

— Не сомневаюсь, — согласился Йокус. — Правда, кое-что вы забыли. Вы, конечно, расчётливые дети, а всё-таки не подумали, какой день идёт после Жирного вторника.

— Почему это не подумали? После него идёт Пепельная среда**. Ну и что?

— А то, что мы не хотим жениться в такой печальный день, — сказала Роза.

— Но в этом есть свои плюсы, — заметил Максик. — В загсе не будет очереди.

Вечеринка накануне Пепельной среды удалась на славу. Яркие красные клоунские носы надели не только Максик и Мильхен, но и жених с невестой и, конечно, свидетели — мистер Джон Ф. Минеральвотер и директор цирка Грозоветтер, которые прибыли как раз вовремя. Полицейского комиссара Штейнбайса тоже пригласили, но ему пришлось остаться в Берлине, чтобы расследовать дело об ограблении банка. Такие дела ждать не могут.

А поскольку в Жирный вторник устраивают карнавал, то все переоделись. Миссис Симпсон нарядилась эскимоской, мистер Минеральвотер — алжирским пиратом, Роза Марципан — дрессированным белым пуделем. Всё же приз за лучший карнавальным костюм достался директору Грозоветтеру. Ещё в обед он заявил, что его никто не узнает. И директор оказался прав, ведь вечером он пришёл вообще без перчаток!

* В католических странах Жирный вторник отмечают перед Пасхой, накануне Великого поста. В Германии в этот день устраивают карнавал.

** Пепельной средой называют первый день Великого поста.

И все закричали:

— Это никак не может быть наш дорогой господин Грозоветтер!

Разве после этого ещё могли быть вопросы, кто выиграл? В качестве награды Грозоветтер получил от Йокуса пару железных перчаток, которые в стародавние времена носил какой-то рыцарь. Он был очень тронут. Тем более что железных перчаток в его коллекции ещё не было.

Но не будем забывать, что вечеринку устроили не столько из-за Жирного вторника, сколько ради будущей свадьбы, и все гости веселились до упаду*. Но больше всего смеху было во время игры «Разбей горшок»**.

Думаете, это так просто — попасть палкой по горшку, когда у тебя завязаны глаза и приходится колотить по всему что ни попадя? Мистер Минеральвотер, например, так усердно работал палкой, что ненароком заехал по цилиндру директору Грозоветтеру.

Бедняга Грозоветтер! Видели бы вы его в нахлобученном до самого носа цилиндре! А ведь ему пришлось минут пять так просидеть, пока его не освободили.

— Вы были как Чёрный принц*** в этом цилиндре! — восхищался Максик.

— Рад, что тебе понравилось, — сказал директор, потирая уши.

После этого подали горячие сосиски из Бреганзоны. Король Билеам самолично прислал двадцать коробок. В каждой — по шесть пар

* Такая уж в Германии традиция — веселиться до упаду перед свадьбой.

** На вечеринке у Йокуса и Розы гости играют в традиционную немецкую игру. Вóде завязывают глаза и дают в руки поварёшку или палку. Ползая по полу и постукивая, он должен отыскать перевёрнутый горшок, под которым спрятаны сладости или подарки.

*** Скорее всего, Максик посмотрел фильм американского режиссёра Генри Левина «Чёрный принц» (1955), в котором действует принц Эдуард Вудсток по прозвищу Чёрный принц.

сосисок. И, несмотря на горячие усилия гостей, одиннадцать короб так и остались нетронутыми.

— Откроем их на нашу серебряную свадьбу, — сказала Роза Йокусу.

В Пепельную среду все вместе спустились в Лугано и направились в загс, который размещался в городской ратуше. Максик оказался прав: внутри не было ни души. Служащий загса даже обрадовался, что к нему наконец кто-то пришёл.

Он проверил все документы. Жених с невестой и свидетели расписались, а Максику и Мильхен разрешили сесть рядом с чернильницей. Служащий загса произнёс по-итальянски пламенную речь, пожал всем руки, и дело было сделано — девушка Марципан стала госпожой фон Покус. Но во всём остальном, слава богу, осталась точно такой, как прежде.

После церемонии всех ждал торжественный обед в ресторане «Бьянки». Стол был великолепно сервирован, и его украшало столько цветов, что Грозоветтер вместе с антрекотом «Кафе де Пари» съел три цветочка, по ошибке приняв их за гарнир. Впрочем, эту оплошность заметил только официант, который тут же распорядился принести в зал свежие цветы.

Вечером взрослые сидели в гостиной «Виллы малых забот» и пили крепкий кофе. После всех праздничных хлопот они были совершенно без сил. Мистер Минеральвотер рассказывал об успехе телепередач о Маленьком Человеке и о том, что к Пасхе в тысячах кинотеатров выйдет большой фильм о Максике. Но уже сейчас репортаж о сеньоре Лопесе вызвал необычайную шумиху. Интерпол уже напал на его след.

— Ха, они и глазом моргнуть не успеют, а этот след уже и простыл, — сказал Грозоветтер. — У него ведь денег куры не клюют.

И хотя ничего особенно смешного в его словах не было, всё-таки Грозоветтер принялся хохотать над собственной шуткой и хохотал до колик в животе. А может, виной всему были цветы со стола? Кто знает? Разве можем мы заглянуть внутрь директора Грозоветтера?

— Давайте-ка лучше отвлечёмся от вашего живота и поговорим кое о чём по-настоящему важном, — предложил Минеральвотер. — Есть у меня один план...

— И не думай! — одёрнул его Йокус.

— Но ты даже не знаешь, о чём я!

— Почему это не знаю? Ты хочешь снять фильм о Максике и Мильхен.

— Да ты просто читаешь мои мысли! Назовём этот фильм «Мальчик и Девочка».

— Очень трогательно, — проговорила миссис Симпсон, с надеждой глядя на Минеральвотера.

— Но сначала я хочу... — начал Минеральвотер.

— И я! — перебил его профессор. — Я тоже хочу кофе! Давай-ка попросим хозяйку дома и домохозяйку сварить нам по чашечке свадебучино. Можно и по-турецки.

— Слушаюсь, мой господин, — сказала Роза, поклонившись на восточный манер. Она подмигнула Йокусу и увела из комнаты миссис Симпсон.

— В чём дело? — спросил Минеральвотер раздражённо. — Почему я должен пить этот свадебучино по-турецки?

— Чтобы миссис Симпсон не слышала, что я сейчас скажу, — сказал Йокус решительно. — Значит, так. О фильме можешь забыть! Миссис Симпсон и Мильхен только начали отходить от того, что им пришлось вытерпеть на Аляске, как вдруг являешься ты и хочешь, чтобы они снова всё это пережили, пусть и в качестве артисток. Да как тебе в голову могло такое прийти?

— Вообще-то он парень неплохой, — примирительно сказал директор Грозоветтер. — Правда, когда играет в «Разбей горшок» или строит свои киношные планы, то становится просто как бешеный.

Некоторое время мистер Минеральвотер молча кусал губу.

— Окей, джентльмены, — сказал он наконец.

— Ну что, не будешь снимать? — спросил Йокус с облегчением.

Минеральвотер улыбнулся.

— Поговорим об этом через годик.

Тем временем Мильхен и Максик уютно устроились у раскрытого окна на своей вилле «Светлячок» и лентяйничали. Это был обязательный пункт в их расписании, которое висело тут же на стенке. «Лентяйничанье. Ежедневно с 15:00 до 16:00. В том числе по воскресеньям», — написал Йокус своим каллиграфическим почерком.

Максик бросил взгляд на часы с маятником.

— Ещё четыре минуты, — сообщил он. — И можно снова стоять на ушах. Во что будем играть? Может, в парикмахерскую? Сделаем причёску госпоже Какадауэр. Или в театр? Как будто певец прямо на сцене заболел коклюшем.

— Пока часы не пробьют, не собираюсь ни о чём думать, — сказала Мильхен.

Она рассматривала маргаритки под окном, которые были с неё ростом. Рядом росли примулы, примерно на голову её выше.

— А хочешь, пойдём в гимнастический зал, — предложил Максик. — Я буду делать большой оборот, а ты — меня ловить. Идёт?

Но Мильхен приложила палец к губам.

— Ладно уж, — буркнул он. — Лентяй Лентяевич Лентяев.

И они оба принялись смотреть на лужайку. И смотрели до тех пор, пока часы не пробили четыре раза.

— Всё! Мо-о-ожно! — крикнул Максик, которому уже не сиделось на месте. — Ну, чем займёмся?

Мильхен улыбнулась.

— Придумала! Будем играть в самых маленьких на свете мужа и жену. Эта игра только для нас, потому что все остальные дети для неё слишком большие.

— Точно! — загорелся Максик. — С чего начнём? С вечеринки перед свадьбой?

— Только не это! А то ещё побьёшь всю посуду — с тебя станется!*

* В Германии на вечеринке перед свадьбой и впрямь принято бить посуду. В старину считалось, что так можно отогнать от жениха и невесты злых духов.

— Тогда давай, как будто мы уже два года женаты и я возвращаюсь домой из командировки. Мы, конечно, радуемся, что оба живы-здоровы, бросаемся друг другу на шею...

— ...и тут ты спрашиваешь, куда делись дети, — сказала Мильхен. — Мне нравится.

— Какие ещё дети? — удивился Максик.

— Как это — какие? Всё-таки мы муж и жена, и у нас двое детей: маленькие мальчик и девочка. Их зовут... Фридолин и Кунигунда. Как тебе?

— Фридолин и Кунигунда? Здорово придумала! Тогда давай играть!

И он пулей вылетел из комнаты. А Мильхен поправила платишко, встала на коврик перед дверью и принялась ждать.

Вскоре на лестнице послышались громкие шаги.

— Алло, алло! — крикнул Максик. — Где моя любимая жёнушка?

— Здесь, мой муженек! — крикнула в ответ Мильхен. — Твоя драгоценная супруга ждёт тебя.

И она как можно шире раскинула руки.

Максик распахнул дверь.

— А вот и я! — воскликнул он, сияя. — Чудесно выглядишь! — добавил он на всякий случай.

Но тут же зацепился за край коврика и вместо того, чтобы повиснуть у неё на шее, упал к её ногам. После чего оба захихикали.

Когда, взявшись за руки, они сели на диван, Мильхен стала его ласково расспрашивать:

— У тебя кашель прошёл? Ты там все дела переделал? Проголодался, наверно? Очень устал с дороги? Принести тебе халат? Или виски? Или «Том Коллинз»? Почему же ты молчишь, любовь моя?

Тем временем Максик с наслаждением растянулся на диване.

— Наконец-то я дома, — проговорил он. — Наконец-то родные стены, тишина и покой...

Тут Мильхен легонько пихнула его в бок и шепнула:

— Спрашивай про детей.

Он быстро кивнул. А потом спросил довольно громко:

— Когда я уезжал... э-э-э-э... если не ошибаюсь, у нас были дети? Двое или трое?

— Двое, мой любимый. Прелестные Фридолин и Кунигунда. Куколки наши ненаглядные.

— Ах, ну да. И что же, пока я был в отъезде, они, наверно, подросли?

— Нет, к сожалению. Как раз вчера я их измеряла линейкой. И Фридолюша, и Кунигундочка по-прежнему не выше пяти миллиметров, так что высокими их не назовешь, хотя едят они за троих.

— Пять миллиметров — это всего полсантиметра...

— Совершенно верно, мой дорогой умник.

— И где они прячутся? Почему не карабкаются по своему любимому папочке?

— Только не ругайся, пожалуйста, — попросила Мильхен. — Мне пришлось отнести их в прачечную. Сейчас они там висят на верёвке и сушатся.

Максик обомлел.

— Это ты ваньку валяешь, — сказал он испуганно.

— И вовсе не Ваньку, нашего сына зовут Фридолин! А почему ты о Кунигундочке не спросишь? Ну конечно, она ведь всего-навсего девочка!

— Говори, что у вас стряслось, — потребовал Максик. — Не то я разрублю на куски этот комод!

— Понимаешь, вчера наши детки вдруг оба исчезли. Уж я их звала-звала, весь дом обшарила — ничего! В конце концов мне пришлось в голову проверить пылесос. Я как раз недавно пылесосила во всех комнатах...

— Ты что, засосала детей пылесосом?!

— Представь себе. Когда я вытащила из него мешочек для пыли, оказалось, что они оба по уши увязли в грязи. Только подумай: горы пыли, ворсинки от ковра, пепел от сигарет, земля из цветочных горшков, а посреди всего этого — наши ангелочки! Их, конечно, не узнать: все чумазные, липкие. Чихают, кашляют, а сколько было рёву!

— Милые малыши... — проговорил Максик взволнованно.

— Ну я, конечно, быстрее засовываю их в хозяйственную сумку и бегом в прачечную.

— И они до сих пор сушатся там на верёвке?

— Совсем недавно с них ещё немножечко капало. Но уже через часик мы их заберём. Их хорошенько прогладят — будут как новенькие. По крайней мере, так обещал хозяин прачечной.

Но Максик ничего не сказал.

— Эй, ты почему не играешь? — спросила Мильхен.

— Кажется, у нас гости, — сказал Максик, кивая на сад.

Роза Марципан, ах простите, госпожа фон Покус прогуливалась по лужайке под руку с мужем. Оба производили впечатление абсолютно счастливых людей, довольных собой, окружающими, да и вообще всем на свете.

— Как думаешь, у неё скоро будет малыш? — спросила Мильхен.

— Уж не знаю, скоро ли, но ясно, что это будет прекрасно. Мы усядемся с ним в коляску и будем кататься по парку, а когда он заплачет, станем щекотать.

— Кого щекотать? Парк? — удивилась Мильхен.

— Какой парк? Мальчика, конечно!

— А если будет девочка?

— Тогда будем щекотать девочку. Но это точно будет мальчик, уж поверь мне. Я уже и имя придумал! Поскольку папочку зовут Йокус фон Покус, сыночка будут звать...

И Максик что-то быстренько шепнул Мильхен на ушко.

— Я не поняла, можно помедленнее? — попросила Мильхен. — Йоксик фон...?

И Максик снова шепнул ей что-то на ухо, на этот раз — медленно и чётко, так что она всё отлично расслышала.

— Кла-а-а-асс! — прыснула Мильхен и захлопала в ладоши.

Тут они оба принялись хохотать и не успокоились, даже когда к ним в окошко заглянули господин и госпожа фон Покус.

— Кажется, вы не грустите, — заметил Йокус. — Вас за три версты слышно.

А Роза фон Покус спросила:

— Над чем смеётесь?

Но Максик и Мильхен выкрикнули в один голос:

— А вот этого мы вам не скажем!

Дорогие читатели,

господин и госпожа фон Покус выглядели озадаченными. Они сидели на травке и не знали, над чем бы им посмеяться. Но вы-то прекрасно знаете, что Максик шепнул Мильхен на ушко.

А кто не знает, тот успел позабыть, с чего книга началась. Когда Эрих Шустрик рассказывал о... Да не бойтесь вы, я не стану начинать с самого начала, а наоборот — возьму да и напишу одним махом слово

КОНЕЦ.

Оглавление

Глава 1

Полицейский комиссар Штейнбайс бьётся о стену.
Навязчивая идея Бернгарда. Лысого Отто мучает жажда.
В аэропорту Темпельхоф приземляется самолёт из Парижа.
Мистер Джон Ф. Минеральвотер прибывает из Голливуда.
Его рост — 1 метр 90 сантиметров, и он вечно спешит > > > > > 23

Глава 2

Директор Грозоветтер меняет цвет перчаток.
Роза Марципан одалживает мистеру Минеральвотеру бинокль.
Совещание в Голубом салоне. Одним спать не разрешают,
другим не спится, а третьи не хотят > > > > > > > > > > > 36

Глава 3

Бизнес, только бизнес. Считать тоже надо умеючи.
Загадочный конверт. Господин Гёте в роли учителя.
Второй запечатанный конверт. Удачная сделка > > > > > > > 50

Глава 4

Операция «Спящая красавица». Начальник охраны
Мюленшульте смутно напоминает. Лысого Отто
снова мучает жажда. Пианино в воздухе. Полицейский комиссар
Штейнбайс пакует чемоданы. Гастроли цирка «Стильке»
в Глазго и Лондоне > > > > > > > > > > > > > 61

Глава 5

Пресс-конференция в Мюнхене. Деревня на колёсах.
Максик «причёсывает» репортёру. Наездник Галопинский
должен просить разрешения у лошади. Пять творожных пудингов —
это уже слишком. Как насчёт экскурсии в Пихельштейн? > > > > 79

Глава 6

«Внимание! Берегите голову при входе в церковь и ратушу!»

Разве большой оборот передаётся по наследству?

Ненастоящие родители Максика. Комиссар Штейнбайс

возвращается из Южной Америки. Сеньора Лопеса

снимают на камеру, а потом он удирает > > > > > > > > > 93

Глава 7

Где находится Бреганзона, никому неизвестно.

Главной убор короля Билеама. Рассказ о столице.

Юдифь шьёт, а Максик поёт. Четырнадцать дней —

это всего-навсего две недели > > > > > > > > > > > 112

Глава 8

Максик считает туннели в Швейцарии. Тайна раскрывается.

Розу надо подкормить. Вилла «Светлячок».

Телепередача и телефонные разговоры. Фэрбанкс 3712.

Миссис Симпсон до замужества звали Анни Пихельштейнер > > > 131

Глава 9-я и последняя

Дружба с первого взгляда. Мильхен жарит чепуху

на постном масле. Миссис Симпсон собирается уехать и остаётся.

Пуговицы на мужскую сторону. Вечеринка перед свадьбой

и Пепельная среда. Максик и Мильхен не признаются,

над чем они смеялись > > > > > > > > > > > > > 153

Литературно-художественное издание
Для среднего школьного возраста
Маркировка согласно Федеральному закону № 436-ФЗ: 6+

Эрих КЕСТНЕР
Мальчик и девочка из спичечной коробки

Перевод с немецкого Елена Леенсон
Иллюстрации Мария Кузнецова

Издатель Виталий Зюсько
Шеф-редактор Марина Кадетова
Редактор Елена Толмачёва
Художественное оформление и верстка Дмитрий Дервенёв
Подготовка обложки Маргарита Чечулина (Greta Berlin)
Корректоры Надежда Власенко, Зоя Скобелкина

Регистрационное свидетельство
№ 5087746578123 от 11.12.2008

ООО «Издательский дом «КомпасГид»
115172, Москва, Краснохолмская набережная, дом 11, строение 1
Тел.: (499) 707-74-75
E-mail: book.kompasgid@gmail.com

По всем вопросам, связанным с приобретением книг издательства,
обращаться в ТД «Лабиринт»:
(495) 780-00-98
www.labyrinth.org

Книги «КомпасГида» в электронном виде
вы можете приобрести на www.litres.ru и www.bookmate.com

www.kompasgid.ru
Ищите нас в социальных сетях:
www.facebook.com/kompasguide
www.vk.com/ph_kompasgid
www.instagram.com/kompasgid

Подписано в печать 09.11.2020.
Формат 84×108/16 (190×255 мм).
Печать офсетная. Усл. печ. л. 19,32.
Отпечатано в
Заказ №